

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт Дальнего Востока Российской академии наук

Перспективы
развития
ШОС
с точки зрения
национальных
интересов
России

Москва
ИДВ РАН
2016

УДК 327.7ШОС+327(470+571)

ББК 66.4(0),6+66.4(2Рос)

П78

*Рекомендовано к печати
Ученым советом ИДВ РАН*

Рецензенты:

к. полит. н. *П.Б. Каменнов*, д. э. н. *В.И. Шабалин*

Ответственный редактор-составитель:

к. воен. н. *Ю.В. Морозов*

П78   Перспективы развития ШОС с точки зрения национальных интересов России / отв. ред.-сост. Ю.В. Морозов. — М. : ИДВ РАН, 2016. — 304 с.

ISBN 978-5-8381-0289-8

В состав сборника входят аналитические статьи научных сотрудников ИДВ РАН и других экспертов РАН, посвященные перспективам развития ШОС с точки зрения национальных интересов России. В нем собраны материалы, относящиеся к четырем аспектам деятельности этой организации: тенденции развития ситуации в Центрально-Азиатском регионе и стратегические аспекты развития ШОС; экономическая составляющая деятельности организации; культурные и гуманитарные связи в рамках ШОС; проблемы региональной безопасности и национальные интересы России. Особое внимание отводится роли и месту России в структуре ШОС, ее взаимодействию с ключевыми странами — членами этой организации. Проанализированы различные формы российско-китайского сотрудничества, рассмотрены угрозы и проблемы, с которыми сталкиваются в регионе эти и другие страны ШОС. Дана оценка современным факторам, влияющим на характер международных отношений на геополитическом пространстве организации, и проведен анализ существующих проблем в деятельности ШОС с точки зрения национальных интересов России. Предлагаются возможные направления по укреплению позиций Российской Федерации в ШОС, углублению взаимодействия России как с КНР, так и с другими государствами — членами ШОС, а также варианты ответов на угрозы национальной безопасности России, исходящие из региона. Особую ценность сборнику придают рекомендации, касающиеся перспектив развития Стратегии ШОС на период до 2025 г. и укрепления позиций Российской Федерации в Центрально-Азиатском регионе.

**УДК 327.7ШОС+327(470+571)
ББК 66.4(0),6+66.4(2Рос)**

ISBN 978-5-8381-0289-8

© Коллектив авторов, 2016
© ИДВ РАН, 2016

Содержание

<i>Лузянин С.Г.</i> Введение. Значение Центральной Азии и ШОС: экспертный дискурс	6
--	---

Часть I. МЕЖДУНАРОДНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ ОРГАНИЗАЦИИ

<i>Гордиенко Д.В.</i> Тенденции развития ситуации в Центральной Азии	28
<i>Батюк В.И.</i> Политика и стратегия США в Центрально-Азиатском регионе после 2014 г.	51
<i>Давыдов А.С.</i> Активизация взаимодействия ШОС с государствами-наблюдателями и иными структурами в интересах стабилизации обстановки в Афганистане	57
<i>Сотников В.И.</i> Перспективы развития сотрудничества ШОС с Ираном и Пакистаном при различных сценариях развития обстановки в Афганистане после 2014 г.	69
<i>Лузянин С.Г., Сафронова Е.И.</i> Перспективы развития стратегии ШОС	73

Часть II. ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ШОС

<i>Матвеев В.А.</i> Ретроспектива и перспективы развития экономических проектов ШОС	81
<i>Балакин В.И.</i> Геополитическая составляющая российско- китайского инвестиционного сотрудничества в рамках ШОС	90

<i>Ларин А.Г.</i> Евразийские инициативы Си Цзиньпина: Шелковый путь и другие	100
<i>Балакин В.И.</i> Интеграционные процессы в Шанхайской организации сотрудничества: состояние, проблемы и перспективы	121
<i>Матвеев В.А.</i> Концепция Экономического пояса Шелкового пути и возможные последствия ее реализации для дальнейшего развития Шанхайской организации сотрудничества	130

Часть III. КУЛЬТУРНЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ СВЯЗИ В РАМКАХ ШОС

<i>Морозов Ю.В.</i> Сильные и слабые стороны гуманитарной деятельности России в ШОС: возможное решение существующих проблем	146
<i>Бергер Я.М.</i> Некоторые стратегические аспекты возвышения Китая в видении генерала Лю Ячжоу, его единомышленников и оппонентов	163
<i>Сафронова Е.И.</i> К вопросу о трактовке «мягкой силы» и целесообразности ее использования на пространстве ШОС	181

Часть IV. ПРОБЛЕМЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИНТЕРЕСЫ РОССИИ

<i>Морозов Ю.В.</i> Интересы России в области региональной безопасности в Центрально-Азиатском регионе, их соотношение с интересами других акторов	198
<i>Клименко А.Ф.</i> Перспективы развития военно-политической обстановки в Центральной Азии. Взаимодействие ОДКБ и ШОС по обеспечению региональной безопасности	206
<i>Канаровский М.А.</i> Потенциал ШОС на афганском направлении в свете фактора 2014	214
<i>Комиссина И.Н.</i> Наркотрафик из Афганистана: угроза безопасности странам ШОС	226

<i>Васильев Л.Е.</i> Особенности современного терроризма и борьбы с ним на пространстве ШОС	238
<i>Гордиенко Д.В.</i> Структуры и модели развития ШОС как площадки для диалога по вопросам обеспечения региональной безопасности	259
<i>Клименко А.Ф.</i> Россия и вопросы обеспечения безопасности в Центральной Азии	271
<i>Морозов Ю.В., Клименко А.Ф.</i> Заключение	281
Сведения об авторах	294
Summary	296

Введение

ЗНАЧЕНИЕ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ И ШОС: ЭКСПЕРТНЫЙ ДИСКУРС

С.Г. Лузянин*

Статья анализирует значение Центральной Азии и деятельность ШОС в современных условиях, а также ситуацию безопасности на её геополитическом пространстве. Показано, какое влияние оказывает на нее деятельность России, Китая и других международных акторов. Особое внимание уделено перспективным направлениям региональной стратегии ШОС при создании новых экономических проектов посредством сопряжения ЕАЭС и китайского Экономического пояса Шелкового пути. В статье проанализированы работы ряда иностранных экспертов, посвященные перспективам развития ШОС и международным отношениям в Центрально-Азиатской регионе.

Ключевые слова: ШОС, Евразия, Россия, Китай, США, безопасность, Шелковый путь, Евразийский экономический союз, соразвитие.

Настоящий сборник является результатом исследований существующих проблем деятельности Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) в свете геополитической и экономической ситуа-

---

* Лузянин Сергей Геннадьевич, доктор исторических наук, профессор, и.о. директора Института Дальнего Востока РАН.

ции, складывающейся в Центрально-Азиатском регионе (ЦАР) в последнее время, и перспектив развития этой организации в точки зрения национальных интересов России. В него вошли доклады и выступления, посвященные этим вопросам в рамках конференций, проведенных в Институте Дальнего Востока РАН в 2014—2015 гг.

Цель содержания сборника — проанализировать деятельность ШОС и дать оценку её эффективности в политической, экономической, гуманитарной областях; оценить военно-политическую ситуацию, складывающуюся в Центрально-Азиатском регионе, и выявить степень её влияния на национальные интересы России; наметить стратегию развития ШОС на среднесрочную перспективу.

В связи с этим в сборнике рассматриваются четыре блока вопросов: тенденции развития ситуации в ЦАР и стратегические аспекты развития ШОС; экономическая составляющая деятельности организации; культурные и гуманитарные связи в рамках ШОС; проблемы региональной безопасности и национальные интересы России.

В Заключении сборника приводятся рекомендации, касающиеся перспектив развития стратегии ШОС на период до 2025 г. и укрепления позиций Российской Федерации в Центрально-Азиатском регионе, углубления её взаимодействия с другими государствами — членами ШОС.

В последние годы наблюдается значительный рост роли и влияния Шанхайской организации сотрудничества как на региональном, так и на глобальном уровнях, который еще 5—7 лет назад не был столь очевиден. Это стало возможным благодаря дипломатическим достижениям стран ШОС, экономическому прогрессу ее ключевых участников и институциональному упорядочению структур внутри организации. Ныне активность Шанхайской группы интенсифицируется и в ООН, и во взаимодействии с такими структурами, как G-20, НАТО, АСЕАН, БРИКС и др. На усиление международного влияния организации работает и корпус наблюдателей ШОС. Сегодня в него входит 5 государств: Иран, Индия, Пакистан, Монголия и Афганистан. Создание группы стран — партнеров по диалогу в составе Турции, Белоруссии и Шри-Ланки также способствует повышению авторитета ШОС. Ныне организация — один из быстро эволюционирующих центров многополярного мира, стоящих не просто

перед возможностью, но и перед необходимостью активизации своей деятельности.

Директор Института Дальнего Востока РАН академик М.Л. Титаренко по этому поводу пишет: «По мере развития ШОС в ее повестку дня по проблемам безопасности, наряду с региональными, все чаще включаются вопросы глобального порядка. Сегодня привычной составляющей документов ШОС является намерение укреплять стратегическую стабильность и международные режимы в области нераспространения оружия массового уничтожения, вносить конструктивный вклад в создание структуры глобальной безопасности нового типа»¹.

11—12 сентября 2014 г. на саммите глав государств — членов ШОС в Душанбе (Таджикистан) председательство в организации вплоть до следующего ее саммита в Уфе (9—10 июля 2015 г.) перешло к России. По итогам этого саммита была принята Душанбинская декларация и другие документы. Анализируя результаты саммита, можно выделить несколько относительно новых моментов и задач, поставленных перед Шанхайским форумом. Это — завершение разработки Стратегии развития ШОС до 2025 г.; расширение границ организации за счет обретения Индией и Пакистаном (ныне — странами-наблюдателями) полноправного членства в Шанхайском форуме, повышение статуса Белоруссии от партнера по диалогу до уровня страны-наблюдателя.

Также новым аспектом стало стратегическое сближение РФ и КНР в рамках трех евразийских проектов: поиск «соединительных звеньев» между ШОС, Таможенным союзом (ТС), Евразийским экономическим союзом (ЕАЭС) и китайским проектом «Экономический пояс Великого шелкового пути» (ЭПВШП).

Сохраняют силу и актуальность традиционные задачи: поиск эффективных механизмов многостороннего торгово-экономического, инвестиционного, транспортного сотрудничества; усиление кооперации в сфере региональной безопасности, включая разработку мер по нейтрализации рисков афганского вызова и вывода войск западной коалиции из Исламской Республики Афганистан (ИРА), налаживание сотрудничества с Организацией Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), развитие института совместных военных антитеррористических учений «Мирная миссия».

Создание Банка развития и Резервного фонда ШОС, включая и альтернативные варианты, например возможность интеграции банковского капитала КНР в состав Евразийского банка развития (Казахстана, России и Белоруссии), также фигурирует в повестке организации.

Новые актуальные проекты в основном согласованы со всеми членами организации, включая Китай и «проблемный» Узбекистан. Для России увеличение состава постоянных членов за счет включения Индии и Пакистана и обновление группы стран-наблюдателей особенно важно в условиях нарастающего конфликта с Западом (США, ЕС, НАТО) и усиления экономических санкций. Фактически расширенная и обновленная ШОС (как и проект БРИКС) становится для России не только источником материальных (валютно-финансовых, торговых, инвестиционных и пр.) компенсаций, но и стратегической базой для дальнейшего формирования «неамериканского мира». В этих условиях логически правильным на следующем этапе стало бы принятие в организацию Ирана (в течение 5—7 лет) в качестве постоянного члена, несмотря на действующий режим антииранских санкций, наложенных СБ ООН.

Новым, перспективным направлением региональной стратегии ШОС является поиск общих точек соприкосновения с двумя соседними проектами: Евразийским экономическим союзом (ЕАЭС), исходной опорой которого послужил ТС, и китайским Экономическим поясом Великого шелкового пути (ЭПВШП). Фактически речь идет о попытках обновления евразийской политики ШОС. Повестка Уфимского саммита 2015 г., так или иначе, должна отразить данную тенденцию.

Пока три проекта (ШОС, ЕАЭС и ЭПВШП) развиваются параллельно, независимо друг от друга, составляют даже определенную конкуренцию друг другу в транспортных, энергетических и торгово-экономических сферах. В экспертных кругах рассматриваются различные варианты дальнейшего соотношения проектов, среди которых: а) поглощение китайским «шелковым проектом» остальных двух и создание единой интеграционной зоны под эгидой КНР; б) сохранение нынешнего «статус-кво»; в) создание структуры взаимодействия, в которой бы ШОС играла центральную роль «евразий-

ского моста» между Шелковым путем и Евразийским экономическим союзом.

При анализе возможностей кооперации ШОС, ЕАЭС и Великого шелкового пути, видимо, следует исходить из двух базовых положений: *во-первых*, между российским и китайским видением освоения ресурсов Евразии изначально имеются несовпадения и даже противоречия. И волевым решением достичь абсолютного «евразийского альянса» между РФ и КНР невозможно. Поэтому «евразийский компромисс» двух стран должен строиться на постепенном процессе двусторонних согласований и поиска очагов экономической взаимовыгодности.

Во-вторых, смысловой «замах» интеграционных инициатив — ШОС, ЕАЭС и проекта «Экономический пояс Шелкового пути» — пока до конца не определен, перспективы их слияния и/или соработки тоже еще неясны. Однако само их выдвижение свидетельствует о наличии нескольких версий региональной интеграции как в рамках ШОС, так и вокруг нее.

Принципиально новым моментом в работе ШОС стала поддержка всеми ее членами усилий по восстановлению мира на Украине: продолжения переговорного процесса и совместных шагов, направленных на имплементацию мирного плана президента Украины и инициатив президента России. Сопутствующим, но важным итогом Душанбинского саммита явилось укрепление двусторонних и трехсторонних форматов отношений стран — участниц ШОС. Так, встреча В. Путина и И. Каримова была принципиально важна для обеих сторон. С учетом того что президент Узбекистана накануне саммита нанес визит в КНР, можно предположить, что узбекский лидер ищет новые, дополнительные ресурсы сближения и с Москвой, и с Пекином.

В основе новой «узбекской вовлеченности» в региональные дела лежит отказ Ташкента вновь дислоцировать американские военные базы на территории Республики Узбекистан (РУ), поддержка страной «украинского пункта» итоговой Душанбинской декларации и других инициатив, выдвинутых РФ и КНР.

На полях саммита состоялась историческая встреча трех президентов: Си Цзиньпина (КНР), В. Путина (РФ) и Ц. Эльбэгдоржа (Монголия). Теоретически для Монголии продолжает гореть «зеле-

ный свет» на пути ее перехода из числа стран-наблюдателей в постоянные члены ШОС. Накануне саммита, в сентябре 2014 г., Монголию с визитами посетили председатель КНР Си Цзиньпин и президент РФ В. Путин. Представляется, что Душанбинский саммит положил начало формированию треугольника «Россия—Монголия—Китай», которое в перспективе и экономически, и географически также может способствовать расширению границ «неамериканского мира», несмотря на имплементацию во внешней политике Улан-Батора концепции «третьего соседа» (в лице США, Японии, Южной Кореи и ЕС).

Постсоветская Центральная Азия, простирающаяся от Каспия до китайского Синьцзяна, управляется достаточно стабильными светскими политическими режимами. Однако внутренний центральноазиатский «срез» отношений сложен и неоднозначен. Система межгосударственных связей в Центральной Азии (Казахстан—Таджикистан—Киргизия—Узбекистан—Туркменистан) зиждется не только на административно-правовом, торгово-экономическом и политическом фундаменте, созданном в постсоветское время, но и на более древних культурно-цивилизационных и хозяйственных началах. К ним относятся различия в характере, степени и времени восприятия ислама народами региона (казахи и киргизы приняли ислам значительно позднее других народов Центральной Азии — в XVII—XVIII вв.) и альтернативные типы хозяйственной культуры (земледельческой — оседлой таджикско-узбекской — и кочевой — животноводческой казахско-киргизской). Некоторые историки напрямую связывают ряд этнических и пограничных конфликтов в регионе с подобными историческими особенностями².

В специальной российской литературе давно и последовательно накапливается большой массив книг и исследовательских проектов, посвященных как Центральной Азии в целом, так и изучению деятельности Шанхайской организации сотрудничества в частности. Из работ по внутривосточной и социально-экономической ситуации в Центральной Азии, а также по вопросам безопасности в регионе можно выделить исследования В.В. Наумкина, Г.И. Чуфрина, И.Д. Звягельской, Д.Б. Малышевой, А.А. Казанцева, Е.М. Кузьминой, З.А. Дадабаевой, К.П. Боришполец, А.В. Малашенко, И.А. Сафранчука, А.М. Власова, А.А. Куртова и др.³

В последние годы вышел ряд специальных исследований, посвященных изучению исключительно внешней политики КНР и ее центральноазиатскому направлению. Здесь следует отметить работы М.Л. Титаренко, В.Я. Портякова, С.Г. Лузянина, В.Я. Воробьева, А.В. Лукина, А.Д. Воскресенского, Я.М. Бергера, и других авторов⁴.

Российские политологи, экономисты и историки — специалисты по Китаю — осуществляют многомерный анализ вопросов российско-китайского стратегического партнерства и взаимодействия в регионе Центральной Азии (ЦА). Особое внимание обращается на проблемы безопасности и экономического сотрудничества двух стран в рамках Шанхайской организации сотрудничества⁵.

Из работ американских авторов определенный интерес представляют исследования М.Б. Олкотт. Она провела подробный анализ процессов внутренних социально-экономических и политических трансформаций стран Центрально-Азиатского региона, представив свое видение его внешнеполитической проблематики. Однако, несмотря на добротность проработки большого массива данных, работы автора носят идеологически заданный характер. Единственно «правильным» путем для независимых государств ЦА ей видится задействование западных (американских) «лекал» развития демократии, соответствующих ценностей и стандартов (в сферах безопасности, политики и экономики). При этом автором не до конца фундирована концептуальная основа ее работ⁶.

Известный политолог Фр. Дж. Старр — ещё один американский специалист по Центральной Азии — делает акцент на концептуализации центральноазиатской проблематики, предложив международному экспертному сообществу в начале 2000-х годов теорию «Большой Центральной Азии» (БЦА), центром которой им был избран Афганистан.

В 2001 г. вышли в свет его первые работы, в которых анализировалась стратегическая ситуация в Центральной Азии и в странах, расположенных вокруг Афганистана, военно-силовые ресурсы и возможности, предложены прогнозы и вероятные сценарии развития ситуации в кризисной зоне. Автор провел комплексный социально-экономический и политический анализ положения в ареале «Афганистан—Пакистан» и расширенное толкование границ региона. Одновременно Старр отсекает от «Большой Центральной Азии»

Казахстан и Россию, искусственно смещая регион на юг⁷. В этом подходе просматривается желание стратегически отдалить Россию и Китай от БЦА. Афганистану он отводит стержневое место в «Большой Центральной Азии», особенно в плане перспектив его социально-экономического роста. При этом автор не приводит ни реальных, ни даже гипотетических вариантов обоснования такого взгляда на вещи. Наоборот, усиление неопределенности военно-политической ситуации в Афганистане ставит под сомнение достижимость всей конструкции, выстроенной американским экспертом вокруг ИРА.

В китайском экспертном сообществе сложилась давняя традиция детального изучения жизни сопредельных центральноазиатских соседей как в историческом, так и современном контексте. Десятки институтов и центров в системе Китайской академии общественных наук (КАОН), Министерства иностранных дел, Госсовета и других государственных структур системно и последовательно работают по данной проблематике и издают самую различную научную продукцию: от специализированных периодических изданий до коллективных монографий, авторских книг и статей.

Часть работ посвящена анализу истории центральноазиатских государств в аспекте их взаимоотношений с Поднебесной. История эта, как известно, не всегда развивалась гладко: были периоды войн, конфликтов и даннических отношений. Двухтомник «История границ современного Китая» под редакцией Луй Ижэня⁸ представляет собой исследование истории границ. В книге собраны архивные материалы, документы по пограничным переговорам, записки официальных лиц и другие источники.

В данном исследовательском направлении тематически выделяются те работы китайских политологов, историков и экономистов-международников, которые связаны с анализом внешней политики КНР и где центральноазиатский вектор так или иначе вписан в общий контекст повествования⁹.

Целый ряд публикаций китайских ученых посвящен проблемам внутренней (экономической, политической, религиозной, водной, энергетической) ситуации в Центральной Азии, ее отдельных странах, а также во внешней политике ключевых держав в регионе, включая Китай и Россию. На данном направлении давно и успешно работают такие известные специалисты, как Ли Фэньлинь, Чжао

Хуашэн, У Эньюань, Фэн Шаолэй, Чэнь Юйжун, Син Гуанчен, Ся Ишань, Сунь Чжуанчи, Чжао Чанцин и ряд других¹⁰.

Один из главных интересов китайских исследователей — это геополитический контекст противостояния в ЦА больших держав. Здесь авторитетно и регулярно заявляют о себе упомянутый выше Чжао Хуашэн, а также Ли Лифань, Дин Шиу и другие эксперты¹¹.

Анализируя вопросы американской политики в регионе, Лю Сюэчен в академическом журнале «Сяндай гоцзи гуаньси» («Современные международные отношения») отмечает следующие ее направления: стимулирование США экономической и политической либерализации; участие в качестве арбитра в разрешении противоречий и конфликтов в регионе; участие и руководство процессом регионального сотрудничества в области безопасности; участие в освоении ресурсов Каспия и обеспечение каналов их транспортировки на американский и европейский рынки¹².

Следует также отметить ряд исследований, посвященных активности ШОС и ее ключевых участников — России и Китая. Фактически в китайской историографии сложилось самостоятельное экспертное направление, камающееся деятельности организации и включающее исследования по военно-политической, экономической, гуманитарной проблематике ШОС, перспективам организации, трудностям и пока неиспользованным возможностям развития и кооперации в Центральной Азии. На этом направлении успешно работают Чжан Вэньвэй, Сюй Тао, Сюй Цзин, Чэнь Юйжун, Сунь Дэсин, Ван Гоцян и др.¹³

В рамках данного направления рассматриваются и вопросы внешней политики отдельных стран региона, например наиболее крупной из них — Казахстана.

Много работ по проблематике ШОС, роли России и Китая в ЦАР публикуют центральноазиатские ученые.

Так, казахстанский культуролог и общественный деятель Мурат Ауэзов считает, что Казахстану во внешней политике необходимо отдать приоритет центральноазиатской консолидации, а не выбирать между Китаем и Россией. В своем видеобращении к участникам круглого стола на тему «Многовекторная внешняя политика и национальные интересы Казахстана», прошедшего в 2013 г. в Алма-Ате, он взволнованно говорил о китайской экономической экс-

пансии. «Это должно прозвучать как набат в душе каждого из нас, когда мы слышим, что 40 % нефти, добываемой в Казахстане, принадлежит китайским компаниям», — подчеркнул он¹⁴. Выступление эксперта отражает процесс поиска Казахстаном своей международной идентичности, а также опасения попасть в зависимость от крупных государств¹⁵.

Республика Казахстан (РК) развивается в такой сложившейся системе региональных экономических отношений, где присутствуют основные партнеры страны: Россия, ЕС, КНР, США, другие государства, — и это данность. Чьи-то позиции сильнее в одних секторах, чьи-то — в других. И сводить все к проискам той или иной державы было бы упрощением. Сегодня нет ощущения, что Астана подстраивается исключительно под Пекин или Москву, о чем говорил М. Ауэзов. У Казахстана сложился и третий (западный) вектор — ЕС и США. Успешно действует и четвертый вектор, который условно можно назвать тюркско-мусульманским (Турция и Азербайджан). И всюду Астана чувствует себя неплохо. Однако вывод М. Ауэзова о том, что Казахстан может существовать лишь в рамках «центральноазиатской консолидации»¹⁶, не представляется достаточно обоснованным.

Идея необходимости создания в регионе «взаимодополняемых экономик» также выглядит спорной. Короткая постсоветская история Центральной Азии знала несколько неудачных попыток создания региональных экономических организаций в составе государств региона (без РФ и КНР). Все они быстро ушли в прошлое. К сожалению, центральноазиатские экономики не стали, как утверждает эксперт, «взаимодополняемыми». Наоборот, с каждым годом в регионе появляются все новые и новые «разделительные линии» по водно-энергетическим, экологическим и другим проблемам.

Самыми острыми являются *таджикско-узбекские* и *киргизско-узбекские* «нестыковки», особенно по вопросам водопользования, определения линии границ, транзита электроэнергии и пр. Причины обострений не связаны с «экспансионистской политикой» КНР или РФ, а есть результат исключительно внутренних противоречий. Поэтому вывод М. Ауэзова о неизбежности углубления «взаимодополняемости народов и экономик» выглядит в данном случае не очень убедительным. Институционально немалую пользу в

деле консолидации региона и его народов могла бы принести Шанхайская организация сотрудничества, членами которой являются четыре республики Центральной Азии.

В Казахстане работают целый ряд авторитетных ученых, высказывающих и иные точки зрения и подходы. Так, в работах Б.К. Султанова, М.Т. Лаумулина, И.Б. Карсакова, К.Л. Сыроежкина, С.М. Акимбекова, С.К. Кушкумбаева, У.Т. Касенова, Р.Ч. Дюсембаева, А.Е. Чеботарёва и др. достаточно взвешенно и объективно освещаются проблемы ШОС, возможности и проблемы китайско-казахстанских отношений, перспективы интеграционных процессов в Евразии¹⁷.

В РК особенно детально китайскую политику в ЦАР исследует К.Л. Сыроежкин, который рассматривает интересы и действия КНР в Центральной Азии через призму политики китайского руководства в Синьцзян-Уйгурском автономном районе и проблемы уйгурского сепаратизма¹⁸.

Киргизские ученые М.Ю. Абдылдаев, А.Д. Джекшенкулов, М.Н. Суюнбаев и др. делают акцент на проблемах региональной безопасности и исследовании отношений Киргизии и КНР¹⁹.

Особую роль в киргизском экспертном сообществе играет ученый и дипломат, бывший генеральный секретарь ШОС М.С. Иманалиев, издавший ряд работ по внешней политике Киргизии, включая статьи о киргизско-китайских отношениях²⁰. Он не склонен видеть в КНР опасного партнера и считает, что строительство железной дороги из Поднебесной через Киргизию и далее в Центральную Азию не является угрозой со стороны Китая²¹.

В подходах узбекских ученых (А.Х. Ходжаева, Х.П. Умарова, Ю.Б. Юсупова, В.В. Парамонова, Ф. Толипова и др.) четко прослеживаются афганские сюжеты, вопросы влияния китайского и российского факторов на регион, включая анализ углеводородных проектов КНР и РФ в ЦАР, а также тема ШОС²².

Насколько те или иные проблемы в Центральной Азии обусловлены традиционным культурно-цивилизационным комплексом — отдельный вопрос, требующий специального изучения. Однако очевидно, что кроме исторической подоплеки имеются иные, не связанные с ней конфликтогенные обстоятельства, в частности в сферах водопользования, распределения энергоносителей, демаркации внутрирегиональных границ. Ряд противоречий носит латентный

характер, ряд — проявляется открыто в форме пограничных конфликтов и напряженности в межгосударственных отношениях. Пограничные разногласия уходят корнями еще в советский период.

Эпицентр напряженности традиционно был расположен в Ферганской долине, где сходятся территории Киргизии, Узбекистана и Таджикистана. В этом «треугольнике» и сконцентрирована большая часть проблем.

К настоящему времени произведена демаркация большей части узбекско-киргизской границы протяженностью около 1300 км. Остается, по разным данным, до 14 спорных участков, по которым не было достигнуто никакого соглашения. На территории Киргизии расположены два узбекских анклава — Сох и Шахимардан с населением, по разным данным, от 40 до 50 тыс. человек. Всего же в стране, в основном на юге, проживают свыше 700 тыс. узбеков — 18 % населения страны. Как правило, это торговцы, предприниматели, т. е. социально активная группа, имевшая и имеющая влияние на центральную власть как в период президентства А. Акаева (1991 — март 2005 г.), так и при президенте К. Бакиеве (2005—2012 гг.).

***Справка.** Узбекско-таджикские отношения имеют свою историческую специфику. Как и все центральноазиатские республики, Таджикистан и Узбекистан возникли в результате национально-территориального размежевания, проведенного в 1924 г. в советской Средней Азии. (Прежде, в Российской империи, здесь существовало административное деление на Туркестанское генерал-губернаторство, Кокандское ханство и Бухарский эмират.) При этом вначале, до 1929 г., Таджикистан входил в состав Узбекской ССР на правах автономной республики. В 1929 г., после передачи ему Ходжентского округа (Ленинабада), он получил статус союзной республики. Однако в пределах Узбекской ССР остался ряд территорий, включая такие крупные исторические и культурные центры, как города Бухара и Самарканд, основным населением коих, по убеждению идеологов таджикской государственности, были этнические таджики. Споры о культурно-исторической, географической и национальной принадлежности и этих земель, и их жителей не прекращаются на протяжении всего последнего столетия.*

Так или иначе, немалая часть этнических таджиков оказалась вне границ Таджикской ССР, а затем Республики Таджикистан (РТ). По некоторым сведениям, около 5—6 млн таджиков проживают в Узбекистане (20—25 % всего населения страны), хотя, по официальным данным, их численность там в несколько раз меньше: вероятно, большая часть была в свое время зарегистрирована как узбеки. Более половины узбекских таджиков проживают в экономически отсталых и неразвитых районах Узбекистана — Сурхандарьинской, Ферганской, Кашкадарьинской областях, где уровень жизни значительно ниже среднего по стране. Четко выраженного стремления участвовать в политической жизни среди таджикского населения Узбекистана не наблюдается.

В свою очередь в Таджикистане имеется крупная узбекская диаспора (более 1 млн человек), по численности занимающая 2-е место после титульной нации (около четверти населения республики). В отличие от узбекских таджиков, для таджикских узбеков характерно стремление принимать активное участие в общественной жизни Таджикистана согласно их интересам и потребностям. Отчасти это проявилось во время гражданской войны начала 1990-х годов, когда этнические узбеки оказывали заметное влияние на ход событий в стране²³.

Таким образом, расселение этнических групп таджиков и узбеков практически на 50 % не отвечает границам и географическому положению титульных государств — Республики Узбекистан и Республики Таджикистан. Это создает почву для проявлений недоверия и непонимания. В 1990-е годы между узбеками и таджиками произошло несколько столкновений на этнической почве, самыми крупными из которых стали конфликты 1989 г. в Ганчинском районе и 1991 г. в Пенджикетском районе РТ²⁴.

Один из неблагоприятных факторов в двухсторонних отношениях — это состояние безопасности на общей границе. Более половины всех этнических таджиков в Узбекистане проживают в приграничных с Таджикистаном и Афганистаном областях. По информации узбекских официальных органов, в конце 1990-х годов, во время вторжения отрядов Исламского движения Узбекистана (ИДУ), некоторые местные жители, в основном таджики по национальности, проживающие в горных кишлаках, имели контакты с боевиками.

В связи с этим узбекские власти осуществили определенные акции в плане выселения граждан Таджикистана, перебравшихся во время гражданской войны на узбекскую территорию. Однако, по некоторым данным, насильственному переселению подверглись и граждане Узбекистана таджикской национальности. Также применялась тактика минирования узбекско-таджикской границы.

В конце 1990-х годов в регионе заметно активизировалось *Исламское движение Узбекистана (ИДУ)*, организационно оформившееся в 1995 г. и выступающее за насильственный путь создания шариатского государства. Руководителем ИДУ стал Тахир Юлдашев, его штаб-квартира первоначально находилась в пакистанском городе Пешаваре, а затем была перенесена в Кабул.

Первые ИДУ заявило о себе в 1999 г., проведя 16 февраля серию террористических актов в Ташкенте. В 2000—2001 гг. боевики организации дважды вторгались в Сурхандарьинскую область Узбекистана и в Баткенскую область Киргизии. В 2001 г. возникла реальная угроза развертывания широкомасштабных партизанских действий исламистов против РУ. В ходе боевых действий на афганской территории ИДУ понесло большие потери, большинство его баз на севере Афганистана было ликвидировано. В настоящее время влияние ИДУ в Таджикистане, Узбекистане, других странах региона сошло на нет. Движение потеряло былую силу и не представляет серьезной угрозы.

Тем не менее тактика других экстремистских организаций, действующих в регионе, заметно изменилась и обогатилась. Не отказываясь от идеологии «глобального джихада», радикальный ислам в своей деятельности обратился к местным проблемам, ведя широкий диалог с населением через традиционные общинно-клановые образования и пытаясь взять на себя некоторые социальные функции государства. В итоге в регионе сложились две «повестки» и две стратегии радикальных исламских движений.

Первая — легальная, массовая, адресованная молодежи и остальному населению, в первую очередь Киргизии, Таджикистана и Узбекистана. Эта программа не скрывается, в нее вовлекаются десятки тысяч человек, которые, не будучи членами организации, становятся ее пассивными или активными сторонниками. В рамках

этой программы и происходит неформальная популяризация различных радикальных движений.

Вторая — тайная — «повестка» предназначена для узкого круга посвященных. Это программа практического силового захвата власти и создания исламских халифатов на центральноазиатском пространстве путем свержения нынешних светских режимов и физического уничтожения их лидеров.

Сочетание обоих этих уровней демонстрирует деятельность *Партии исламского возрождения* — «Хизб ут-Тахрир», которая начиная с 2002 г. особенно активно действует в Узбекистане и Киргизии, имеет десятки тысяч сторонников, широкую сеть нелегальных и легальных организаций и в настоящее время более влиятельна и опасна для властей, чем ИДУ²⁵.

«Хизб ут-Тахрир» проповедует объединение мусульман всего мира в единый халифат, считая западную демократию неприемлемой для последователей ислама. Хотя взгляды «тахрировцев» представляют собой разновидность радикального ислама, эту организацию не везде признают экстремистской. Власти не доказали её причастность к терактам. Члены этой партии официально и публично осуждают насильственные методы борьбы, а халифат, по их мнению, может быть создан лишь тогда, когда к этому будет готово большинство мусульман.

Особенность распространения радикальных исламских течений в регионе связана тем, что большая часть из них находит питательную почву не столько за рубежом (в Афганистане, Пакистане или на Ближнем Востоке), сколько внутри самих центральноазиатских обществ. На фоне нарастающего социального кризиса, нищеты, безработицы и бесправия немалой части населения (особенно сельского) в отдельных республиках популярность партий радикального ислама быстро растет. Исламисты через сеть своих легальных структур предлагают пособия, льготные кредиты на развитие мелкого и среднего бизнеса, различную социальную помощь и гарантии. Подобные социально ориентированные методы широко используются не только «Хизб ут-Тахрир», но и другими местными радикальными движениями, в частности организацией «Акрамия», получившей широкую известность после трагических событий в мае 2005 г. в узбекском городе Андижане.

Эту организацию создал в 1992 г. учитель математики Акрам Юлдашев, отошедший от партии «Хизб ут-Тахрир». Идеологической основой послужила его работа «Путь к вере», где излагаются проблемы нравственного совершенствования мусульманина. У акрамистов действовала широкая сеть социальных ячеек. Любой член группы мог получить беспроцентный кредит для развития своего бизнеса, необходимую сумму из кассы взаимопомощи, на себе ощущая преимущества исламской системы. В условиях нищеты благотворительная активность исламских социалистов давала больший эффект, чем антиправительственная пропаганда. А. Юлдашев, а позже и ряд его сторонников были арестованы.

12 мая 2005 г. в Андижане, где проходил судебный процесс над бизнесменами-акрамистами, вооруженные люди захватили тюрьму, в которой находились подсудимые, освободив около 4 тыс. заключенных, заняли здание областной администрации; несколько официальных зданий было сожжено, волнения стали разрастаться. Ташкент жестко подавил мятеж. Сегодня, по некоторым данным, ячейки акрамистов подпольно действуют не только во многих городах Узбекистана, но и в киргизской части Ферганской долины²⁶.

Сохраняют актуальность внешние угрозы и вызовы, связанные с попытками «экспорта» исламского экстремизма и терроризма из других частей мусульманского мира, а также с международным наркобизнесом. В регионе происходит дальнейшее укрепление наркотической «пирамиды», которая ежегодно охватывает новые миллионы жертв. В ее основании — культивирование гигантских маковых полей в Афганистане, широкая сеть дилеров (нелегальных курьеров) и отработанные маршруты наркотрафика через Центральную Азию в Россию и Европу. По подсчетам российских экспертов, объем тяжелых наркотиков (героина), прошедший через регион за 2005 — первую половину 2006 г., вырос до 527 т. Учитывая, что Европа в среднем усваивает примерно 74 т, получается, что остальное зелье (более 400 т) оседает на пространстве СНГ, в том числе в России²⁷.

В экономическом плане для региона характерна углубляющаяся неравномерность развития стран ЦА. Политика либерализации экономики проводилась в течение 15 лет во всех государствах региона, но с разной степенью успешности и с разных стартовых позиций (гражданская война в Таджикистане и пр.). Сегодня в Центральной Азии

происходит явная экономическая «поляризация». Здесь все больше выделяется очевидный лидер (Казахстан), за ним идут «среднячки» (Узбекистан, Туркменистан) и аутсайдеры (Таджикистан и Киргизия). Разрыв между лидером и периферией в 2012 г. достиг 10-кратного значения. Так, по итогам 2012 г., показатели Казахстана составили 4120 долл. ВВП на душу населения, Киргизии — 490 долл., Таджикистана — 390 долл.

Растущее влияние *Казахстана* понятно: страна обладает большими нефтегазовыми ресурсами, на которые есть постоянный спрос при высоких мировых ценах, проведена системная приватизация, привлечен огромный пакет иностранных инвестиций, осуществлены реформы ЖКХ, железнодорожного транспорта, банковской сферы. В обществе высок авторитет президента Н. Назарбаева, жестко проводящего «свой» курс модернизации республики. В Казахстане, в силу исторических и политических причин, практически не стоит проблема исламского экстремизма.

Слабым местом казахстанской модели является отсутствие продуманного и прогнозируемого механизма обновления политической элиты — явление, характерное и для других стран ЦА. Пока власть сконцентрирована в руках президента Н. Назарбаева и равномерно распределена между центром и регионами под руководством местных акимов (губернаторов) — стабильность и управляемость в РК сохраняется. В этом нет никаких сомнений. Но сложившаяся эффективная система не может работать бесконечно, так как рано или поздно встанет вопрос о смене лидера и обновлении правящей страты.

Прочная экономическая основа дает возможность Н. Назарбаеву последовательно проводить линию, направленную на увеличение политической ответственности Астаны за происходящее в регионе.

Очевидно, что экономически подкрепленные амбиции Казахстана, его стремление к доминированию в ЦАР наталкиваются на скрытое противодействие Узбекистана, который, в собственном представлении, имеет на такое доминирование естественное историческое право.

Итак, большинство экспертов сходятся в том, что сложная ткань исторических взаимоотношений и современной экономической динамики в Центральной Азии делает реализацию каких-либо проек-

тов внутрирегионального сотрудничества весьма проблематичной и косвенно усугубляет деформацию среды безопасности в регионе²⁸. Представляется, что ШОС могла бы послужить в качестве коллективного политико-экономического модератора острых аспектов центральноазиатской жизни.

В связи с этим следует полагать, что идеи и аналитика российских экспертов, представленные в данном сборнике, помогут найти оптимальные решения для повышения эффективности политики ШОС на её геополитическом пространстве и стратегического переосмысления роли РФ в этой организации. Эти материалы также представляют практический интерес для государственных деятелей и структур государственной власти РФ, ответственных за российскую деятельность в рамках ШОС и за Стратегию развития этой организации на период до 2025 г.

Литература

¹ *Титаренко М.Л.* Россия и ее азиатские партнеры в глобализирующемся мире. Стратегическое сотрудничество: проблемы и перспективы. М.: ИД «Форум», 2012. С.403.

² *History of Civilizations of Central Asia. In 6 Vol. UNESCO Project. Head of the Project L.I. Miroshnikov. Part Two. The Achievements/ Ed. By C.E. Bosworth and M.S. Asimov. — Paris: UNESCO Publishing, 2000. P. 32.*

³ *Naumkin V. Radical Islam in Central Asia: Between Pen and Rifle, Boulder: Rowman and Littlefield, 2005; Чуфрин Г.И.* Очерки евразийской интеграции. М., 2013; *Звягельская И.Д.* Становление государств Центральной Азии: Политические процессы. М.: Аспект Пресс, 2009. 208 с.; *Рудов Г. А.* Сотрудничество государств Центральной Азии с Россией и другими «векторами воздействия» в регионе // Геополитические проблемы Евразийского пространства: тематический сборник. М.: Научная книга, 2006. С. 134—144; *Боришполец К.П.* Центральная Азия как региональная подсистема международных отношений // Восток — Запад: Региональные подсистемы и региональные проблемы международных отношений : учеб. пособие для вузов / под ред. А.Д. Воскресенского; МГИМО (У) МИД России. М.: РОССПЭН, 2002. 526 с.; *Малашенко А.В.* Исламская альтернатива и исламский проект. М., 2006; *Сафранчук И.А.* Конкуренция за безопасность Центральной Азии // Россия в глобальной политике. 2007, № 6.

⁴ *Титаренко М.Л.* Россия и ее азиатские партнеры в глобализирующемся мире. М., 2012; *Титаренко М.Л.* Геополитическое значение Дальнего Востока.

Россия, Китай и другие страны Азии. М., 2008; *Портяков В. Я.* Становление Китая как ответственной глобальной державы. М.: ИДВ РАН, 2013; *Воскресенский А.Д., Лузянин С.Г.* Политика Китая в Центральной Азии // Южный фланг СНГ. Центральная Азия — Каспий — Кавказ: возможности и вызовы для России. М., 2003. С. 301—332; *Лузянин С.Г.* Россия и Китай в Евразии. Международно-региональные измерения российско-китайского партнерства. М.: ИД «ФОРУМ», 2009; *Лузянин С.Г.* Особенности китайской стратегии в Центральной Азии на коллективном (ШОС) и двустороннем уровнях взаимодействия // Китай в мировой и региональной политике (История и современность). М., 2007. С. 42—59; *Воробьев В.Я.* ШОС как растущий властелин «хартлэнда» // Россия в глобальной политике, 2012, февраль (URL: <http://www.globalaffairs.ru/number/ShOS-kak-rastu-schii-vlastelin-khartlenda-15471>).

⁵ Возможность изменения ситуации в Афганистане. Проблемы региональной безопасности и потенциал ШОС по ее поддержанию. Сборник докладов / Отв. ред. С.Г. Лузянин. М.: ИДВ РАН, 2011; *Лузянин С.Г.* Россия и Китай в Центральной Азии. Проблемы развития ШОС // Российско-китайские отношения. Состояние. Перспективы / Рук. проекта М.Л. Титаренко. М.: ИДВ РАН, 2005. С.93—107.; *Клименко А.Ф.* Стратегическое развитие ШОС. Проблемы обороны и безопасности. М., 2009. 346 с.; *Болятко А.В.* Вопросы дальнейшего развития ШОС в области безопасности // Шанхайская организация сотрудничества и современный мир. Аналитические доклады Научно-координационного совета по международным исследованиям МГИМО (У) МИД России. М.: МГИМО МИД РФ, 2007. Выпуск 3 (18), май. С. 39—43; *Лукин А.В.* ШОС: итоги российского председательства // Международная жизнь, 2009, № 10; *Лукин А.* Россия и ШОС // Аналитические записки. Выпуск 6 (26). М.: МГИМО (У) МИД РФ. 2007. Июль. 17 с.; *Фроленков В.С.* Современные торгово-экономические отношения КНР с центральноазиатскими странами — членами ШОС и Туркменистаном. М.: ИДВ РАН, 2009, 264 с.; *Лунев С.И.* Политические процессы в Центральной Азии и их воздействие на энергетическую ситуацию // Энергетические измерения международных отношений и безопасности в Восточной Азии / Под рук. и с предисл. А.В. Торкунова; науч. ред.-сост. А.Д. Воскресенский. М.: МГИМО, 2007. — С.392—412.; *Городилова Е.* ШОС как инструмент эффективного энергетического сотрудничества в Азиатском регионе // ШОС: становление и перспективы развития. Материалы международной конференции / Под ред. М. Ашимбаева и Г. Чуфрина. Алматы: ИМЭП, 2005. С.108—135.

⁶ См., напр.: *Olcott M.B.* Central Asia's New States: Independence, Foreign Policy and Regional Security. Wash., 1997; *Olcott M. B.* Второй шанс Центральной Азии/ Московский центр Карнеги. М., 2005. 487 с.

⁷ *Starr F.* «Greater Central Asia Partnership» for Afghanistan and its Neighbors. Wash., 2005; *Starr F.* Regional Approach to Afghanistan and its Neighbors. Wash., 2008;

Starr F. In Defense of «Greater Central Asia». Wash., 2008. См. также: *Fairbanks Ch., Nelson R., Starr F., Weisbrode K.* Strategic Assessment of Central Eurasia. Wash., 2001.

⁸ Чжунго цзиньдай бяньцзе ши (История границ современного Китая). Чэн-ду: Сычуань жэньминь чубаньшэ, 2007.

⁹ *Чжан Ювэнь.* Чжунго гоцзи дивэй балгао. 2012 [Доклад о международном положении Китая. 2012].- Пекин, 2012.- 472 с.; *Ху Аньган.* Чжунго 2020, игэ синьсин чаоцзи даго [Китай. 2020. Сверхдержава нового типа]. Ханчжоу, 2012. 205 с.; *Ван Хайюнь.* Синь синшися Чжунго вайцзяо чжаньлюэ чжундэ гоцзя динвэй [Определение национального статуса во внешнеполитической стратегии Китая в новых условиях] // Шицзэ даши юй Чжунго хэпин фачжань [Общая мировая ситуация и мирное развитие Китая]. Пекин: Шицзе чжиши чубаньшэ, 2006; Гоуцзянь Чжунгодэ да чжаньлюэ дэ куанцзя [Формирование контуров большой стратегии Китая]. Пекин, 2005; *Е Цзычень.* Чжунго да чжаньлюэ: Чжунго ченвэй шицзе дагодэ чжюао вэньти цзы чжаньлюэ сюаньцзэ [Большая стратегия Китая: Главный вопрос и стратегический выбор превращения Китая в великую мировую державу]. Пекин: Чжунго шэхуй кэсюэ чубаньшэ, 2003; *И Чжоу.* Цюаньцю чженчжи хэ Чжунго вайцзяо [Глобальная политика и внешнеполитический курс Китая]. Пекин, 2003.

¹⁰ *Сунь Чжуанчжи.* Чжунья аньцюань юй Афухань веньти [Безопасность Центральной Азии и Афганский вопрос]. Пекин, 2007; *Чэнь Синьмин.* Мэйго иньсу цзи ци цзай Чжунья дэ инсян [Американский фактор и его влияние в Центральной Азии] // Сяндай гоцзи гуаньси, 2005, № 2; *Чжао Чанцин, Сунь Чжуанчжи.* Чжунья у го юй Чжунго сибу кайфа [Пять стран Центральной Азии и Освоенные западных территорий Китая]. Пекин: Куньлун, 2008; *Чжао Хуашэн.* Чжунго хэ Чжунья: цнинцзи ши чжу яо чжи бяо [Китай и Центральная Азия: экономика — ключевой ориентир] // Сяндай гоцзи гуанси, 2005, № 2; *У Хунвэй.* Чжунья миньзу юй цзунцзяо вэньти [Вопросы национальностей и религий в Центральной Азии]. Пекин, 2003; *Чэнь Юйжун.* Чжунго хэ Чжунья дишюй цзинцзи хэцзо // Сяндай гоцзи гуанси, 2005, № 2.

¹¹ *Чжао Хуашэн.* Китай, Россия, США: интересы, позиции, взаимоотношения в Центральной Азии // Центральная Азия и Кавказ. 2004. № 5. С.131—140; № 6. С.86—94; *Ли Лифань, Дин Шю.* Геополитические интересы России, США и Китая в Центральной Азии // Центральная Азия и Кавказ. 2004. № 3. С. 161—169.

¹² Сяндай гоцзи гуаньси. 2007, № 3. С.54—59.

¹³ *Син Гуанчэн.* Китайская внешняя политика и Казахстан // Стратегические перспективы: ведущие державы, Казахстан и центральноазиатский узел. М., 2004. С. 131—168; *Huasheng Zhao.* Central Asia in China's Diplomacy // Rumer E., Trenin D., Huasheng Zhao. Central Asia: Views from Washington, Moscow, and Beijing. Armonk, N.Y., 2007. P. 137—212; *Чжао Хуашэн.* Китай, Центральная Азия

и Шанхайская организация сотрудничества. М.: Московский Центр Карнеги, 2005. (Рабочие материалы. 2005, № 5).

¹⁴ Сайт Информационного агентства Евразийского Союза. URL: http://rus.kg/news_rus/economy_rus/9328-nuzhna-li-mnogovektornost-kazahstanu-.html

¹⁵ URL: <http://kiwi.kz/watch/c8t991hpah03/>

¹⁶ URL: <http://kiwi.kz/watch/c8t991hpah03/>

¹⁷ Интеграционные процессы в евразийском пространстве и современный мир / отв. ред. Б.К. Султанов. Алматы: Казахстанский институт стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан, 2013. 234 с.; Таможенный союз и Единое экономическое пространство: проблемы экономической интеграции. Сборник научных трудов / под общ. ред. Б.К. Султанова. Алматы: КИСИ при Президенте РК, 2013. 176 с.; Центральная Азия и Каспийский регион: риски, вызовы, угрозы: коллективная монография / под общ. ред. Б.К. Султанова. Алматы: Казахстанский институт стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан, 2012. 224 с.; *Султанов К.* Наш сосед Китай // Казахстан и мировое сообщество. 1995. № 3. С. 83—95; *Лаумулин М.Т.* Китайско-центральноазиатские отношения: геополитика и безопасность (взгляд с Запада) // Казахстан-Спектр. № 2. 1998. С. 64—95; *Лаумулин М.Т.* Безопасность, внешняя политика и международные отношения Казахстана после независимости: 1991—2001. Алматы, 2002; *Дюсембаев Р.Ч.* Казахстанско-китайские отношения // Суверенный Казахстан на рубеже тысячелетий. Астана: Елорда, 2001. С. 239—248; Центральная Азия сегодня: вызовы и угрозы. Алматы, 2011; *Акимбеков С.М.* Афганский узел и проблемы безопасности Центральной Азии. Алматы, 2003; *Касенов У.Т.* Безопасность Центральной Азии: национальные, региональные и глобальные проблемы. Алматы, 1998; *Кушкумбаев С.К.* Центральная Азия на путях интеграции: геополитика, этничность, безопасность. Алматы, 2002; *Murat T. Laumulin.* The Geopolitical Evolution of Central Asia: Region during the World Crisis. Almaty: Fridrich Ebert Stiftung, Kazakhstan Institute for Strategic Studies, 2012. 308 p.; Китай глазами казахстанцев. Алматы: КИСИ при Президенте Республики Казахстан, 2012. 280 с.; Центральная Азия сегодня: вызовы и угрозы / под общ. ред. доктора политических наук, профессора К.Л. Сыроежкина: -Алматы: КИСИ при Президенте РК, 2011. 456 с.; Председательство Казахстана в ШОС в 2010—2011 гг.: Материалы международной научно-практической конференции (г. Алматы, 6 мая 2011 г.) / отв. ред. Б.К. Султанов. Алматы: КИСИ при Президенте РК, 2011. 108 с.

¹⁸ *Сыроежкин К.Л.* Мифы и реальность этнического сепаратизма в Китае и безопасность Центральной Азии. Алматы, 2003; Его же. Проблемы современного Китая и безопасность в Центральной Азии. Алматы, 2006; Его же. Казахстан — Китай: от приграничной торговли к стратегическому партнерству. Кн.1. В начале пути; Кн. 2. В формате стратегического партнерства. Алматы, 2010; Его же. Ка-

захстан — Китай: от приграничной торговли к стратегическому партнерству. Кн. 3. Сборник документов. Алматы, 2010.

¹⁹ *Омаров Н.М.* Внешняя политика Кыргызской Республики в эпоху «стратегической неопределенности». Бишкек, 2005; *Исакова Ж.Э.* Политика Америки, Китая и России в Кыргызстане: сотрудничество или конфронтация? // Ориентир (Бишкек). 2004. № 1. С. 58—59; *Касенова Н.* Новый международный донор: помощь Китая Таджикистану и Киргизстану (RNV No 36). Paris: IFRI, 2009. — 31 p.; *Усубалиев Э.* «Китайский фактор» во внешней политике Кыргызстана: двусторонний и региональный уровни// Центральная Азия: внешний взгляд. Международная политика с центральноазиатской точки зрения. Берлин, 2008. С. 254—277. (На русском и немецком языках).

²⁰ *Иманалиев М.С.* Сборник статей о Центральной Азии. Бишкек: Институт общественной политики, 2001; Его же. Очерки о внешней политике Кыргызстана. — Бишкек. 2003.

²¹ URL: <http://pda.kabar.kg/economics/full/47822?all>

²² *Ходжаев А.Х.* Китайский фактор в Центральной Азии. Ташкент, 2004; *Парамонов В.В., Строков А.В., Столповский О.А.* Россия и Китай в Центральной Азии: политика, экономика, безопасность. Кыргызстан, 2008. — 201 с., *Парамонов В.В., Строков А.В.* Интересы безопасности Китая в Центральной Азии. Великобритания, 2008; *Парамонов В.В.* Китай и Центральная Азия: состояние и перспективы экономических отношений. 2005. URL: http://www.knyazev.org/biblio/paramonov_4ina&CA.pdf; *Парамонов В.В., Строков А.В., Столповский О.А.* Россия и Китай в энергетике Центральной Евразии: соперники или партнеры? М., 2012; *Парамонов В.В., Строков А.В., Столповский О.А.* Китайский экспресс в Евразии: новые угрозы или исторический шанс? Ташкент — Москва, 2010.

²³ *Лузянин С.Г.* Центральная Азия — 2008: экономические амбиции или «исламский социализм»? // режим доступа: URL: http://www.perspectivy.info/oyku/mena/azia/centralnaja_azija—2008_ekonomicheskiye_ambicii_ili_islamskij_socializm_2008-01-17.htm

²⁴ *Трофимов Д.А.* Этнорегиональные и пограничные проблемы в Центральной Азии // Северо-Восточная и Центральная Азия. Динамика международных и межрегиональных взаимодействий. М., 2004. С.439—442.

²⁵ *Лузянин С.Г.* Указ. соч.

²⁶ *Лузянин С.Г.* Там же.

²⁷ *Лунев С.И.* Азиатский центр мусульманской дуги. URL: <http://www.strana-oz.ru/?numid=14&article=662>

²⁸ *Лузянин С.Г.* Указ. соч.

Часть I

МЕЖДУНАРОДНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ ОРГАНИЗАЦИИ

Д.В. Гордиенко*

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ СИТУАЦИИ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Политические события 2014 г. на западных границах нашей страны обуславливают необходимость корректировки долгосрочного курса социально-политического и социально-экономического развития Российской Федерации. Для России это означает, в частности, осуществление его «евразийской» миссии, а для ШОС — возможность стать ведущей организацией в содействии политической, экономической и военной безопасности в Центральной Азии. Для этого в статье анализируются интересы субъектов политического процесса в этом регионе. Автор, используя методы политического и экономического анализа, оценивает перспективы развития ШОС в качестве ведущей организации в обеспечении региональной безопасности в Центральной Азии.

Ключевые слова: региональная безопасность, Шанхайская организация сотрудничества, Китайская Народная Республика, Казахстан, Киргизия, Таджикистан, Узбекистан, Российская Федерация, Монголия, Пакистан, Индия, Иран, Турция, США.

---

* Гордиенко Дмитрий Владимирович, доктор военных наук, профессор, ведущий научный сотрудник ИДВ РАН.

Интересы ключевых акторов, действующие в Центрально-Азиатском регионе

В начале второго десятилетия XXI в. Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) является одним из ключевых акторов международной политики в Азии. В настоящее время ШОС развивает сотрудничество в формате 6+5+2 (государства — члены ШОС + государства наблюдатели + партнеры по диалогу)¹.

С точки зрения евразийского развития ШОС является важным институтом обеспечения безопасности в Центрально-Азиатском регионе (ЦАР)².

На современном этапе геополитическую ситуацию в этом регионе определяют следующие факторы. Это сохраняющийся конфликтный потенциал в Афганистане и неопределенность в этой стране после вывода коалиционных сил в 2014 г.; латентный конфликтный потенциал Ферганской долины; высокие риски и вызовы, обусловленные снижением социально-экономического развития государств региона; столкновение интересов ведущих геополитических сил мира, где в двусторонних отношениях этих акторов идет поиск баланса интересов в регионе; актуализируются и нетрадиционные угрозы безопасности (периодически обостряются проблемы: водные, этнотерриториальные, пограничные, межэтнические, внутриэтнические; клановые, трайбализма, нерегулируемых мигрантов, трансграничной торговли, транзита и т. д.)³.

Кроме того, в регионе идет борьба ведущих мировых инвесторов — России, США, Китая, Евросоюза — за ресурсы и за контроль маршрутов их транспортировки, а также за доступ к рынкам. Начала проявлять активность в постсоветской Азии и Индия. В таких условиях для этих государств важно найти баланс между собой для реализации своих национальных интересов.

В настоящее время Центральная Азия (ЦА) в политическом отношении представляет собой нестабильный регион: здесь нет единого политического и хозяйственного центра, интересы независимых государств нередко носят взаимоисключающий характер. Центральная Азия является узлом противоречий, в котором остро переплетены проблемы в различных сферах: споры вокруг водных ресурсов, множество латентных конфликтов, политическая турбулентность,

этнические и межгосударственные противоречия. Высокая конфликтогенность региона выражается в том, что обострение одной проблемы способно потянуть за собой обострение остальных перечисленных проблем.

Истоки современных проблем кроются в ряде причин:

- неравномерном распределении водных ресурсов (богатые водными ресурсами Таджикистан и Киргизия, и зависимые от них Казахстан и Узбекистан);
- невысоком уровне экономического взаимодействия между странами региона;
- соперничестве за региональное лидерство между двумя крупнейшими государствами региона — Казахстаном и Узбекистаном⁴.

При этом основными угрозами для региона являются:

- наркотрафик;
- нестабильная ситуация в Афганистане;
- террористические угрозы;
- рост исламизации в регионе;
- социально-экономическая нестабильность;
- отсутствие внятной политики со стороны России.

Ключевыми центрами силы на территории постсоветской Азии являются Россия и Китай. При этом большое воздействие на геополитику государств региона оказывает китайский фактор.

Интересы **Китая** в регионе четко обозначены: борьба с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом; обеспечение безопасности в пограничных районах; поддержание стабильности в регионе; содействие экономическому развитию; обеспечение дружественного отношения стран региона к Китаю; недопущение усиления в Центральной Азии государств, враждебных к Китаю; недопущение создания в регионе военных союзов, направленных против Китая; обеспечение доступности для Китая энергетических и иных ресурсов региона.

Китай в настоящее время активно вовлекается в политическое и экономическое сотрудничество с государствами ЦА в двустороннем формате в рамках ШОС и всегда с учетом интересов своего стратегического партнера — России. Для Китая сотрудничество с ней в Центральной Азии важно и в плане сдерживания политики США в регионе. Если в конце XX в. ЦА для Китая была важна в контексте

обеспечения безопасности в Синьцзяне и интересы здесь были периферийными, то в XXI в. китайские интересы в ЦАР трансформируются в жизненно важные для реализации национальной стратегии развития.

В целом на ближайшую перспективу планы **КНР** в этом регионе можно обозначить следующим образом:

- наращивание экономического присутствия в Центральной Азии с целью дальнейшего экономического доминирования в регионе путем формирования преобладающих позиций в сфере транспорта, топливно-энергетического комплекса и других отраслей экономики;
- поддержание китайской концепции «гармоничного мира», в которую встраивается ЦА;
- удовлетворение в долгосрочной перспективе китайских территориальных амбиций за счет государств ЦА⁵.

В ближайших планах **России** в Центральной Азии предусматривается решение следующих задач:

- продвижение идеи Евразийского союза в составе России, Белоруссии, Казахстана, Армении и Киргизии для реализации российских внешнеполитических интересов на пространстве ЦА;
- сохранение положения России в качестве монопольного посредника в поставках углеводородного топлива в Европейский союз;
- стремление к регулированию миграционных потоков из ЦА в Россию;
- создание «пояса безопасности» вокруг России для обеспечения военно-политической лояльности государств региона в рамках альянсов (ШОС, ОДКБ) и развития двусторонних соглашений;
- борьба с наркотрафиком и религиозным экстремизмом в регионе;
- получение эксклюзивного доступа к полезным ископаемым региона (цветные и драгоценные металлы, уран, нефть, газ).

Интересы других акторов в Центрально-Азиатском регионе сводятся к следующему.

Соединенные Штаты Америки планируют:

- вовлечение ЦА в сферу своего влияния с целью эксплуатации её ресурсов в своих национальных интересах и обеспечения военно-стратегического присутствия в регионе;

- создание эффективной системы сдерживания Ирана, Китая и России и ослабление региональных экономических и военно-политических союзов (ШОС, ОДКБ) путем усиления своего военного присутствия в ЦА;

- создание в Центральной Азии обстановки хаоса (по принципу «управляемого конфликта») и дестабилизация ситуации в регионе при помощи политических и информационных технологий;

- восстановление нового Шелкового пути для транзита товаров из Китая и вовлечения региональных акторов в торговые отношения в обход России.

Европейский союз (ЕС) нацелен на решение в регионе следующих основных задач:

- сохранение и наращивание поставок углеводородного и минерального сырья из ЦА в ЕС;

- создание проевропейски настроенной элиты в государствах региона;

- сотрудничество по линии безопасности и прав человека в рамках ОБСЕ;

- борьба с наркотрафиком из ЦА.

Индия как сравнительно новый игрок в регионе преследует следующие цели:

- закрепиться в ЦА;

- создать военную базу на территории аэропорта Айни в Таджикистане;

- проведение военной подготовки специалистов из Центральной Азии в своих вузах;

- ориентацию на ЦА как на потенциальный рынок сбыта своих товаров и услуг (строительные проекты, транспортные коммуникации, IT-технологии);

- налаживание сотрудничества со странами региона в гуманитарной сфере;

- развитие сотрудничества со странами региона в области атомной энергетики и нефтегазовой сфере.

Арабский мир (позиции консервативных монархий Персидского залива — ОАЭ, Бахрейна, Саудовской Аравии и Катара):

- исламизация региона посредством строительства мечетей, распространения религиозной литературы, открытия медресе и

обучения мусульманского духовенства из ЦА в своих учебных заведениях;

- поддержка радикальных исламских группировок в регионе;
- привлечение трудовых ресурсов ЦА для их использования на своей территории;
- интерес к углеводородным ресурсам региона (Каспийский трубопроводный консорциум).

Турция нацелена на решение следующих задач в регионе:

- создание «Великого Турана» в контексте идеи пантюркизма;
- усиление своего влияния на элиту и широкие слои населения региона через систему образования (Киргизия, Казахстан, Таджикистан);
- усиление позиции в качестве регионального энергетического диспетчера;
- строительство транзитных транспортных магистралей до турецких портов;
- налаживание рынка сбыта турецких товаров в регионе;
- привлечение трудовых ресурсов региона в свою страну.

Иран пытается реализовать в Центральной Азии следующий комплекс своих национальных интересов:

- создание единых транспортных сетей из стран региона к берегам Персидского залива;
- формирование «пула» союзников на случай военной кампании (Туркменистан, Таджикистан) против своего государства;
- развитие «пояса безопасности» посредством поддержания общеперсидской идентичности за счет родственности культур (Таджикистан, Афганистан);
- развитие интереса к персидской культуре в регионе через науку и образование;
- привлечение ресурсов ЦА для решения задач социально-экономического развития (пшеница из Казахстана, газ из Туркменистана и др.)⁶.

Возможные сценарии развития обстановки в регионе

Исходя из перечисленных целей и задач основных акторов, действующих в ЦАР, там возможны следующие сценарии развития ситуации.

Сценарий I. «Огнедышащий Дракон»: усиление Китая

После окончательного вывода коалиционных войск из Афганистана в 2015 г. влияние США в Центральной Азии постепенно будет сокращаться.

Коалиционные силы НАТО передадут оружие и военную технику наиболее устойчивым политическим режимам (Узбекистан, Туркменистан) и максимально свернут свое экономическое и политическое присутствие в регионе. При этом США сохраняют ограниченное присутствие на севере Афганистана, в Узбекистане, Таджикистане и Киргизии посредством своих военных баз. Также Соединенные Штаты удержат частичное влияние в регионе за счет осуществления антитеррористических и антинаркотических программ совместно со странами ЦА.

Процесс сворачивания американского военного присутствия завершится к 2020 г. К тому времени закончится передача военной техники и процесс перевооружения в странах региона.

В этот период Россия сохранит частичное военное присутствие в ЦАР за счет поддержания военных баз в Киргизии и Таджикистане.

Пока Россия и США будут вести негласную войну за влияние в Центральной Азии, Китай постепенно будет завоёвывать там новые позиции. Усилив свое влияние в экономической сфере, Пекин будет болезненно реагировать на проблемы безопасности в ЦА и Афганистане. По инициативе китайской стороны будет подписан ряд документов по борьбе с терроризмом, религиозным экстремизмом и сепаратизмом в рамках ШОС.

При этом Китай позволит поддерживать безопасность в регионе с помощью сил других акторов (России, США), непосредственно не вмешиваясь в ситуацию военным образом (наиболее вероятный сценарий). Пекин будет осуществлять постепенное, очень аккуратное и поначалу ограниченное военное проникновение в регион к концу 2020 г. с целью борьбы с терроризмом и наркотрафиком. Целью КНР станет продвижение её национальных интересов в странах ЦА и решение значимых для этого нижеследующих внешнеполитических и внешнеэкономических задач:

- расширение границ и сфер влияния (за счет Узбекистана, Киргизии);

- решение проблем безопасности в регионе в контексте ограничения влияния идеологии пантюркизма, политического ислама и этнического сепаратизма на приграничные с ЦА регионы Китая;
- превращение стран ЦА в рынок сбыта китайских товаров.

С учетом постепенного уменьшения роли России в экономике Центральной Азии, на ее позиции будут претендовать, как и сейчас, различные игроки. Среди них наиболее вероятны Китай, США и Индия.

Поскольку вложения КНР в экономику региона (крупные инфраструктурные и энергетические проекты) будут оставаться доминирующими, произойдет естественная переориентация экономик стран ЦА в сторону Китая. Этот процесс вызовет увеличение зависимости этих стран от внешней гуманитарной и экономической помощи со стороны Пекина.

Учитывая рост численности своего населения и угрозу безработицы, с одной стороны, и наличие неосвоенных земель в Центральной Азии (Казахстан, Узбекистан) — с другой, КНР будет арендовать в регионе земли и переселять туда людей из своих трудоизбыточных регионов.

Экономика стран ЦА продолжит свой плавный рост за счет продажи энергоресурсов, а значит, будет наблюдаться увеличение ресурсной зависимости экономики региона («ресурсное проклятье»).

В сфере энергетики сохранится статус-кво, что найдет выражение в поддержании общего курса на многовекторность в политике энергоемких республик. Перспективы региональной интеграции в сфере энергетики в рамках ЦА будут минимальны, хотя ресурсы к ее развитию есть.

На энергополитику Казахстана и Узбекистана большое влияние будет оказывать внутривнутриполитическая ситуация, а также перераспределение активов после решения проблемы «властного транзита».

В гидроэнергетике будет наблюдаться спад, вследствие чего гидроэнергетический потенциал региона не будет реализован. При этом сохранение внешних инвестиций в гидроэнергетические проекты будет гарантировать сохранение энергетической привлекательности Центральной Азии.

Вероятна частичная реализация проектов в сфере атомной энергетики на территории Казахстана. Значительная часть поставок

энергоресурсов (газ, нефть, электроэнергия) будет переориентирована на рынок Китая. Возрастут вложения Пекина в строительство инфраструктурных объектов в сфере энергетики.

Следует ожидать повсеместного ухудшения экологии региона в связи с нерациональным использованием природных ресурсов, использованием «грязных» технологий в добыче углеводородов.

Китайское влияние на культурную жизнь региона будет доминирующим. Произойдет его рост в образовательной сфере, в частности, посредством открытия новых институтов Конфуция, популяризации китайского языка, повышения уровня студенческой и академической мобильности между государствами ЦА и КНР.

Уровень российского и американского влияния в социально-гуманитарной сфере будет снижаться. В силу пассивной политики «русского мира» и слабого культурного присутствия России в регионе, русский язык будет постепенно вытесняться из ряда республик Центральной Азии, кроме Киргизии и Казахстана. Сократится количество носителей русского языка. При сменах элит статус русского языка может понизиться. Россия перестает формировать элиты центральноазиатских государств в силу того, что российские образовательные центры будут слабо представлены в регионе и перестанут пользоваться популярностью у местной прогрессивной молодежи, за исключением Казахстана, с которым Россия будет строить союзные отношения. Русский язык постепенно будет вытеснен китайским, английским, турецким языками.

Влияние США в регионе сохранится в области образования. Прогрессивная молодежь будет переориентирована на англосаксонские страны, чтобы найти работу. Страны Центральной Азии будут усиливать цензуру СМИ и Интернета.

Усиление миграционных потоков из Китая в ЦА (инженерно-технические сотрудники, квалифицированные рабочие, служащие китайских компаний) приведет к увеличению роли китайской диаспоры в Центральной Азии. Этот процесс будет наиболее явным в приграничных с Китаем районах стран ЦА. Как следствие, будут учащаться смешанные браки. При этом возможно повышение уровня социальной напряженности и конфликтов на бытовом уровне.

Миграционный поток из Центральной Азии в Россию не уменьшится, но при этом качественный состав мигрантов не будет улуч-

шаться. Для стран ЦА денежные переводы из России будут оставаться стабильным источником пополнения доходов населения. Вернувшиеся из РФ на родину трудовые мигранты могут по причине изменения ментальности и мировоззрения создать социальную напряженность в своем населенном пункте между жителями, которые не ездили в Россию, и «возвращенцами» из нее. Мигранты из ЦА будут стремиться приобретать российское гражданство, а в России будет создаваться почва для межэтнических конфликтов.

В целом в Центральной Азии будет наблюдаться формирование нового тренда мультикультурализма, проявляющегося в распространении смешанных браков, разнообразных национальных кухонь⁷.

Сценарий II. «Стратегия анаконды»: Запад сдерживает Китай

США будут сдерживать геополитическое наступление КНР в Центральной Азии, а также создавать союзы со странами региона с целью противостоять терроризму, наркотрафику и торговле оружием. Будут созданы американские военные базы, которые станут не только фактором присутствия в Афганистане, но и инструментом непрямого военно-политического давления США на КНР и Иран.

После вывода войск НАТО из Афганистана эта страна по-прежнему останется фрагментарным государством, где будут сохраняться внутренние противоречия. У власти окажется лидер, который будет пользоваться поддержкой умеренной части населения и международного сообщества. Он сумеет поддерживать внешнюю целостность страны, балансируя между различными группами, а также, как и Х. Карзай, будет ориентирован на США, хотя и в меньшей степени.

Будет усиливаться военное присутствие НАТО в Киргизии и Узбекистане. Вместе с этим США будут стремиться усилить свое влияние в регионе с целью не допустить наращивания присутствия КНР путем формирования антикитайских настроений в элитах и в массовом сознании жителей Центральной Азии (и, возможно, Синьцзян-Уйгурского автономного района). Американцы будут стараться развивать потоки экономической помощи странам региона, причем скорее не из собственного бюджета (ситуация в США неблагоприятна), а по линии международных финансовых институтов (Международный валютный фонд, Азиатский банк развития, Исламский банк, ООН).

Сотрудничество США с Россией в военно-политической сфере, по всей видимости, будет носить ситуативный характер. Вашингтону также не выгодно усиление позиций Москвы в регионе, за исключением случаев прямой конкуренции с КНР. Соединенным Штатам будет выгодно, чтобы региональные организации, прежде всего ШОС, имели аморфный характер.

Россия укрепит свои отношения с Казахстаном, он станет её основным партнером и плацдармом в регионе. В других государствах внешнее присутствие РФ ослабеет, но, в отличие от США, она будет оказывать влияние на внутреннюю политику региона.

В долгосрочной перспективе сформируется тренд на плавную переориентацию сырьевых экономик региона на китайский рынок при сохранении опоры на Запад и Россию в области безопасности.

Китай в основном будет контролировать и инвестировать в добывающую промышленность, так как для него в условиях экономического роста будут важны ресурсы, в первую очередь энергетические. Учитывая рост численности своего населения и угрозу безработицы, с одной стороны, и наличие неосвоенных земель в Центральной Азии (Казахстан, Узбекистан, Туркменистан и др.) — с другой, КНР сможет арендовать в регионе земли и переселить туда людей, формируя значительную по численности диаспору, способную выступать проводником экономических и политических интересов Китая в ЦА.

Запад, будучи заинтересован в экономической стабильности в Центральной Азии в случае истощения ее ресурсов и угрозы миграции, будет вкладывать деньги в перерабатывающую промышленность и создавать дополнительные рабочие места в регионе, таким образом способствуя диверсификации экономики ЦА. При этом основным параметром сотрудничества Запада и стран региона останется соблюдение последними прав человека, что определенно ограничит интенсивность взаимодействия США, ЕС и центральноазиатских стран в экономической сфере.

Программы модернизации и диверсификации экономик стран ЦА столкнутся с трудностями преодоления «голландской болезни» (приоритет развития преимущественно одной отрасли) и незаинтересованностью внешних игроков в поддержке промышленности Центральной Азии новыми технологиями. Казахстан, Туркмения и

Узбекистан сохранят сырьевую модель; для Афганистана, Киргизии и Таджикистана экономическое развитие будет определяться высокими политическими рисками и коррумпированным государственным аппаратом.

В целом экономическое развитие региона оценивается негативно при возможных положительных тенденциях на исходе десятилетия, в случае если эти страны сумеют преодолеть вышеуказанные негативные факторы.

Среднесрочный прогноз: умеренный экономический рост большинства стран Центральной Азии при сохранении ориентации на сырьевой сектор.

В энергетике принципиальных изменений не произойдет, сохранится курс на многовекторность в политике богатых природными ресурсами республик. На энергетическую политику Казахстана и Узбекистана большое влияние будет оказывать внутривнутриполитическая ситуация, перераспределение активов после решения проблемы властного «транзита».

В гидроэнергетике будет наблюдаться спад. Таджикистан и Узбекистан продолжают тактику «взаимных уколов». Перспективы региональной интеграции в рамках Центральной Азии минимальны. При этом поступление внешних инвестиций в гидроэнергетические проекты будет гарантировать сохранение энергетической привлекательности ЦА.

На территории Казахстана будет наблюдаться частичная реализация проектов в сфере атомной энергетики. Китай продемонстрирует готовность инвестировать в энергетические проекты на территории региона, однако в среднесрочной перспективе ключевым маршрутом поставки природного газа из Центральной Азии в КНР останется газопровод Туркменистан—Узбекистан—Казахстан—Китай.

В вопросах экологии страны ЦА будут придерживаться стратегии «двойных стандартов». С одной стороны, они будут сохранять приверженность обязательствам перед международным сообществом, реализуемым по принципу «введения чистых технологий в обмен на уступки в политической сфере со стороны Запада», с другой — делать ставку на увеличение объемов добычи природных ресурсов (в целях увеличения экспорта), что приведет к нивелированию экологиче-

ских программ в отдельных проектах (прежде всего, проектов в нефтегазовом секторе, например разведка месторождений на шельфе Каспия).

Культурная жизнь в регионе приобретет особую динамичность и разноректорность. Будет наблюдаться трудовая и социальная мобильность. Параллельно с процессами распространения мультикультурализма и смешанных браков будет развиваться процесс укрепления этнической/национальной идентичности стран ЦА.

В языковом плане Центральная Азия будет идти по формуле «развивать китайский, сохранять русский (там, где он продолжает использоваться. — Д.Г.), учить английский». Намечается серьезная конкуренция России с другими игроками за умы интеллектуальной элиты и широких масс населения стран региона. В условиях снижения численности русскоговорящего населения в Центральной Азии и сжатия «русского культурного пространства» при активных действиях внешних игроков в регионе, Россия вынуждена будет активизировать усилия по использованию «мягкой силы». Расширение российского присутствия будет выражаться в увеличении российских научно-исследовательских проектов при сотрудничестве со странами ЦА. Таким образом, будет создаваться гуманитарный противовес другим игрокам (США, Китай, Турция). Увеличится финансирование таких организаций, как «Русский мир», наладятся каналы поставки российской литературы, возрастает привлекательность российского образования, чему будут способствовать культурные центры, конференции, гранты, расширение гуманитарного сотрудничества. За счет российских грантов будет проводиться спонсирование способных студентов, занимающихся российскими исследованиями. Произойдет увеличение количества культурно-просветительских центров, обучение в которых будет осуществляться на русском языке. Снизятся антироссийские настроения в странах региона. Со временем вырастет российско-ориентированная элита.

Аналогичные действия будут предпринимать США и ряд европейских стран, активно инвестируя средства в систему образования и подготовку лояльной элиты. Произойдет усиление англо-американской системы образования, намечается тенденция к всесторонней студенческой и академической мобильности (зарубежные университеты, языковые центры).

Вероятно, Турция попытается стать «застрельщиком» политики Запада в регионе и разыграть карту пантюркизма, позиционируя себя как политико-экономическую и цивилизационную модель развития для центрально-азиатских республик. Культурное влияние КНР, по-видимому, будет ограничено⁸.

Сценарий III. «Зеленый полумесяц над Центральной Азией»

Вывод коалиционных сил приведет к следующим процессам в Афганистане: укреплению позиции талибов и репрессиям с их стороны в отношении лиц, тесно связанных со структурами коалиционных сил. Следствием этого станет приток беженцев в соседние республики — Узбекистан, Таджикистан, что увеличит давление на экономики этих стран. Наличие беженцев приведет к увеличению нелегальной торговли оружием, интенсификации наркопотоков и возможному увеличению межэтнических и религиозных очагов конфликтности в Ферганской долине (возможно, активизируются радикальные исламисты на фоне усиления позиций талибов и других группировок посредством их финансирования исламистами Афганистана). Усиление потока беженцев в странах региона может, с одной стороны, представлять угрозу экономической безопасности странам-реципиентам, а с другой — в потоке беженцев могут оказаться люди, сознательно стремящиеся навязать афганский сценарий народам Центральной Азии, которые будут в определенной мере представлять интересы террористических группировок Афганистана и Ближнего Востока.

Если США начнут активно сотрудничать с Узбекистаном, то ослабеют позиции ОДКБ. На фоне снижения ее роли усилится роль ШОС как инструмента экономического и отчасти военно-политического воздействия на Центральную Азию со стороны Китая.

Прямым следствием вывода коалиционных сил из Афганистана станет угроза возникновения локальных вооруженных конфликтов между государствами региона. Ситуация в ряде стран ЦА может развиваться по «ливийскому сценарию». Негативными факторами, которые могут способствовать возникновению военных конфликтов и социальной напряженности, станут коллапс инфраструктуры, коррупция, наркотрафик. Наиболее уязвимыми с точки зрения безопасности являются Таджикистан, Киргизия и частично Узбекистан (через посредническую террористическую сеть движения «Талибан» в

регионе). Во всех трех странах существуют внутренние факторы нестабильности, обусловленные межэтническими, клановыми и региональными противоречиями, но конфликт между Таджикистаном и Узбекистаном по поводу распределения водных ресурсов является межгосударственным и может перерасти в военное противостояние. В качестве наиболее негативного сценария возможно возобновление гражданской войны в Таджикистане с привлечением боевиков из соседнего Афганистана и наёмников с Ближнего Востока и Центральной Азии. В Туркменистане произойдет интеграция наркогруппировок с группировками контрабандистов, что будет являться платформой для дестабилизации ситуации.

Таджикистан, Киргизия и Узбекистан образуют «конфликтный треугольник». Эти страны являются наиболее проблемными в плане демографической и социально-экономической ситуации. Обеспечить работой растущее население местные экономики не в состоянии, и около 1/2 ВВП Киргизии и Таджикистана и 1/5 — Узбекистана формируется за счет трудовых мигрантов (которые в случае потери работы могут являться источником нестабильности). Также нельзя исключать, что при угрозе военного давления США на Иран последний может использовать группировки шиитов в странах Центральной Азии для противодействия американскому присутствию, например хазарейцев в Афганистане и таджикских шиитов. Все это может привести к ослаблению роли России в регионе. Весьма вероятно появление в ЦАР происламски настроенных режимов.

Вследствие регионального конфликта снизится инвестиционная привлекательность ряда стран Центральной Азии, в первую очередь для Европейского союза. Усиление централизации власти в республиках привет к углублению ресурсной зависимости стран. Произойдет милитаризация их экономик. Будет наблюдаться галопирующая инфляция и рост социальной напряженности, значительный рост теневого сектора экономики. Будет проводиться жесткая экономическая политика пришедших к власти сил (насильственная легализация теневого сектора экономики). Произойдет переориентация на исламскую модель экономики и арабские страны в качестве основного инвестора.

Дестабилизация политической системы ряда государств Центральной Азии может обернуться угрозой сокращения и нестабиль-

ности поставок энергоносителей в страны Европейского союза. Россия как ключевой покупатель центральноазиатского газа будет крайне заинтересована в стабильности этих поставок (они обеспечивают РФ статус гаранта международной энергетической безопасности). Следовательно, российское руководство будет стремиться обеспечить военный контроль над трубопроводами. С учетом выхода Узбекистана из ОДКБ этот вопрос остается актуальным для Казахстана, через который проходят трубопроводы из ЦА в ЕС. Не исключено, что в связи с этим Россия в рамках договоренностей по линии ОДКБ поставит вопрос о введении военного контингента в Казахстан для обеспечения стабильности поставок газа по трубопроводам.

В период нестабильности для региона будет характерен энергетический голод. В случае институционализации власти исламистов высока вероятность пересмотра существующих энергетических контрактов (прежде всего, с Россией) и переориентации энергополитики руководства в сторону арабских стран. Это повлечет за собой качественные изменения в энергетическом секторе, поскольку арабские страны (Катар, Саудовская Аравия) используют передовые технологии в области разработки полезных ископаемых и их переработки.

Усилится эмиграция интеллектуальной элиты. Минимизируется возможность для социальной мобильности.

Масштабная внутренняя и внешняя миграция станет неизбежным явлением. Произойдет увеличение потоков беженцев и вынужденных переселенцев из Афганистана и приграничных территорий в Центральной Азии. На фоне волны экономического кризиса мигранты будут возвращаться из России в страны ЦА, что приведет к увеличению нагрузки на социальную сферу стран региона. Рост эмиграции будет спровоцирован общим состоянием нестабильности и условиями проживания большинства населения за чертой бедности. Также вырастет число беженцев и вынужденных переселенцев внутри ряда стран региона.

Негативными факторами, которые могут способствовать возникновению конфликтов, станут коллапс инфраструктуры, коррупция и почти полное отсутствие общественных услуг. Наиболее уязвимыми с точки зрения безопасности являются Афганистан, Тад-

жикистан, Узбекистан и Киргизия. Начинается дестабилизация ситуации.

Государства ограничат финансирование сферы социального обеспечения, что негативно отразится на уровне грамотности. Рост социальной напряженности в странах Центральной Азии будет сопровождаться ухудшением качества жизни (доступность образования, медицинских услуг, питьевой воды, смертность населения и др.). В условиях повсеместной дестабилизации обстановки получит развитие этносепаратизм.

Для смягчения резкого разрыва между элитой и населением, криминальные структуры начнут осуществлять социальные функции, произойдет формирование новых идентичностей. Актуализируется религиозный фактор. Усилится влияние исламистских группировок, которые также будут осуществлять социальные проекты. Вероятно, установятся новые формы правления на основе радикальной исламистской идеологии в синтезе с криминальными структурами⁹.

Таким образом, анализ тенденций развития ситуации в Центральной Азии дает возможность предположить, что реализация любого из перечисленных вариантов предполагает возрастание роли Шанхайской организации сотрудничества, Организации договора о коллективной безопасности и других региональных и международных организаций при обеспечении международной безопасности в ЦАР.

Литература

¹ *Справочно*: Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) — региональная международная организация, основанная в 2001 г. лидерами Китая, России, Казахстана, Таджикистана, Киргизии и Узбекистана. За исключением Узбекистана, остальные страны являлись участницами «Шанхайской пятёрки», основанной в результате подписания в 1996—1997 гг. между Казахстаном, Киргизией, Китаем, Россией и Таджикистаном соглашений об укреплении доверия в военной области и о взаимном сокращении вооружённых сил в районе границы. Кандидаты в члены и страны-наблюдатели. *Монголия* стала первой страной, которая получила статус страны-наблюдателя на саммите в Ташкенте (2004 г.). *Пакистан, Индия и Иран* получили статус наблюдателей в следующем году на сам-

мите в Астане. 6 июня 2012 г. на саммите в Пекине *Афганистан* получил статус наблюдателя. *Белоруссия* подала заявку на статус страны-наблюдателя, однако получила отказ по той причине, что «не является азиатской страной». 16 июня 2009 г., по завершении саммита стран — участниц ШОС в Екатеринбурге, было принято решение предоставить не применявшийся ранее в практике организации статус «партнёра по диалогу» двум странам: *Шри-Ланке* и *Белоруссии*. В октябре 2011 г. *Турция* подала официальный запрос на статус партнера в Шанхайскую организацию сотрудничества. Тогда же стало известно, что Россия и Китай хотят видеть Пакистан и Индию как полноправных членов ШОС. Главным образом потому, что и Индия и Пакистан также обладают ядерным оружием и проявили заинтересованность в его дальнейшем нераспространении. Решить этот вопрос планировалось на следующем заседании Совета глав государств (СГГ). 7 июня 2012 г. на СГГ ШОС было принято решение предоставить статус наблюдателя *Афганистану* и статус «партнёра по диалогу» *Турции*. Также В. Путиным было предложено утвердить официальный порядок приёма в ШОС новых членов, по которому планируется принять *Монголию*, *Индию* и *Пакистан*. В августе 2012 г. президент *Украины* заявил о её желании стать страной-наблюдателем в ШОС. В начале сентября 2013 г. премьер-министр Армении Тигран Саркисян заявил в ходе встречи со своим китайским коллегой, что *Армения* хотела бы получить статус наблюдателя в ШОС.

Откладывая расширение, члены ШОС опасаются попыток «размыва» организации и, как результат, уменьшения её «веса» в мировом сообществе. К тому же вхождение в ШОС Индии и Пакистана может снизить эффективность её работы, поскольку внешнеполитические интересы этих стран существенно расходятся. Кроме того, вступление Ирана на фоне обострения ситуации вокруг иранской ядерной программы может позиционировать ШОС как блоковое объединение и стать причиной ухудшения отношений с Европой и США, сотрудничеством с которыми дорожат Индия и Китай.

Общая территория входящих в ШОС стран составляет 30 млн км², т. е. 60 % территории Евразии. Общая численность населения стран ШОС равна 1 млрд 455 млн человек (2007 год), т. ю е. четвёртая часть населения планеты. Экономика КНР — вторая в мире по ВВП после США (также уступает суммарному ВВП Евросоюза).

Высшим органом для принятия решений в ШОС является Совет глав государств-членов, который собирается раз в год и принимает решения и указания по всем важным вопросам организации. Совет глав правительств государств — членов (СГП) ШОС собирается один раз в год для обсуждения стратегии многостороннего сотрудничества и приоритетных направлений в рамках организации, решения принципиальных и актуальных вопросов сотрудничества, а также утверждает ежегодный бюджет организации. Помимо заседаний СГГ и СГП, действует также механизм встреч на уровне руководителей парламентов, секретарей сове-

тов безопасности, министров иностранных дел, обороны, чрезвычайных ситуаций, экономики, транспорта, культуры, образования, здравоохранения, руководителей правоохранительных ведомств, верховных и арбитражных судов, генеральных прокуроров. Механизмом координации в рамках ШОС служит Совет национальных координаторов государств-членов (СНК). Организация имеет два постоянно действующих органа: Секретариат в Пекине (Китай) под руководством генерального секретаря и Исполнительный комитет Региональной анти-террористической структуры (РАТС) в Ташкенте (Узбекистан). Генеральный секретарь и директор исполнительного комитета назначаются Советом глав государств сроком на три года. Эти посты соответственно занимают Дмитрий Мезенцев (Россия) и Чжан Синьфэн (Китай). Официальные рабочие языки ШОС — русский и китайский.

ШОС не является военным блоком (как, например, НАТО) или открытым регулярным совещанием по безопасности (как, например, АРФ АСЕАН), а занимает промежуточную позицию. ШОС имеет соглашения о партнёрстве с ООН, СНГ, ОДКБ, ЕврАзЭС и АСЕАН. Главными задачами организации провозглашены укрепление стабильности и безопасности на широком пространстве, объединяющем государства-участников, борьба с терроризмом, сепаратизмом, экстремизмом, наркотрафиком, развитие экономического сотрудничества, энергетического партнерства, научного и культурного взаимодействия.

Согласно ст. 1 основополагающего документа ШОС — Хартии от 7 июня 2002 г. основными целями и задачами ШОС являются: укрепление между государствами-членами взаимного доверия, дружбы и добрососедства; развитие многопрофильного сотрудничества в целях поддержания и укрепления мира, безопасности и стабильности в регионе, содействия построению нового демократического, справедливого и рационального политического и экономического международного порядка; совместное противодействие терроризму, сепаратизму и экстремизму во всех их проявлениях, борьба с незаконным оборотом наркотиков и оружия, другими видами транснациональной преступной деятельности, а также незаконной миграцией; поощрение эффективного регионального сотрудничества в политической, торгово-экономической, оборонной, правоохранительной, природоохранной, культурной, научно-технической, образовательной, энергетической, транспортной, кредитно-финансовой и других областях, представляющих общий интерес; содействие всестороннему и сбалансированному экономическому росту, социальному и культурному развитию в регионе посредством совместных действий на основе равноправного партнерства в целях неуклонного повышения уровня и улучшения условий жизни народов государств-членов; координация подходов при интеграции в мировую экономику; содействие обеспечению прав и основных свобод человека в соответствии с международными обязательствами государств-членов и их национальным законодательством; поддержание и развитие отношений с другими государствами и меж-

дународными организациями; взаимодействие в предотвращении международных конфликтов и их мирным урегулированием; совместный поиск решений проблем, которые возникнут в XXI в.

² *Справочно: Мировой регион* (от лат. *regio* — область, район) — это район Земного шара — часть территории континента или территория континента в целом с прилегающими океанскими (морскими) акваториями и находящимися в них островами, воздушным пространством над ними, расположенными в них государствами, — отличающийся от других районов Земного шара совокупностью физико-географических, политико-экономических, этно-религиозных и историко-культурных особенностей. В пределах региона, как правило, располагается значительная часть экономического и военного потенциала одного или нескольких государств и, в случае обострения военно-политической обстановки, могут вестись крупномасштабные военные действия стратегического масштаба. Центральная Азия (каз. *Орталық Азия*, туркм. *Merkezi Aziýa*, узб. *Markaziy Osiyo*, кирг. *Борбор Азия*, тадж. *Осиёи Марказӣ*, перс. *ایرانشهر مرکزی*; урду *ایشیاء وسطی*) — обширный, не имеющий выхода к океану регион Азии, включающий, по определению ЮНЕСКО, Монголию, Западный Китай, Пенджаб, Кашмир, северную Индию и северный Пакистан, северо-восточный Иран, Афганистан, районы азиатской России южнее таёжной зоны и пять бывших советских республик Средней Азии. Здесь Центральная Азия рассматривается как мировой регион. Центрально-Азиатский регион включает в себя западно-азиатскую часть Российской Федерации, а также территории пятнадцати государств Средней Азии, Среднего Востока и Южной Азии с прилегающими к этим территориям акваториями Индийского и Северного Ледовитого океанов и воздушным пространством над ними.

Район — это часть мирового региона, обладающая общностью политико-экономических, административных, физико-географических, национально-культурных и иных условий, в пределах которой находится значительная часть объектов инфраструктуры стратегического значения, а также дислоцируются (базируются) и могут развертываться крупные стратегические группировки войск (сил) одного или нескольких государств. *Западно-Азиатский район Российской Федерации* включает центральную часть территории Российской Федерации (Урал и Западную Сибирь) с прилегающей к этой территории акваторией Северного Ледовитого океана и воздушное пространство над ними. *Район Средней Азии* включает территории государств Средней Азии (Республики Казахстан, Киргизской Республики, Республики Таджикистан, Республики Туркменистан, Республики Узбекистан) с прилегающей к этим территориям акваторией Каспийского моря и воздушное пространство над ними. *Район Среднего Востока* включает территории государств Среднего Востока (Исламского Государства Афганистан и Исламской Республики Иран) с прилегающей к этим территориям акваторией Каспийского и Аравийского морей и воздушное пространство над ними. *Район*

Южной Азии включает территории государств Южной Азии (Исламской Республики Пакистан, Народной Республики Бангладеш, Республики Индия, Мальдивской Республики, Королевства Бутан, Федеративной Демократической Республики Непал, Демократической Социалистической Республики Шри-Ланка, Союза Мьянма) с прилегающей к этим территориям акваторией Индийского океана и воздушное пространство над ними. Впервые выделил Центральную Азию в качестве отдельного региона мира в 1843 г. географ Александр Гумбольдт. Центральная Азия исторически всегда ассоциировалась с населяющими её просторы кочевыми народами и Великим шёлковым путём. Центральная Азия всегда выступала как место, где сходились люди, товары и идеи с разных концов Евразийского континента: Европы, Ближнего Востока, Южной и Восточной Азии. См., напр., *Гордиенко Д.В.* Стратегическая оценка Центрально-Азиатского региона. Учебное пособие. Допущено УМО МО РФ в качестве учебного пособия для слушателей ВВУЗов МО — М.: ВАГШ ВС РФ, 2008; *Гордиенко Д.В.* Центрально-Азиатский регион: анализ военно-политической обстановки, оценка экономических возможностей государств и характеристика вооруженных сил. Монография — М.: ВАГШ, 2010; *Гордиенко Д.В., Гордиенко В.Н.* Центрально-Азиатский регион: анализ военно-политической обстановки, оценка экономических возможностей государств и характеристика вооруженных сил. Монография — Тверь: ВА ВКО, 2012. — 160 с.; *Гордиенко Д.В., Лузянин С.Г.* Оценка уровня безопасности стран Северо-Восточной и Центральной Азии. Монография. — М.: ИДВ РАН, 2013. — 88 с. ISBN 978-5-8381-02446-1.

³ Центральная Азия: проблемы и перспективы (взгляд из России и Китая). Научный сборник. — М.: РИСИ, КАСМО, 2015.; *Лузянин С.Г.* Центральная Азия: измерения безопасности и сотрудничества URL: http://www.perspektivy.info/table/centralnaja_azija_izmerenija_bezopasnosti_i_sotrudnichestva_2012-02-06.htm; *Парамонов В.А.* Угрозы безопасности стран Центральной Азии и основные сценарии развития региона. URL: <http://ceasia.ru/forum/ugrozi-bezopasnosti-tsentralnoy-azii-i-osnovnie-stsenarii-razvitiya-regiona.html>; *Парамонов В.А.* Россия и Центральная Азия: к задаче эффективного использования совокупного энергетического потенциала. URL: <http://ceasia.ru/energetika/ukreplenie-pozitsiy-rossii-v-energetike-stran-tsentralnoy-azii-vozmozhno-v-strategicheskom-soiuze-s-kitaem/pechat.html>

⁴ *Парамонов В.А.* Россия и Центральная Азия: к задаче эффективного использования совокупного энергетического потенциала. Указ. соч.; *Попов Д.С.* Место Узбекистана в центральноазиатской политике США // Проблемы национальной стратегии. № 1 (28), 2015 — С. 74—90; *Бакас Уулу Бахтияр, Смагулов Кадыржан* Водноэнергетические проблемы Центральной Азии: политика государств региона и перспективы развития ситуации // Центральная Азия и Кавказ. Том 14, вып. 1, 2011. — С. 93—100; *Ревский А.* Фактор воды: эгоизм Китая грозит Казахстану экологической катастрофой. URL: <http://www.apn.kz/publications/article5569.htm>; <http://www.invur.ru/index.php?page=news&id=34648>; *Саунов З.* Ре-

гиональное сотрудничество в Центральной Азии с участием Афганистана после 2014 года: перспективы для Кыргызской Республики. URL: <http://www.academia.edu/6049368/%D0%>; Тенденции развития ситуации в странах Центральной Азии. URL: <http://bintel.com.ua/ru/article/centrasia/>; Ситуация в Центральной Азии после вывода коалиционных войск из Афганистана. URL: http://russiancouncil.ru/projects/project/?PROJECT_ID_4=4#top

⁵ Более подробно см., напр.: *Терехов В.Ф.* территориальная проблема в китайско-индийских отношениях: истоки, эволюция и современное состояние // Проблемы национальной стратегии. 2011. № 4 (9). — С. 57—76.

⁶ Тенденции развития ситуации в странах Центральной Азии. Указ. соч.; Ситуация в Центральной Азии после вывода коалиционных войск из Афганистана. Указ. соч.; Центральная Азия: тенденции регионального развития. URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=2091#top; Сценарный прогноз развития ситуации в Центральной Азии после вывода коалиционных войск из Афганистана 2014—2024 гг. URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=1870#top; ОДКБ и перспективы развития ситуации в Центральной Азии. URL: <http://rus.ozodi.org/content/article/26898955.html>; <http://www.sadoitojikon.tj/tajnews/602-odkb-i-perspektivy-razvitiya-situacii-v-centralnoj-azii.html>; Центральная Азия. геополитика и экономика региона. URL: http://www.isoa.ru/docs/central_asia-book.pdf; *Кумспоттер Винсен де (de Kytspotter, Vincen)* Большая игра в Центральной Азии. URL: http://www.perspektivy.info/table/bolshaja_igra_v_centralnoj_azii_2007-01-01.htm; History of Civilizations of Centrql Asia. In 6 Vol. UNESCO Project. Head of the Project L.I. Miroshnikov. Part Two. The Achievements. Ed. By С.Е. Bosworth and M.S. Asimov. — Paris: UNESCO Publishing, 2000. — p. 327.

⁷ *Лузянин С.Г.* Центральная Азия: измерения безопасности и сотрудничества. Указ. соч.; *Парамонов В.А.* Угрозы безопасности стран Центральной Азии и основные сценарии развития региона. Указ. соч.; *Парамонов В.А.* Россия и Центральная Азия: к задаче эффективного использования совокупного энергетического потенциала. Указ. соч.; *Звягельская И.Д.* Борьба за власть в контексте политической культуры центральноазиатских обществ // Центральная Азия: проблемы развития и безопасности в условиях мирового финансового кризиса (материалы МГИМО РАМИ, 6 Конгресса, 2010). — М. МГИМО (У) МИД РФ. 2010. С.53—54; *Турарбекова Р., Шибко Т.* Политика Китая в отношении соседних стран Центральной Азии. URL: http://www.perspektivy.info/table/politika_kitaja_v_otnoshenii_sosednih_stran_centralnoj_azii_2010-10-21.htm

⁸ *Лузянин С.Г.* Центральная Азия: измерения безопасности и сотрудничества. Указ. соч.; *Парамонов В.А.* Россия и Центральная Азия: к задаче эффективного использования совокупного энергетического потенциала. Указ. соч.; Тенденции развития ситуации в странах Центральной Азии. Указ. соч.; Ситуация в Центральной Азии после вывода коалиционных войск из Афганистана. Указ. соч.;

Центральная Азия: тенденции регионального развития. Указ. соч.; Сценарный прогноз развития ситуации в Центральной Азии после вывода коалиционных войск из Афганистана 2014—2024 гг. Указ. соч.

⁹ *Лузянин С. Г.* Центральная Азия: измерения безопасности и сотрудничества. Указ. соч.; ОДКБ и перспективы развития ситуации в Центральной Азии. Указ. соч.; Центральная Азия. геополитика и экономика региона. Указ. соч.; *Китсноттер Винсен де (de Kytspotter, Vincen)* Большая игра в Центральной Азии. Указ. соч.; *History of Civilizations of Centraq1 Asia*. Указ. соч.

В.И. Батюк*

ПОЛИТИКА И СТРАТЕГИЯ США В ЦЕНТРАЛЬНО-АЗИАТСКОМ РЕГИОНЕ ПОСЛЕ 2014 г.

Рост напряженности на Ближнем и Среднем Востоке в 2014 г. заставил официальный Вашингтон начать пересмотр своей политики в Центральной Азии. Американцам приходится делать ставку не на так называемые демократические силы, а на таких авторитарных диктаторов, как Ислам Каримов, способных противостоять исламистской угрозе.

Ключевые слова: Центрально-Азиатский регион, военная политика США, военные базы, Исламское государство.

1. Политика США в отношении Центрально-Азиатского региона

До 2014 г. Центрально-Азиатский регион (ЦАР) был нужен американцам лишь для обеспечения «Северной сети поставок» (ССП), ставшей важнейшим элементом в организации снабжения и вывода международных войск из Афганистана. Военно-политические связи между США и странами ЦАР были в основном подчинены решению этой задачи — снабжению Международных сил содействия безопасности в Афганистане, включая и американские войска.

---

* Батюк Владимир Игоревич, доктор исторических наук, руководитель Центра военно-политических исследований ИСК РАН.

Сотрудничество Вашингтона с ЦАР в таких областях, как миротворчество, подготовка кадров, оказание технического содействия и развитие системы военного образования, осуществлялось на достаточно низком уровне. Столь же ограниченными были и экономические связи США со странами региона.

После 2014 г. значение ЦАР на американской шкале внешнеполитических приоритетов неизбежно должно было бы неизбежно снизиться. Ни одна из стран региона не может быть названа «образцовой демократией»; соответственно, вряд ли при всем желании удастся «продать» американскому конгрессу и широкой общественности помощь ЦАР как составную часть стратегии борьбы с «российским авторитаризмом».

Неслучайно в принятых в последние годы директивных документах по американской военно-политической стратегии (например, в «Четырехлетнем военном обозрении» 2014 г. или в «Стратегии национальной безопасности» 2015 г.) ЦАР в качестве приоритетных регионов не упоминается вообще; таковыми были названы Ближний Восток и АТР. У Соединенных Штатов в ЦАР отсутствуют «основные операционные базы» (Main Operating Base — МОБ); нет там также «объектов передового операционного базирования» (Forward Operating Locations — FOL) и «объектов сотрудничества в сфере безопасности» (Cooperative Security Locations — CSL). Сам факт отсутствия системы американских баз в регионе было однозначным свидетельством его второстепенности для официального Вашингтона.

В общем, Центрально-Азиатский регион после полного вывода американских войск из Афганистана должен был стать еще одним «забытым» регионом для американской внешней политики (наряду с Южной Америкой, Южной Африкой и некоторыми другими регионами). Так и должно было произойти — но тут в дело вмешался фактор так называемого Исламского государства (ИГИЛ).

2. Ситуация в Афганистане

В конце 2011 г. были выведены американские войска из Ирака, а в конце 2014 г. большая часть американских войска была выведена из Афганистана. Тем самым администрация Обамы попыталась снять эти два сильнейших раздражителя в отношениях со странами регио-

на и, кроме того, обеспечить выполнение обещаний президента о прекращении участия американских войск в активных военных действиях в этих двух исламских государствах. Как отмечалось в «Стратегии национальной безопасности», «в Афганистане мы завершили свою боевую миссию и серьезно сократили численность нашей группировки, которая теперь сосредоточилась на работе по формированию суверенного и стабильного партнера в лице афганского государства, где не будет безопасных убежищ для международных террористов»¹.

Результатом сокращения американского военного присутствия в регионе, однако, стал захват «Исламским государством» одной трети территории Ирака летом 2014 г. и активизация исламских экстремистов в Афганистане.

В связи с этим хотелось бы подчеркнуть, что «Исламское государство» (ИГИЛ) — это качественно иной уровень угрозы национальной безопасности США и их союзников. Это уже не разрозненные террористические ячейки, а *государство*, располагающее *ipso facto* качественно более серьезными военно-экономическими и социально-политическими возможностями. При этом ИГИЛ не отказывается и от своего подпольного опыта, приобретенного еще в те времена, когда многие лидеры и активисты «Исламского государства» входили в «Аль-Каиду». Так, ИГИЛ осуществляет активную инфильтрацию в такие страны ближневосточного и даже африканского регионов, как Сирия и Нигерия. Нельзя исключить распространения активности «Исламского государства» и на Афганистан и Пакистан.

Стало ясно, что Соединенные Штаты просто не смогут позволить себе взять и «уйти» с Ближнего Востока. Вот почему они будут вынуждены сохранять свое военное присутствие в регионе и в дальнейшем. Однако это присутствие будет достаточно ограниченным. Выступая в декабре 2014 г. перед военнослужащими объединенной военной базы «Макгуайр-Дикс-Лэйкхарст», президент Б. Обама заявил, что эпоха крупных военных операций американской армии за рубежом подошла к концу.

Обама напомнил, что в Афганистане и Ираке из 180 тысяч военнослужащих останутся менее 15 тыс. человек. «В будущем наши войска будут компактнее. Но как ваш главнокомандующий я хочу быть

уверен, что вы готовы к выполнению задач, которые могут быть поставлены перед вами», — заявил глава американского государства².

Конкретно в Афганистане, в связи с окончанием операции «Непоколебимая свобода» (Enduring Freedom), численность американских войск была сокращена к началу 2015 г. до 9800 человек, а общая численность военнослужащих стран — членов НАТО в стране составила 12 000 солдат и офицеров из 14 стран, расквартированных на 21 базе. В рамках новой американской операции «Страж свободы» (Freedom's Sentinel), запланированной к проведению в Афганистане, основные усилия будут сосредоточены не на участии американских военных в боевых операциях в стране: они сосредоточатся на подготовке афганских вооруженных сил и содействию им³.

При этом американские военные добились у Белого дома разрешения на проведение операции против талибов, «Аль-Каиды», сети Хаккани и других исламистских группировок в том случае, если по данным разведки они будут представлять угрозу американским войскам в стране⁴.

Командование американских войск в Афганистане в целом оптимистично оценивает перспективы афганских сил безопасности после вывода большей части американских и натовских войск из страны.

Возросли темпы боевых операций, проводимых афганской армией и полицией. На протяжении 2014 г. вооруженные силы Афганистана смогли, наконец, взять на себя ответственность за обеспечение безопасности на территории своего государства. В настоящее время афганское правительство удерживает твердый контроль над столицами всех 34 провинций и основными городскими центрами страны.

При этом, однако, возросли и потери афганских военных. И если нынешний уровень военных потерь афганских сил безопасности сохранится, то, по оценке командования американских войск в Афганистане, под вопрос может быть поставлена их боеспособность⁵.

В этих условиях Пентагон настаивает на необходимости по меньшей мере отложить реализацию планов по сокращению числа остающихся в стране американских военнослужащих наполовину к концу 2015 г., сворачиванию всех американских баз, за исключени-

ем Кабула и Баграма, и полному выводу американских войск из Афганистана — в 2016 г. На этом же настаивают и афганские союзники — президент Гхани и премьер-министр Абдулла Абдулла⁶.

3. Средняя Азия в американской политике и стратегии

Неопределенность, сохраняющаяся вокруг американского военного присутствия в Афганистане, затрудняет выработку последовательной американской политики и в отношении среднеазиатских государств. Речь идет о крупнейшем и влиятельнейшем государстве Средней Азии — Узбекистане.

С одной стороны, визит в Ташкент помощницы госсекретаря США по Южной и Центральной Азии Ниши Бисвал 1 декабря 2014 г., в ходе которого американская сторона пообещала Ташкенту бесплатную поставку более 300 броневедомств с противоминной защитой и 20 ремонтных броневедомств (узбекской стороне придется заплатить лишь за транспортировку этой техники). И эти бронемашины не являются неликвидами из запасов американской группировки в Афганистане, что свидетельствует о том значении, которое официальный Вашингтон придает поддержанию военно-политических связей в Узбекистане⁷.

Это решение американской стороны во многом объясняется борьбой за влияние на Узбекистан, которая развернулась между США и Россией. Как считает эксперт российского Центра изучения современного Афганистана (ЦИСА) Андрей Серенко, сегодня Узбекистан и Туркмения — это две страны, которые в наибольшей мере интересуют США, так как они еще не сформулировали своего геополитического выбора: с кем они, в отличие от Казахстана и Киргизии, которые включены в российскую сферу влияния, и Таджикистана, который туда движется, несмотря на растущее влияние КНР на Душанбе. Для США контакты с Ташкентом сейчас имеют особое значение, не столько учитывая борьбу против ИГ, сколько изменения позиции Вашингтона по отношению к афганскому проекту⁸.

С другой стороны, нынешнее сближение Вашингтона и Ташкента встречает резко отрицательную реакцию американской правозащитной общественности. Они обвиняют Вашингтон в том, что он в

своей борьбе с исламским экстремизмом все больше делает ставку на диктаторов, включая сирийское и иранское руководство⁹.

Собственно, официальному Вашингтону сейчас не до либерального чистоплюйства. Ни о каком триумфе либеральной демократии на Ближнем и Среднем Востоке в настоящее время и речи быть не может. Белому дому приходится делать непростой выбор между авторитарными правителями вроде Башара Асада или Ислама Каримова и ИГИЛ.

Литература

¹ National Security Strategy. February 2015. Washington, D.C. — P. 9.

² URL: <http://lenta.ru/news/2014/12/16/obama/>

³ STATEMENT OF GENERAL JOHN F CAMPBELL, USA COMMANDER U.S. FORCES—AFGHANISTAN BEFORE THE SENATE ARMED SERVICES COMMITTEE ON THE SITUATION IN AFGHANISTAN 12 FEBRUARY 2015. — P. 2—6.

⁴ *Mazetti M., Schmitt E.* In a Shift, Obama Extends U.S. Role in Afghan Combat // New York Times. November 21, 2014. URL: http://www.nytimes.com/2014/11/22/us/politics/in-secret-obama-extends-us-role-in-afghan-combat.html?_r=1

⁵ Ibid., p. 8.

⁶ *Mohammed A., Stewart P.* Exclusive: U.S. likely to delay planned closure of two Afghanistan bases. // Reuters. Wed, Mar 18 2015. URL: <http://www.reuters.com/article/2015/03/19/us-afghanistan-usa-bases-idUSKBN0MF02J20150319>

⁷ *Michel C.* The Obama Administration Is Gifting War Machines to a Murderous Dictator. // New Republic. February 3, 2015. URL: <http://www.newrepublic.com/article/120911/obama-administration-gives-uzbekistans-karimov-military-machines>

⁸ URL: <http://inosmi.ru/sngbaltia/20141205/224728565.html>

⁹ *Michel C.* Op. cit.

А.С. Давыдов *

АКТИВИЗАЦИЯ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ШОС С ГОСУДАРСТВАМИ-НАБЛЮДАТЕЛЯМИ И ИНЫМИ СТРУКТУРАМИ В ИНТЕРЕСАХ СТАБИЛИЗАЦИИ ОБСТАНОВКИ В АФГАНИСТАНЕ

В статье рассматривается роль, которую по силам сыграть Шанхайской организации сотрудничества во взаимодействии с другими структурами и рядом заинтересованных государств в процессе стабилизации обстановки вокруг Афганистана и налаживании мирной жизни в этой стране.

Ключевые слова: ШОС, Афганистан, взаимодействие, диалог и консультации, безопасность, геополитическая целостность, миротворческий опыт, противодействие вызовам и угрозам.

С начала нынешнего века стабильность в Центрально-Азиатском регионе (ЦАР) все больше зависит от напряженной ситуации, сложившейся в нем в связи с длительным военно-политическим конфликтом в Афганистане, кризис в котором остается одной из важнейших проблем международной политики.

Результатом антитеррористической кампании США явилась новая активизация террористических экстремистских группировок, организованной преступности, контрабанды оружия, многократный рост производства наркотиков, нелегальной миграции и других уг-

---

* Давыдов Андрей Сергеевич, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник ИДВ РАН.

роз безопасности самого Афганистана и всех стран евразийского континента.

Это заставляет активизироваться соседние с Афганистаном страны, для которых афганское урегулирование жизненно важно. Большинство из них — либо члены Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), либо связаны с ее деятельностью статусом наблюдателей.

Хотя ШОС признана мировым сообществом в качестве действенной региональной организации, перед ней стоит комплекс нерешенных вопросов, в первую очередь — афганская проблема, которая после вывода войск международной коалиции грозит стать главным дестабилизирующим фактором на ее пространстве. Серьезность проблемы заключается в том, что афганскую ситуацию крайне сложно разрешить.

Созданным по решению Совета Безопасности ООН после известных событий 2001 г. Международным силам содействия безопасности (МССБ), сформированным преимущественно за счет контингентов США и НАТО, так и не удалось обеспечить контроль над всей территорией Афганистана. Стало очевидным, что мир в этой стране нельзя установить военным путем. Его затянувшееся осуществление привело только к одному результату: конфликт в регионе становился все шире, глубже и острее.

«Талибан» продолжал партизанскую войну, контролируя ряд районов. Проблем добавляло то, что многие его сторонники и лидеры «Аль-Каиды» находились на территории соседнего Пакистана, которую не контролировало правительство этой страны. Получался замкнутый круг: без установления контроля над этими горными районами решить проблему Афганистана было трудно, а ввод туда войск международной коалиции взорвал бы и без того нестабильный Пакистан, еще более усложнив ситуацию.

Наиболее важными акторами в Афганистане оставались США, НАТО, ЕС, Пакистан, Иран, Китай, Россия, Индия и страны Центрально-Азиатского региона (Таджикистан, Узбекистан, Туркмения). Пакистан и Иран сохранили серьезное влияние в этой стране. Определенными возможностями располагают Россия, Таджикистан, Узбекистан, Индия. Причем три ядерные державы — Китай, Индия и Пакистан — частично расположены в Центральной Евразии и не-

посредственно граничат с нестабильной территорией. А Ирану, Таджикистану, Туркмении и Узбекистану, тоже имеющим общие границы с Афганистаном, для реализации своих национальных интересов крайне необходима стабилизация и демилитаризация в нем. Таким образом, актуальность мирного урегулирования афганской проблемы вырастает многократно.

Примечательно, что Запад пытался и пока не оставил попыток перекладывать на ШОС и Россию ответственность за неудачи на поприще афганского урегулирования. «Афганистан стал символом неудач ШОС», — резюмировали профессор международных отношений Института европейских, российских и евразийских исследований Марлен Ларуэль и ее коллега по институту Себастьян Пейруз в докладе «Региональные организации в Центральной Азии: характеристики взаимодействия, дилеммы эффективности», опубликованном Университетом Центральной Азии (УЦА).

В нем говорится: «В 2001 г. вторжение США, предпринятое всего лишь несколько недель спустя после террористических актов 11 сентября, продемонстрировало способность Америки и ее европейских союзников быстро и массово развернуть боевые действия на театре, который по определению ШОС относится к ее сфере влияния. Вместо того чтобы дать единый ответ от всей организации, страны — члены ШОС реагировали в единоличном порядке. Сближение Москвы с Вашингтоном и открытие двух американских военных баз в Киргизии и Узбекистане вызвало недовольство китайских властей и ослабило политическое доверие между государствами-членами. В середине 2000-х годов ШОС попыталась стать более активным игроком на афганской арене и создала первую группу, установившую контакт с Афганистаном».

По мнению этих экспертов, несмотря на такие новые наглядные свидетельства вовлеченности и даже на то, что Афганистан получил статус наблюдателя в ШОС в 2012 г., организация все еще фактически не имеет присутствия на афганской арене и располагает ограниченным набором возможностей влияния на ситуацию в Афганистане в ближайшие годы.

«В то время как ШОС критиковала отсутствие успеха в действиях международной коалиции в Афганистане, ни одна из стран — членов ШОС не была готова направить туда свои войска. Все они

строят свои политические отношения с Кабулом на двусторонней основе: Россия по причине советского прошлого, Китай по причине своих крупных инвестиций в разведку и добычу полезных ископаемых, Казахстан по причине гуманитарной помощи и поставок зерна в Афганистан, а Узбекистан и Таджикистан — по причине экспорта энергии и наличия своих этнических диаспор в северных провинциях Афганистана. Создание единой военной силы не является целью стран — членов ШОС, более того, даже совместные действия в области восстановления гражданской инфраструктуры не обсуждались в рамках ШОС», подчеркивали в своем докладе Ларуэль и Пейруз. Французские эксперты назвали «крайне маловероятным» желание России «направлять своих солдат для прямого участия в политических или социальных кризисах в странах Центральной Азии».

Ведущие политэксперты России и стран Центрально-Азиатского региона прогнозировали в свое время непредсказуемый характер ситуации в Афганистане после вывода войск международной коалиции.

По пессимистическому сценарию, после 2014 г. в Афганистане должна была бы начаться кровопролитная гражданская война, исход которой имел бы для стран Центральной Азии (ЦА) роковые последствия в виде массовой миграции беженцев, перехода боевиками таджикской и туркменской границ, увеличения неконтролируемого наркотрафика и т. д.

По оптимистическому сценарию, страны региона, объединив усилия, были призваны играть более значимую роль в афганском урегулировании. Однако актуальным вопросом здесь оставалась форма участия в нем стран Центральной Азии и ШОС в целом.

Очевидно, что для государств — членов ШОС урегулирование ситуации в Афганистане — один из главных внешних факторов, на который следует своевременно реагировать. Поэтому необходимость активизации совместных усилий по противодействию угрозам, исходящим с территории Афганистана, заняла важное место во внешнеполитическом курсе стран ЦА, России и Китая.

Китайские наблюдатели, например, полагали, что Вашингтон не заинтересован в окончательном выводе своих войск с территории Афганистана, и для стратегического сдерживания в регионе Китая и России США попытаются закрепить свое постоянное и долгосрочное присутствие в нем и во всей Центральной Азии. Обеспокоен-

ность китайских экспертов выглядела вполне обоснованной, особенно с учетом наблюдавшегося расширения баз подготовки террористов в Афганистане, среди которых, по китайским данным, резко возросло число выходцев из республик Северного Кавказа и ЦА. Учитывая указанные угрозы, китайские аналитики предлагали активизировать диалог и консультации в рамках ШОС.

Согласно этим предложениям, для успешного включения этой организации в процесс урегулирования афганской проблемы ей необходимо было выполнить следующие действия:

- повысить статус и уровень контактной группы «ШОС—Афганистан», чтобы этот механизм стал ключевой платформой для включения организации в афганское урегулирование;
- интенсифицировать сотрудничество между ШОС и ОДКБ;
- активизировать взаимодействие и координацию позиций между Китаем, Россией и Индией;
- придать ключевое значение экономическому восстановлению Афганистана.

При этом во главу угла КНР, безусловно, ставила собственные интересы, включая обеспечение безопасности своих западных районов, граничащих с Афганистаном, и осуществление китайских экономических проектов, реализуемых на его территории. Не последнее место занимало стремление Китая к участию в борьбе за сферы влияния в этой стране.

В целом же перспективы участия ШОС в разрешении ситуации в Афганистане оставались достаточно неясными из-за несогласованности позиций государств — членов организации, а также различий в оценке угроз, исходящих с территории Афганистана. Тем не менее все они выражали заинтересованность в скорейшем урегулировании афганской проблемы, оставляя открытым лишь вопрос о формах и характере этого урегулирования.

Если до 2001 г. в ООН сотрудничала контактная группа по афганской проблеме из стран, граничащих с Афганистаном (Иран, Китай, Пакистан, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан), то впоследствии стало очевидным, что для мирного урегулирования в нем необходимо непосредственное подключение к процессу ключевых акторов региона, включая Россию, Индию, США, НАТО, ШОС и ОДКБ.

С учетом возможности осложнения сотрудничества в подобном формате конфронтационными разногласиями между отдельными странами (например, Китаем и Индией), предполагалось, что платформа ШОС как раз и призвана была бы способствовать сближению позиций и снижению напряжения в международных отношениях в регионе.

С другой стороны, членство или наблюдательный статус в других региональных международных организациях, в том числе в НАТО, ОДКБ или ЕврАзЭС, большинства заинтересованных в афганском урегулировании государств могли бы сформировать базу для осуществления этого процесса.

Неспособность американского и натовского контингента кардинально изменить сложную ситуацию в Афганистане привела к тому, что опасности, исходящие с его территории — терроризм, религиозный экстремизм и наркотрафик, — приобрели угрожающий характер для стран, являющихся членами ОДКБ и находящихся в зоне ответственности этой организации. Это актуализировало проблему необходимости взаимодействия по линии НАТО—ОДКБ, осложненную множеством нерешенных вопросов и, прежде всего, нежеланием НАТО признавать зону ответственности ОДКБ.

Сложная военно-политическая обстановка, сохраняющаяся на территории Афганистана, — одно из основных препятствий на пути региональной интеграции и реализации наиболее приоритетного совместного интереса стран Центральной Азии, связанного с обеспечением альтернативными и взаимодополняющими транспортными коммуникациями. Для координации усилий всех заинтересованных в афганском мирном процессе сторон, наряду с многосторонним форматом сотрудничества, признавалась необходимой выработка механизма процесса мирного урегулирования и тесное взаимодействие в формате НАТО—ШОС—ОДКБ. Предлагалось также усиление диалога ШОС—Афганистан, налаживание эффективных консультаций ШОС—НАТО и ШОС—США.

Среди двусторонних взаимодействий наиболее оптимальным представлялось подключение возможностей соседних с Афганистаном стран — членов ШОС Таджикистана и Узбекистана, имеющих большое влияние на севере страны, а также стран — наблюдателей ШОС. Так, реализация предложенных таджикской стороной проек-

тов (строительство железнодорожной ветки Таджикистан—Афганистан—Туркменистан, газопровода по данному маршруту, ряда энергетических объектов) серьезно содействовала бы развитию Северного Афганистана, укреплению регионального сотрудничества и обеспечению безопасности.

В результате к настоящему времени финансирование регионального энергетического проекта CASA-1000, предназначенного для передачи излишков электроэнергии из Таджикистана и Киргизии через Афганистан в Пакистан, обеспечено на 85 %. В Афганистане активно ведутся работы по расширению электросетей¹.

В 2008 г. между Узбекистаном и ИРА активизировалось взаимодействие в сфере оптико-волоконной связи, официальная церемония открытия линии которой состоялась в июле 2009 г. В 2013 г. объем товарооборота двух стран достиг 637,7 млн долл. На сегодняшний день в Узбекистане действует 122 предприятия с участием афганских бизнесменов, из которых 39 — со 100%-ным иностранным капиталом. А в 2015 г. страна планирует экспортировать в Афганистан 1,5 млрд кВт/ч электроэнергии².

Что касается развития альтернативных коммуникаций и восстановления геополитической целостности Центральной Азии, то подчеркивалась важность обсуждения проекта возможного строительства железной дороги через Ваханский коридор, которая связала бы Таджикистан, Афганистан, Пакистан, Индию и Китай. Его можно было бы реализовывать в рамках ШОС. Уже построенная с помощью Узбекистана и Азиатского банка развития железнодорожная ветка Хайратон—Мазари-Шариф протяженностью 106,5 км была сдана в эксплуатацию в конце 2010 г.

Как страны-наблюдатели в ШОС Пакистан и Иран, в силу многих общих цивилизационных основ, тесно связаны с Афганистаном исторически и имеют большое влияние в этой стране. Они тесно работают с национальными, религиозными, политическими и военными группировками этой страны и намерены играть в ней важную роль в грядущей перспективе. Они также активизировали свою деятельность в экономическом сотрудничестве с Кабулом.

Иран, например, уже давно вкладывает средства в важнейшие для Афганистана отрасли сельского хозяйства и энергетики. Его интересы связаны, прежде всего, с укреплением влияния в западных

провинциях страны, которые в разные исторические периоды входили в состав иранского государства. Иран входит в число ведущих торговых партнеров Афганистана, в первую пятерку его инвесторов. Очевидно, что через экономическую составляющую Иран, да и Пакистан рассчитывают усилить возможность влияния на внутри- и внешнеполитические процессы в нем.

В то же время подобные намерения со стороны не только этих, но и других стран не только серьезно воздействовали на обстановку в Афганистане, но и способствовали осложнению геополитической ситуации вокруг него и в регионе в целом. Фактически Афганистан оказался в положении «лоскутного одеяла» — совершенно «разорванным» на несколько направлений. Помимо влияния Пакистана на юге, а Ирана на западе, на севере преобладает влияние таджиков и узбеков, которые стремятся воспрепятствовать проникновению туда пуштунов.

В то время как центр страны контролируют правительственные силы, на ее северо-востоке столкнулись интересы Китая и Индии, для которых именно отсюда исходят угрозы в виде подготовленных боевиков и других представителей экстремистских сил. При этом крупные державы и северные соседи поддерживают в Афганистане каждый своего «клиента»: Россия и Таджикистан — афганских таджиков, Узбекистан — узбеков, Иран — хазарейцев, что лишь усилило национальный раскол в самом Афганистане и не способствовало созданию условий для интеграции страны в региональное сообщество.

Формат сотрудничества с северными соседями у Афганистана ограничен экономическими отношениями. В политической сфере предпосылки для сближения и последующей интеграции еще не созданы. Страну отделяет от северных соседей политико-идеологический и психологический барьер, поскольку она и новые государства Центральной Азии находятся в различных и во многом противостоящих сферах влияния США и России. Поэтому на отношения Афганистана с этими странами воздействует политика этих держав, несмотря на существующую в его политических кругах тенденцию к тесной интеграции с новыми государствами.

Как известно, афганцы не сформировались как единая гражданская нация, и политическая борьба в стране неотделима от регио-

нальной, а также от межэтнических, межконфессиональных и внутриконфессиональных противоречий.

По мнению бывшего министра-советника президента ИРА по делам племен Вахидуллы Сабоуна, «межафганское перемирие, основанное на чувстве национального возрождения и установлении безопасности, не только открыло бы дорогу к восстановлению и созданию в Афганистане, но и, обеспечивая национальную безопасность, создало бы благоприятные условия для развития торговых, экономических отношений между восточными и северными странами — соседями Афганистана».

Наращивая военное присутствие в ИРА, страны НАТО не добились успеха, поскольку людские ресурсы Афганистана и зоны племен в Пакистане неизмеримо больше их сил. Зона влияния талибов превышала 50 % территории страны. Нельзя игнорировать де-факто существующие политические реалии Афганистана, когда власть Кабула достаточно слаба на периферии. Предоставление максимума автономии некоторым этническим группам на территории страны ради сохранения политической стабильности в районах афганского севера в наибольшей степени отвечает геополитическим интересам как западных, так и северных соседей Афганистана, включая интересы России.

Создание сильного независимого Афганистана — предпосылка восстановления геополитической целостности Центральной Азии. Если прежние модели интеграции в основном охватывали государства постсоветского пространства, то ныне все более остро чувствуется стремление к расширению сферы такого охвата. Один из примеров расширения — сама ШОС, включающая в качестве членов и наблюдателей практически все основные государства региона.

Еще одна интеграционная схема связана с деятельностью другой организации, возникшей на постсоветском пространстве, — группы ЕврАзЭС, геоэкономической задачей которой является упрочение деятельности Евразийского экономического сообщества, поскольку экономики стран-участниц взаимосвязаны достаточно длительное время, а их культурно-исторические связи весьма крепки. Эти страны имеют многотысячелетнюю историю сотрудничества, общие границы, высокий уровень хозяйственных, политических, культурных контактов, общие исторические традиции.

Согласно геопроостранственной концепции «Нового Среднего Востока», выдвинутой еще в конце 2008 г. группой российских экспертов, этот макрорегион следовало бы превратить «из плацдарма геополитических столкновений и инструментального использования в интересах отдельных стран в единое, целостное геоэкономическое и геокультурное пространство, в ядро центральноевразийского общего рынка и площадки диалога укорененных здесь цивилизаций и народов...». Для этого, по мнению авторов концепции, в качестве одной из первоочередных задач следует обеспечить восстановление Афганистана как единого, суверенного и экономически эффективного государства, которое не только прекращает экспорт нестабильности, наркотиков и терроризма, но становится моделью ускоренной индустриализации и развития.

А пока Россия рассчитывает, что «новая миссия НАТО более ответственно подойдет к выполнению стоящих перед ней задач, чем так и не выполнившие свой мандат Международные силы содействия безопасности в Афганистане». Об этом заявил 16 марта 2015 г. на заседании Совета Безопасности ООН по афганскому урегулированию заместитель Постоянного представителя РФ при ООН Владимир Сафронков. Он предположил, что экстремисты «будут испытывать на прочность» афганские власти, которые теперь несут ответственность за ситуацию с безопасностью в стране, а также воспользуются уходом иностранных сил «для изменения соотношения сил в свою пользу».

Были отмечены озабоченность России ростом влияния в Афганистане группировки «Исламское государство», в рядах которой, по признанию представителей КНР, «воюют даже китайские граждане», а также особая тревога Москвы в связи с сообщениями об ухудшении обстановки в северных районах ИРА, примыкающих к границам союзников РФ по ОДКБ и СНГ, где «экстремисты ведут активную пропагандистскую и вербовочную работу, наращивают свое физическое присутствие».

Российский представитель выразил свою обеспокоенность ростом наркоугрозы с афганской территории и «неготовностью международного сообщества к решительным действиям на этом направлении», где, по его словам, Россия продолжает противостоять опасности «совместно с партнерами по ОДКБ и ШОС»³.

О необходимости наращивания коллективных усилий в рамках ШОС по борьбе с терроризмом и противодействию другим дестабилизирующим факторам говорил на недавнем X форуме ШОС в Ханты-Мансийске заместитель министра иностранных дел РФ И. Моргулов, отметивший, что неурегулированность ситуации в Афганистане «усугубляется появлением новых очагов напряженности», имея в виду боевиков движения «ИГ»⁴.

Одним из самых обсуждаемых на форуме вопросов стал прием в организацию новых членов, который, по общему мнению, должен способствовать усилению ее веса на мировой арене. Цель этого шага состоит в том, чтобы укрепить центр Евразии и сделать его более предсказуемым и стабильным. Одновременно «расширенная ШОС могла бы помочь Афганистану преодолеть трудности и избавить мировое сообщество от многих проблем».

С тем, что ШОС может стать эффективной базой для развития взаимодействия Афганистана с другими странами региона, согласны и афганские эксперты. Сотрудник Центра стратегических исследований МИД ИРА Мехди Манади выразил надежду, что деятельность в рамках ШОС позволит преодолеть трения между Афганистаном и странами-соседями. Отметив, что соперничество между Индией и Пакистаном оказывает отрицательное влияние на ситуацию в Афганистане, он не исключил, что в случае приема обеих стран в ШОС эта проблема может стать менее острой⁵.

Директор Афганского института стратегических исследований Дауд Морадян рассчитывает, что организация «могла бы использовать свой авторитет для эффективной координации сотрудничества между странами в объединении усилий против новых угроз». В то же время оба эксперта полагают, что при поддержке ШОС в регионе могут быть разработаны успешные механизмы сотрудничества в борьбе с группировкой «Исламское государство», стремящейся расширить влияние в ИРА⁶.

ШОС в целом, ее отдельные участники, члены и наблюдатели обладают значительным миротворческим опытом, в том числе опытом международного сотрудничества. И только комплексное сотрудничество всех заинтересованных в афганском урегулировании (прежде всего, граничащих с Афганистаном государств и основных

внешних акторов) способно «развязать» афганский узел и обеспечить стабильность в центральноазиатском регионе.

Важно конкретизировать потенциал взаимодействия ШОС с ОДКБ и НАТО и наладить координацию между ними с учетом взаимных региональных интересов. Основным содержанием такого взаимодействия могло бы быть противодействие существующим вызовам и угрозам, включающим терроризм, организованную преступность, неконтролируемую миграцию, торговлю наркотиками и распространение оружия массового поражения.

С учетом плюрализма геополитических концепций, возникающих в экспертных и политических кругах, на евразийском пространстве и в центральноазиатском регионе как его части в будущем не исключена серьезная структурная перестройка, которая вовлечет в процесс обсуждения и решения ситуационных проблем региональной безопасности более широкий круг интеграционных объединений, включая ОБСЕ, ЕврАзЭС, СНГ, ЛАГ, АСЕАН и пр.

В любом случае государствам Центральной Азии необходимо делать все для восстановления геополитической целостности региона и обеспечения в нем безопасности и стабильности.

Литература

¹ URL: <http://nuz.uz/ekonomika-i-finansy/4364-uzbekistan-planiruet-eksportirovat-v-afganist...>

² Ibid.

³ URL: <http://tass.ru/politika/1833105>

⁴ URL: <http://tass.ru/politika/1819409>

⁵ URL: <http://afganistan.ru/doc/83323.html>

⁶ Ibid.

В.И. Сотников*

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ СОТРУДНИЧЕСТВА ШОС С ИРАНОМ И ПАКИСТАНОМ ПРИ РАЗЛИЧНЫХ СЦЕНАРИЯХ РАЗВИТИЯ ОБСТАНОВКИ В АФГАНИСТАНЕ ПОСЛЕ 2014 Г.

В статье рассматриваются различные варианты продвижения интересов Ирана и Пакистана в Афганистане в зависимости от того, какой сценарий развития внутренней обстановки в последнем будет иметь место в ближайшем будущем.

Ключевые слова: Иран, Пакистан, Афганистан, Россия, США, Китай, ШОС, сценарий, терроризм, исламизм.

По последним оценкам американских аналитиков, после ухода иностранных войск из Афганистана правительство этой страны не сможет полностью контролировать ситуацию в области безопасности в своем государстве, и террористическая деятельность афганского движения «Талибан» продолжится и даже усилится. В то же время два из внешних ключевых игроков, наряду с США, Китаем, Индией и РФ — Пакистан и Иран, — имеющие свои интересы в этой стране, после 2014 г. будут пытаться еще активнее продвигать их в Афганистане. При этом возможны различные варианты продвижения интересов Тегерана и Исламабада в Афганистане в зависимости от того,

---

* Сотников Владимир Иванович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН.

какой сценарий развития внутренней обстановки в последнем будет иметь место.

При этом для РФ важно понять, какие перспективы сотрудничества Москвы с Тегераном и Исламбадом могут иметь место после 2014 г., используя при этом площадку ШОС, в которой Иран и Пакистан имеют статус наблюдателей.

Иран, скорее всего, будет заинтересован в налаживании такого сотрудничества с Россией в области борьбы с радикальным исламизмом, группировками типа «Джундалла», осуществляющей террористическую деятельность против Ирана с территории пакистанского Белуджистана и иранской провинции Систан и Белуджистан, поскольку после 2014 г. эта деятельность, скорее всего, усилится.

Для Пакистана проблема трансграничного терроризма с территории Афганистана и продолжение роста числа терактов на собственной территории пакистанским движением «Тэхрике-Талибан Пакистан» и группировками типа «Кветта Шура» также объективно должны подталкивать его к налаживанию полноценного сотрудничества с Москвой в рамках ШОС.

Таким образом, проблема борьбы с радикальным исламизмом является одним из главных вопросов, по которому Россия после 2014 г. может сотрудничать с Пакистаном и Ираном, используя площадку ШОС, в свете вероятного обострения внутренней обстановки в области безопасности в Афганистане после ухода из этой страны иностранных войск.

Вторым важным вопросом, по которому возможно налаживание полноценного сотрудничества РФ с Ираном и Пакистаном, является борьба с наркотрафиком из Афганистана, поскольку, скорее всего, эта проблема станет одной из ключевых при практически любом сценарии развития обстановки в последнем, поскольку возможности правительства этой страны успешно контролировать и бороться с наркотрафиком, проходящим через страны Центральной Азии далее в РФ и Европу, а также направляющимся в Пакистан и Иран, представляются весьма ограниченными. Здесь возможно использование соответствующих структур ШОС для расширенного сотрудничества РФ с Ираном и Пакистаном по этой проблеме, причем России есть что предложить в смысле соответствующего опыта, а также сил и средств партнерам из Ирана и Пакистана.

Третьей важной областью потенциального сотрудничества России с Ираном и Пакистаном в рамках ШОС является сотрудничество по контролю за нелегальными мигрантами, поток которых в РФ, Пакистан и Иран после 2014 г., скорее всего, резко увеличится, особенно если будут иметь место негативные сценарии развития обстановки в области безопасности в Афганистане. Здесь, как нам думается, три страны могут успешно сотрудничать, используя потенциал ШОС, ее структуры, силы и средства. При этом, на наш взгляд, перспективными формами такого сотрудничества может являться сотрудничество пограничных и миграционных служб трех стран совместно с аналогичными службами стран — членов ШОС из Центральной Азии.

Как нам представляется, основными сценариями развития обстановки в Афганистане после 2014 г. являются следующие:

Негативный сценарий. После ухода иностранных войск из Афганистана большую часть территории этой страны (особенно ее южную часть с центром в г. Кандагар) будут контролировать боевики афганского движения «Талибан». При этом будет иметь место резкое усиление террористической активности и, соответственно, увеличение потоков беженцев и других мигрантов в РФ (через страны Центральной Азии), а также в Иран и Пакистан, возросший наркотрафик и рост деятельности радикальных исламистских группировок в этих странах. Способность официального Кабула эффективно контролировать эти процессы, скорее всего, будет минимальной или отсутствовать вообще, и, наоборот, способность движения «Талибан» и других террористических группировок, а также наркодельцов, действующих на территории Афганистана, будет резко возросшей. В этих условиях сотрудничество трех стран в рамках ШОС по эффективному контролю этих процессов представляется жизненно необходимой.

Позитивный сценарий. После ухода иностранных войск правительству в Кабуле удастся наладить более или менее эффективный контроль за безопасностью внутри страны и перечисленными выше проблемами, а РФ, Иран и Пакистан, используя площадку ШОС и сотрудничая с центральноазиатскими странами — членами этой международной организации, — смогут, в свою очередь, наладить эффективный контроль за этими проблемами после 2014 г.

При этом, на наш взгляд, эффективной формой сотрудничества трех стран может стать расширенное взаимодействие между таможенными органами, пограничными и миграционными службами, а также в рамках вновь созданного Координационного комитета по сотрудничеству РФ, Ирана и Пакистана по этим проблемам в рамках ШОС с использованием уже существующих механизмов и структур этой организации.

Нейтральный сценарий развития внутренней обстановки в Афганистане — сохранение существующего статус-кво. Нам представляется, что этот сценарий является наименее вероятным из вышеприведенных трех сценариев, а что касается сотрудничества между РФ, Ираном и Пакистаном по перечисленным выше проблемам, то оно могло бы быть таким же, как и во втором сценарии.

Приведенные выше области и формы сотрудничества РФ с Ираном и Пакистаном, в зависимости от различных сценариев развития внутренней обстановки в Афганистане после 2014 г. являются далеко не полными и исчерпывающими, а перспективы такого сотрудничества вовсе не ограничиваются перечисленными проблемами.

С.Г. Лузянин С.Г., Е.И. Сафронова*

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ СТРАТЕГИИ ШОС

В статье характеризуются итоги деятельности Шанхайской организации сотрудничества, с которыми она пришла к саммиту в Уфе 2015 г., анализируется текущее положение дел в ареале организации и предлагается целый ряд рекомендаций для российских профильных структур по интенсификации деятельности Шанхайской группы на среднесрочную перспективу.

Ключевые слова: ШОС, Китай, Россия, стратегия развития, российско-китайское сотрудничество, Центральная Азия, региональная безопасность, «три зла» (терроризм, экстремизм, сепаратизм), гуманитарные связи.

В условиях российского председательства на прошедшем саммите в г. Уфе (2015 г.) следует констатировать, что Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) в плане стратегии и тактики становится более гибкой структурой, способной адекватно реагировать на требования времени, перестраиваться по ходу развития событий, при этом не утрачивая статуса многопрофильной международной организации.

---

* Лузянин Сергей Геннадьевич, доктор исторических наук, профессор, и.о. директора Института Дальнего Востока РАН.

Сафронова Елена Ильинична, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник ИДВ РАН.

Потенциал и перспективы организации

В результате всесторонней оценки перспектив развития стратегии Шанхайской организации сотрудничества можно прийти к следующим выводам.

Первое. Организация своим существованием свидетельствует о формировании многополярной структуры международных отношений и некоего «антиамериканского сообщества» как форума международных сил, оппонирующего проявлениям мирового гегемонизма и диктата.

С самого момента своего основания (2001 г.) ШОС позиционировалась как комплексная политико-экономическая международная организация, основными целями и задачами которой является:

- развитие сотрудничества во имя поддержания и укрепления мира, безопасности и стабильности в Центрально-Азиатском регионе (ЦАР);
- совместное противодействие «трем злам»: терроризму, сепаратизму и экстремизму — во всех их проявлениях;
- борьба с незаконным оборотом наркотиков и оружия, другими видами транснациональной преступной деятельности;
- поощрение эффективного регионального сотрудничества в политической, торгово-экономической, оборонной, правоохранительной, природоохранной, культурной, научно-технической, образовательной, энергетической, транспортной, кредитно-финансовой и других областях, представляющих общий интерес;
- содействие всестороннему и сбалансированному экономическому росту, социальному и культурному развитию в регионе и т. д.

И ныне задачи, изначально объявленные ШОС, ввиду их долгосрочного характера остаются прежними. Все они, несомненно, должны быть представлены в качестве базовых в новом документе — Стратегии развития ШОС до 2025 г.

Второе. Достигнутая степень влияния ШОС сегодня свидетельствует о плодотворности 13-летних усилий государств — членов организации по строительству этой международной структуры и ее механизмов. Опыт, полученный ШОС, подтверждает то, что проблемы, связанные с обеспечением безопасности в регионе [с положением в Исламской Республике Афганистан (ИРА) и вокруг нее,

волнениями «цветных революций», состоявшихся в ЦАР за последние 10 лет, противодействием «трем злам» и другим угрозам], — это проблемы, не решаемые в одиночку. И если бы не хозяйственная, моральная и информационная поддержка со стороны ШОС, политико-экономическая ситуация в пострадавших странах была бы еще более тяжелой.

Рост напряженности в Евразии диктует целесообразность корректировки курса ШОС в сторону укрепления ее оборонной составляющей.

Однако организация не планирует создавать собственную военную структуру: действующая Хартия ШОС не предусматривает возможность формирования вооруженных сил под эгидой организации. Сотрудничество по линии министерств обороны, одним из аспектов которого являются учения «Мирная миссия», имеет задачей отработку взаимодействия подразделений стран ШОС только в антитеррористическом ключе¹.

И это представляется единственно правильным на настоящий момент решением, ибо по причинам, приведенным в разделах 2 и 3 Хартии ШОС, именно от международного терроризма сейчас исходит наибольшая угроза стабильности в ЦАР. Вряд ли для ШОС в текущих условиях было бы уместным внеэкономическое (силовое) противостояние этническому сепаратизму и религиозному экстремизму, поскольку оно обострило бы проблему соблюдения той грани, за которой началось бы «вмешательство во внутренние дела», полностью отвергаемое Хартией ШОС.

Третье. Шанхайский секстет должен оставаться многопрофильным неконфронтационным объединением (даже когда конфронтация ему навязывается не только НАТО, но и ЕС, задумывающимся о создании «общеевропейской армии»). Объединением, способным по мере своего развития самостоятельно решать проблемы региональной безопасности без вмешательства извне² путем ликвидации социально-экономических условий для существования «трех зол».

К тому же придание ШОС блокового «военизированного» характера ныне представляется недостижимым по причине вариативности кооперационных предпочтений центральноазиатских стран — членов ШОС. Вряд ли они согласятся отойти от принципа «много-

векторности» их внешней политики и выступить единым с КНР и силовым или даже экономическим фронтом против Запада.

Совместная работа стран ШОС по нейтрализации «трех зол», негативного влияния радикальных исламистских течений в регионе необходима, но не столько путем усиления оборонной составляющей организации (хотя и это целесообразно), сколько социально-экономическими и гуманитарными средствами, позволяющими сохранить статус ШОС как неблоковой, комплексной, невоенной структуры.

РФ и Китай — ключевые участники ШОС — уделяют пристальное внимание факту дестабилизации обстановки на Ближнем Востоке: в Ливии, Сирии, Ираке — и проблемам, сопряженным с выводом войск западной коалиции из Афганистана. При этом организация сохраняет дистанцию от вооруженного противостояния внутри Украины.

Четвертое. Обстановка, складывающаяся на мировой и глобальной арене, порождает необходимость усиления коллективной хозяйственной активности, а также расширения числа государств — полноправных членов организации. Потребности социально-экономического развития стран ШОС «подстегивают» создание поливариантной модели безопасной и взаимовыгодной региональной кооперации. Двусторонние форматы сотрудничества КНР, РФ со странами региона вполне могут быть дополнены дву- и трехсторонними инициативами членов ШОС с государствами-наблюдателями и партнерами по диалогу: Индией, Пакистаном, Ираном, Афганистаном, Монголией, Турцией, Белоруссией, Шри-Ланкой. Внутрорегиональная кооперация в высшей степени полезна и необходима для обеспечения экономического роста в ШОС.

Россия и Китай в силу понятных причин остаются наиболее влиятельными силами и в организации, и в целом на пространстве Центрально-Азиатского региона. Нынешнее российско-китайское стратегическое сотрудничество в регионе — это прочный фундамент для строительства общего евразийского мира, развития и безопасности. Другие страны — основатели ШОС: Казахстан, Узбекистан, Таджикистан и Киргизия — являются полноправными и активными субъектами деятельности этой организации. Поэтому важным для неё представляется поиск путей дальнейшего сбалансирования ин-

тересов шести государств — постоянных членов ШОС, начало которому было положено ее образованием в 2001 г.

Пятое. Развитие организации по трем ключевым направлениям (экономическая сфера, безопасность и гуманитарное сотрудничество) объективно соответствует интересам российско-китайского стратегического партнерства и взаимодействия, а также национально-государственным устремлениям всех участников ШОС. Консенсус шести государств при принятии решений должен сохраняться как один из фундаментальных принципов, не требующих изменений.

Шестое. Решение ШОС о включении Афганистана в ее ряды в качестве страны-наблюдателя (на Пекинском 2012 г. саммите организации) было взвешенным и продуманным. Оно позволяет уже сейчас, без привлечения военной компоненты, активно взаимодействовать с кризисной ИРА в инвестиционной и торгово-экономической сфере.

Рекомендации, касающиеся стратегии развития ШОС на период до 2025 г.

На основании указанных выше основных выводов о перспективах ШОС в современном мире представляется возможным сформировать следующие рекомендации, касающиеся стратегии развития организации на период до 2025 г.:

1. При разработке Стратегии развития ШОС следует на экспертном уровне согласовать трактовки национальной (региональной) безопасности каждого государства — члена ШОС в свете генеральных задач организации.

Это должно быть осуществлено путем анализа таких вопросов, как место и возможности каждого участника в коллективной политической и экономической кооперации, в сфере поддержания безопасности и стабильности, включая афганскую проблему, а также роль института наблюдателей, его функций, перспектив расширения и др. Необходима точная характеристика различий и «нестыкровок» в интересах каждого из участников с целью разработки методики достижения компромиссов, обеспечивающих соблюдение консенсус-принципа.

2. Необходима выработка (как составной части общей Стратегии развития ШОС) поэтапной дорожной карты сотрудничества шести государств организации в деле укрепления региональной безопасности.

Члены ШОС не должны поддаваться на попытки США дестабилизировать обстановку в Евразии, а также в государствах постсоветского пространства.

Нам нужны другие методы: не следует поддаваться на провокации и первыми пытаться выбить клин клином. Для ШОС важно не просто адекватно реагировать на увеличение недружественных военных формирований в сопредельных государствах, но и создавать благоприятные условия для собственного экономического «наступления». Небесполезно и создание доступной инфраструктуры двойного назначения.

3. При разработке экономической части Стратегии развития ШОС следует первостепенное внимание уделить координации банковско-инвестиционной активности финансовых организаций РФ и КНР. В частности, в случае сохранения тактических российско-китайских «нестыковок» по вопросу создания Банка развития (БР) ШОС — механизма финансирования проектов организации — сосредоточить внимание на вопросе возведения «здания» БР ШОС на базе успешно действующего в регионе Евразийского банка развития. Данный вариант позволит совместить кредитно-инвестиционную деятельность ШОС и многих членов Евразийского экономического союза.

4. В экономической части Стратегии развития ШОС в качестве одного из ключевых тезисов целесообразно провести идею сопряжения/соразвития трех евразийских проектов: 1) Шанхайской организации сотрудничества; 2) Экономического пояса Великого шелкового пути и 3) Евразийского экономического союза. Наложение данных трех инициатив способно создать эффект синергии и вскрыть дополнительные возможности для социально-экономического развития Центральной Азии (ЦА). Также необходимо проработать политическую, финансово-экономическую, инфраструктурную и информационную логистику сочетания трех проектов.

5. Видимо, целесообразно учесть и то, что практическому исполнению идеи соразвития ШОС и Экономического пояса Велико-

го шелкового пути может послужить реализация ряда проектов китайско-российского сотрудничества, в частности строительство нефте- и газопроводов, железной дороги Чунцин—Синьцзян—Европа, автомобильной дороги Западный Китай—Западная Европа и др.

6. В экономической части также целесообразно предложить пошаговый алгоритм поддержки восстановления Афганистана со стороны ШОС. Он должен способствовать не только экономическому возрождению ИРА, но и формированию новой долговременной экономической мотивации всех сторон. В этом случае коллективное сотрудничество государств ШОС на афганской почве приобретет устойчивый характер. При разработке данного алгоритма не следует уповать только на внутренний потенциал организации, но продумать механизмы сотрудничества в афганской реконструкции с возможно большим числом государств, в частности — с Японией и другими мировыми обладателями реального капитала. В случае успеха такой кооперации ИРА может получить значительно больший объем инвестиций и технического содействия, а Москва и Пекин — новых партнеров по реализации значимых региональных проектов с российским и китайским участием. Здесь бесполезными могут оказаться и связи с государствами Южной Азии как непосредственным окружением Афганистана.

7. В Стратегии развития ШОС следует особо подчеркнуть необходимость упорядочивания ситуации в области гидроресурсов ЦА, включая систему водопользования Аму-Дарьи. В долгосрочном плане бесполезно предусмотреть возможность инвестирования со стороны стран ШОС в развитие водной инфраструктуры ИРА, что в перспективе повысит потенциал Афганистана как внешнеэкономического партнера.

8. Видится целесообразным включение в Стратегию положения о развитии региональной логистики путем строительства общей дорожно-транспортной сети Афганистана и постсоветской Центральной Азии, встраивание ее как в уже существующие транспортные коридоры, так и планируемые в рамках проекта Экономического пояса Великого шелкового пути. Все это даст дополнительные возможности для увеличения товарооборота в Евразии в системе отношений Восток—Запад.

9. В свете того что политико-экономическое сотрудничество внутри ШОС ныне осложняется в связи с особенностями современной мировой и региональной обстановки, видится целесообразным «воспользоваться моментом» и обратить внимание на усиление гуманитарной составляющей организации, которая менее подвластна воздействию внешних факторов. В определенной мере гуманитарное сотрудничество могло бы исполнить роль компенсаторного механизма в случае торможения коллективного взаимодействия ШОС по другим направлениям.

Литература

¹ URL: http://fedpress.ru/news/polit_vlast/news_polit/1415355029-strany-shos-ne-planiruyut-sozdanie-voennoi-struktury

² См.: URL: <http://ugra-news.ru/article/9162>

Часть II

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ШОС

В.А. Матвеев*

РЕТРОСПЕКТИВА И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРОЕКТОВ ШОС

Статья посвящена современным проблемам в реализации многосторонних экономических проектов в рамках ШОС. Обоснована важная роль государственно-частного партнерства для привлечения инвестиций в масштабное инфраструктурное строительство в Китае и России. Знаковым среди проблем реализации государственно-частного партнерства является совершенствование законодательства в плане долгосрочных кредитов и гарантий для частных инвестиций.

Ключевые слова: государственно-частное партнерство, ШОС, транспортные коридоры Восток—Запад, инфраструктурные проекты, законодательство, модели развития, международные финансовые институты, концессии.

Общепризнанным мнением экспертного сообщества стало то, что сфера экономического взаимодействия стран ШОС в настоящее время находится в глубоком кризисе. Мало того, несмотря на нема-

---

* Матвеев Владимир Александрович, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник ИДВ РАН.

лый период, прошедший со времени создания ШОС, в организации до сих пор не заработал ни один крупный совместный экономический проект.

Во многом это связано с разностью экономических потенциалов стран группировки (асимметричное, неравновесное партнерство), отсутствием финансовых механизмов развития организации (Банка развития ШОС и Спецсчета), наличием депрессивных трендов в экономиках беднейших стран региона, да и собственно разновекторными национальными приоритетами.

Однако потребность в поиске оптимальной модели экономического взаимодействия в рамках ШОС никто не отменял. И здесь весьма пригодился бы опыт выхода из кризиса Китая была посредством широкомасштабного строительства инфраструктуры. Недавно Китаем была предложена такая модель взаимодействия в форме программы разработки совместных инвестиционных проектов инфраструктурного характера в масштабах ШОС. Это не только ответная реакция на кризис, это и ответ на глобализацию мировых рынков, диктующую необходимость создания новых транспортных коммуникаций в целях обеспечения доступности внешних рынков и внешних ресурсов.

В принятой по итогам Пекинского саммита ШОС в июне 2012 г. Декларации глав государств — членов Шанхайской организации сотрудничества о построении региона долгосрочного мира и совместного процветания отмечено следующее: «Государства-члены придают большое значение развитию транспортной инфраструктуры, призванной стать связующим звеном между Европой и Азией, формированию соответствующих международных транспортных коридоров и повышению эффективности взаимодействия различных видов транспорта. Они намерены и далее стимулировать сотрудничество в решении этих задач»¹. Бишкекский (2013 г.) и Душанбинский (2014 г.) саммиты организации подтвердили приоритетность данного направления.

В настоящий момент можно констатировать, что, несмотря на противоречия и сложности взаимодействия стран ШОС, на пространстве этой организации реализуется масштабный инфраструктурный проект многостороннего значения, правда единственный.

Это — автотранспортная магистраль Западная Европа—Китай. В этот проект вовлечены три страны ШОС: Китай как инициатор и

главный спонсор, Казахстан и Россия. В дальнейшем к проекту могут примкнуть и остальные страны шестерки, а также ряд стран, находящихся в статусе наблюдателей.

Сейчас ее строительство идет во всех трех странах ШОС — России, Казахстане и КНР. В основном строительство идет с Востока. В Китае практически дорога уже построена, в Казахстане работа кипит, к её финансированию привлечены крупнейшие мировые финансовые институты, в частности ЕБРР. Недавно стартовал завершающий участок дороги Алматы — Хоргос длиной 308 км. Согласно плану, к апрелю 2016 г. все 2800 км трассы в Казахстане будет построено и на ней будет открыто движение на всем протяжении казахстанского отрезка транспортного коридора².

Однако собственно сдача в эксплуатацию казахстанской трассы планируется ориентировочно в 2017 г. с введением в строй таможенных пунктов. После завершения строительства дороги для развития сервисных услуг пользователей международного транспортного коридора планируется подключить организации малого и среднего бизнеса. Важно подчеркнуть, что строительство практически всех участков в Казахстане финансируется за счет займов международных финансовых институтов.

Чрезвычайно важно, что данный коридор будет использоваться не только для транзитных, но и внутристрановых перевозок. Он обеспечит грузоперевозки пяти самых густонаселенных областей Казахстана — Актюбинской, Кызылординской, Южно-Казахстанской, Жамбылской и Алматинской, где проживают в целом более 7,5 млн человек³.

Объем грузопотока по коридору Западная Европа — Западный Китай на казахстанском участке ожидается ориентировочно до 30 млн т в год. Из них около 1,5 млн составит транзит⁴.

Таким образом, и Китай, и Казахстан, и даже Белоруссия со своей стороны сделали все для организации автомобильного транзита грузов по территории России.

А в РФ строительство российской части дороги идет, как говорится, ни шатко ни валко. Работа ведется фрагментарно, и это самое узкое место транспортного коридора, несмотря на то что в России из 8,4 тыс. км всей протяженности дороги необходимо проложить самую малую часть — 2,2 тыс. км.

Для сравнения: длина китайского участка — 3,4 тыс., а казахстанского — 2,8 тыс. км. Российская часть, так же, как и казахстанская, разбита на участки Оренбург—Казань—Н. Новгород—Москва—С.-Петербург. Степень готовности участков разная. Татарстанский участок частично готов. Начато строительство участков Москва—С.-Петербург и Центральной кольцевой автодороги в Московской области (ЦКАД).

Собственно, такому развитию ситуации в России есть объяснения. Главный довод — это отсутствие нужного количества денег для реализации данного проекта у федеральных и региональных органов государственной власти. Но ведь справедливо и утверждение, что только на бюджетные средства капиталоемкие инфраструктурные объекты не построить. Для такого масштабного строительства нужно привлекать как международные, так и частные инвестиции в рамках финансовой модели государственно-частного партнерства (ГЧП). Собственно, сооружение автомагистрали и планируется в рамках ГЧП. При этом кроме средств государства должны быть вовлечены частные средства, средства банков под государственные гарантии, а также средства различных государственных и негосударственных фондов.

Именно ГЧП является основной формой реализации инфраструктурных проектов в современном мире. А в России государственно-частное партнерство как форма финансовых отношений находится в «зачаточном положении» и до сих пор еще не прописано законодательно, необходимый проект федерального закона «завис» в Государственной думе России. Сегодня есть инвесторы, они готовы вкладываться в проект, но формы их участия в юридическом плане не прописаны и главное — нет мер обеспечения гарантий как для инвесторов, так и для местных властей.

Такие недоработки имеют прямое отношение к стоимостным оценкам сооружения объектов. Показательна расчетная стоимость строительства одного километра автотранспортной магистрали Западная Европа—Китай по отдельным странам. Согласно расчетам 1 км российской трассы обойдется в 10,45 млн долл., а 1 км казахстанской дороги в 5 раз дешевле (!) — 2 млн долл.⁵ Именно высокая стоимость дорожного строительства в РФ — одна из причин того,

что России сложнее найти инвесторов для участия в развитии дорожной инфраструктуры, чем Казахстану.

Согласно планам Минтранс и госкорпорация «Росавтодор» намеревались инвестировать порядка половины (80 млрд руб.) из необходимых 3,6 млрд долл. на первый этап строительства российско-го участка трассы Западная Европа — Западный Китай⁶. Остальные средства планировалось привлечь за счет отечественных и зарубежных инвесторов. При этом, согласно расчетам, проект окупится приблизительно за 20 лет (заметьте, что в Казахстане срок окупаемости составляет всего 8 лет). Строительство практически всех участков в Казахстане финансируется за счет займов международных финансовых институтов: это такие финансовые институты, как Всемирный банк, Евразийский банк развития и реконструкции и Азиатский банк развития⁷.

В Россию же международные инвесторы не торопятся из-за непрозрачности проекта строительства дороги. А частные инвесторы ждут законодательно прописанных гарантий возврата средств.

Между тем эта транзитная автомагистраль имеет многообещающие перспективы. Она связывает не только Китай, Казахстан и Россию, на нее выходят и страны Центральной Азии: Киргизия, Узбекистан, Таджикистан. В перспективе трасса Западная Европа — Западный Китай может иметь ответвление в направлении Мангыстауской области и далее через Туркмению в сторону стран Персидского залива. Строительство этого ответвления планируется завершить до 2020 г.⁸

В Государственной думе РФ на доработке находится проект федерального закона о транзите. Как это ни странно, но в стране, которая явно предназначена быть связующим звеном между Европой и Азией, до сих пор нет ни согласованной государственной политики в отношении транзита, ни механизма координации действий министерств и ведомств, причастных к регулированию перевозок, с компаниями-перевозчиками.

Между тем пример активности показывает Китай. Одним из стержневых направлений китайской транспортной стратегии является создание новых глобальных коммуникаций, связующих Китай с главными мировыми торговыми центрами, прежде всего в сфере железнодорожного строительства.

КНР среди стран — членов ШОС занимает лидирующие позиции в сфере транспортных перевозок и создания новых железнодорожных маршрутов. Запущен альтернативный Транссибу маршрут по Евразийскому трансконтинентальному пути (Ляньюнган—Алашанькоу—Роттердам) — Трансазиатская железнодорожная магистраль (ТАЖМ). Имеются китайские планы строительства новых железнодорожных коридоров как включая Россию, так и в обход её. Сейчас готовится проект сооружения высокоскоростной магистрали (ВСМ) Москва—Китай на китайские кредиты. В Китае ВСМ уже доведена до Урумчи. В перспективе такая магистраль будет сооружена и на территории Казахстана.

Необходимость развития ГЧП в России вытекает из-за обострения проблемы состояния инфраструктуры. Согласно Отчету о глобальной конкурентоспособности за 2014—2015 годы, подготовленному Всемирным экономическим форумом, Россия занимает лишь 74-е место среди стран по показателю качества общей инфраструктуры⁹.

В соответствии с оценками McKinsey Global Institute и экспертной группы McKinsey по инфраструктуре, в течение 2013—2030 гг. расходы страны на инфраструктуру могут превысить 1,5 трлн долл.¹⁰ Реализовать масштабные инфраструктурные проекты только за счет государственных средств является нереальным, учитывая нарастающий дефицит бюджета на протяжении последних лет.

Исходя из этого, формирование и развитие благоприятной среды для становления и расширения форм ГЧП при реализации инфраструктурных проектов представляется одной из ключевых задач российской экономики на ближайшую перспективу. И что же мешает этому?

Во-первых, задержка с принятием проекта федерального закона «Об основах государственно-частного партнерства в Российской Федерации» в Государственной думе РФ. Еще весной 2013 г. Госдума приняла в первом чтении законопроект об основах ГЧП, правда при условии его последующей доработки.

Проектом этого закона, в частности, определяются основы государственного регулирования в указанной сфере, полномочия РФ, регионов и муниципалитетов при реализации соглашений ГЧП. Предполагается, что с его принятием будут расширены возможности для совместной

работы государства и бизнеса, а также созданы условия для привлечения частного капитала в долгосрочные инфраструктурные проекты. Принятие такого закона сделает более прозрачным взаимодействие государственных компаний с частными партнерами в рамках крупных инфраструктурных проектов. Эксперты дают позитивную оценку данному проекту, хотя насколько он поможет усилить взаимодействие частных инвесторов и государства в части привлечения капиталов к решению инфраструктурных проблем пока неясно.

Во-вторых, действующее законодательное поле России не ориентировано на формирование условий для долгосрочного кредитования или выделения долгосрочных государственных гарантий.

Одним из главных препятствий на пути расширения действия государственно-частного партнерства при реализации крупных долгосрочных инфраструктурных проектов со сроком окупаемости более 20 лет является действующий Бюджетный кодекс.

Эксперты в качестве проблемных сфер называют следующие законодательные позиции Бюджетного кодекса¹¹, а именно: кодексом прямо запрещается предоставление любых государственных гарантий на срок более 10 лет, а государственные обязательства по финансированию любого проекта ограничены сроком трехлетнего бюджета, за пределами которого предприниматель должен нести непомерные политические и экономические риски.

Между тем именно долгосрочные кредиты и гарантии являются источником финансирования большинства проектов в сфере ГЧП, они могут составлять вплоть до 90 % от общего бюджета, необходимого для финансирования проекта.

Проектами ГЧП изначально назывались проекты, направленные на модернизацию экономики, которые бизнес по каким-либо причинам не может реализовать самостоятельно даже при наличии необходимых финансовых ресурсов, например при длительных сроках окупаемости.

В исследованиях отмечается, что отсутствие политической стабильности, краткосрочность государственного бюджетирования и распространенность практики изменений правил игры также негативно сказываются на развитии ГЧП в России. Немалую ложку дегтя к этим проблемам добавляет отсутствие стратегического целенаправленного подхода к планированию. В большинстве случаев ис-

пользуется устаревший подход к выработке стратегии развития по принципу: найти задачу под имеющиеся деньги, а не средства под задачу. Действующее законодательство не дает возможности реализовывать долгосрочные инвестиционные контракты с привлечением средств инвестора. И это положение сейчас усугубляется. Правительство решило пересмотреть нынешние приоритеты Фонда национального благосостояния и вместо вложений в инфраструктуру направить средства фонда на финансирование антикризисных мер.

В целом механизм ГЧП в настоящее время применяется в 120 странах мира, но более широкое распространение он получил в Великобритании, а также активно развивается в ЕС, США и других странах.

Сотрудничество государства и бизнеса в реализации крупных проектов, как показывает международная практика, является одним из факторов роста конкурентоспособности страны, ее инвестиционной привлекательности, успешного развития производства и, как следствие, экономики в целом. Мировая практика показывает, что одним из альтернативных инструментов обеспечения необходимой финансовой базы для создания, модернизации, содержания и эксплуатации объектов в условиях ограниченности государственных ресурсов является механизм ГЧП. При его использовании появляется возможность повышения эффективности взаимовыгодного сотрудничества государства и частного сектора, повышения качества предоставляемых услуг, ускоренной модернизации инфраструктуры, необходимой для диверсификации экономики.

Определение ГЧП в сфере построения инфраструктурных объектов является одним из наиболее распространенных; это связано с тем, что чаще всего стартовые программы ГЧП реализуются в проектах по возведению инфраструктурных объектов.

Поэтому наиболее часто партнерство государства и бизнеса встречается в проектах строительства транспортных магистралей и дорог, что справедливо и для России, и для других стран — членов ШОС. Частные инвестиции в большинстве случаев превышают 50 %, что свидетельствует о высокой привлекательности таких проектов. Кроме того, начинают реализовываться проекты по ГЧП и в инновационной сфере. Более того, ГЧП могут быть ключевым компонентом в национальных стратегиях развития как России, так и

других стран ШОС по пути перехода от ресурсно-сырьевой к инновационной экономике.

Поэтому в современных условиях целесообразно сосредоточить усилия на развитии проектов производственной кооперации в обрабатывающей промышленности — машиностроении, электронике, химической и некоторых других отраслях, прежде всего в изготовлении высокотехнологической наукоемкой продукции.

Указанные направления взаимодействия могут стать пунктами дорожной карты долгосрочного развития стран ЦА — членов ШОС.

Литература

- ¹ URL: <http://ru.china-embassy.org/rus/ztbd/shzzfh/t940307.htm>
- ² URL: <http://yvision.kz/post/414363>
- ³ URL: <http://www.primeminister.kz/article/view/25>
- ⁴ Там же.
- ⁵ URL: http://finforum.org/page/index.html/_/world/trassa-rossija-kitaj-perspektivy-i-realii-projekta-r18880
- ⁶ URL: http://finforum.org/page/index.html/_/world/trassa-rossija-kitaj-perspektivy-i-realii-projekta-r18880
- ⁷ URL: <http://www.primeminister.kz/article/view/25>
- ⁸ URL: <http://www.primeminister.kz/article/view/25>
- ⁹ The Global Competitiveness Report 2014—2015 // World Economic Forum, Geneva, 2014. URL: <http://www.weforum.org/> (дата обращения: 18.09. 2014).
- ¹⁰ URL: <http://businessofrussia.com/%D0%B8%D1%8E%D0%BD%D1%8C/item/239-novye-infrastrukturnye-proekty.html>
- ¹¹ URL: <http://www.kommersant.ru/doc/1549166>

В.И. Балакин*

ГЕОПОЛИТИЧЕСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ РОССИЙСКО-КИТАЙСКОГО ИНВЕСТИЦИОННОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В РАМКАХ ШОС

В последние годы Шанхайская организация сотрудничества выступала в Центральной Азии в качестве достаточно эффективного механизма российско-китайского взаимодействия. В момент формирования ШОС Россия и Китай смогли подняться выше сиюминутных разногласий, руководствуясь своими стратегическими национальными интересами региональной безопасности в Центрально-Азиатском регионе. Знаменательно, что китайское руководство постоянно подчеркивает важность капиталовложений в центральноазиатские государства с точки зрения наполнения экономическим содержанием деятельности Шанхайской организации сотрудничества. Таким образом, Китай убеждает Россию в абсолютной легитимности своих действий, поскольку это направление сотрудничества в регионе согласовано и прописано в официальных документах организации. Российско-китайское инвестиционное сотрудничество на пространстве ШОС представляет собой одно из важнейших направлений региональной интеграции двух великих держав.

Ключевые слова: Россия, Китай, инвестиционное взаимодействие, ШОС, Центральная Азия.

---

* Балакин Вячеслав Иванович, кандидат юридических наук, доцент, ведущий научный сотрудник ИДВ РАН.

Российско-китайское инвестиционное сотрудничество на пространстве Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) представляет собой одно из важнейших направлений региональной интеграции двух великих держав. Современный противоречивый глобализирующийся мир переживает в настоящее время процесс усиливающегося напряжения локальных источников общемировых проблем. Названный объективный процесс формирует особую логику межгосударственного взаимодействия в рамках данной организации, связанную с существенным обновлением интеграционной политики национальных государств¹.

ШОС постепенно становится важным элементом формирующейся архитектуры экономической безопасности и сотрудничества в Азиатском регионе. С точки зрения мировой стратегии есть все основания утверждать, что региональные интеграционные группировки, подобные ШОС, начинают выступать в геополитическом пространстве мира как независимые международные субъекты конкретного влияния, свидетельствующего о реальном формировании своевременного многополюсного мира.

После развала Советского Союза Китай неожиданно столкнулся в Центральной Азии (ЦА) с совершенно новой геополитической ситуацией, суть которой состояла в том, что в регионе у самых границ КНР вдруг возникли пять суверенных государств, достаточно остро соперничавших друг с другом. Китаю было крайне необходимо постепенно поставить ЦА под свой эффективный контроль, поскольку такой контроль стало утрачивать российское государство.

Во многом действия Пекина мотивировались и тем, что у него не оставалось иного выбора перед лицом нараставшей террористической угрозы в Синьцзян-Уйгурском автономном районе. Слабость центральноазиатских государств стимулировала уйгурских сепаратистов к развертыванию на их территориях собственных тренировочных баз, на которых готовили боевиков, получавших финансовую поддержку из западных источников, публиковали пропагандистские материалы, вели откровенную подрывную деятельность на территории КНР.

После некоторых размышлений китайское руководство приняло решение начать срочное укрепление границ в Синьцзяне, но главное — посредством развития интенсивных экономических связей

вынудить центральноазиатские правительства сделать окончательный выбор в пользу взаимовыгодного сотрудничества с Китаем и отказа от какой бы то ни было поддержки уйгурских сепаратистов².

С началом XXI в. КНР откровенно приветствовала более активное участие России в центральноазиатских делах, что выразилось в создании ШОС, ставшей главным механизмом российско-китайского взаимодействия в регионе. При её создании Москва и Пекин по умолчанию согласились относительно главной цели данного взаимодействия, а именно: не допустить укоренения США в «сердце Азии»³.

Тем не менее в середине 2000-х годов Китай со всей очевидностью осознал, что у России не хватает сил нести свою часть ответственности за сложные процессы, происходившие в Центральной Азии. Результатом стало решение «четвертого поколения» китайского руководства взять на себя всю полноту ответственности за содержание центральноазиатской геополитики. На сегодняшний день экономические успехи Китая в ЦА выглядят весьма впечатляюще, о чем свидетельствует стабильный рост товарооборота между КНР и странами региона, достигшего объема более 20 млрд долл.

Кроме того, в Пекине решили не останавливаться лишь на увеличении обычной торговли с центральноазиатскими государствами. В настоящее время в КНР разрабатывают планы инвестиционного проникновения в их экономики напрямую⁴. Особый интерес у Китая вызывает создание современной инфраструктуры в регионе, и в частности прокладка транзитной железной дороги из КНР в сторону Персидского залива. Единственной страной в этой зоне, которая не имеет союзнических отношений с США, является Иран. Пекин и Тегеран сотрудничают достаточно тесно, но китайский интерес более глубок и состоит, прежде всего, в том, чтобы получить альтернативный гарантированный доступ к богатствам Персидского залива. В связи с этим уже разрабатывается инвестиционный проект строительства железной дороги из Китая в Киргизию и далее через Узбекистан в узбекский же Мазари-Шариф на севере Афганистана и затем через Герат на западе Афганистана в Иран.

На настоящий момент Китай является ведущим торговым партнером четырех из пяти бывших советских республик, исключая Узбекистан. Вовлечение Центральной Азии в орбиту китайского эконо-

мического и политического влияния происходит весьма заметными темпами, в частности торговля со странами ЦА (без Афганистана) увеличилась в 46 раз: с 1 млрд до 46 млрд долл. Кроме того, Китай заключил договоры о стратегическом партнерстве с Казахстаном, Киргизией, Таджикистаном, Туркменистаном и Узбекистаном, что позволило председателю КНР Си Цзиньпину во время его сентябрьского 2013 г. визита в ЦА подписать многочисленные инвестиционные соглашения в таких сферах, как энергетика и строительство⁵.

Знаменательно, что китайское руководство постоянно подчеркивает важность капиталовложений в центральноазиатские государства с точки зрения наполнения конкретным экономическим содержанием деятельности Шанхайской организации сотрудничества и таким образом убеждает Россию в абсолютной легитимности своих действий, поскольку это направление взаимодействия в регионе согласовано и прописано в общих документах ШОС. В связи с этим интересным представляется заявление министра иностранных дел КНР Ван И, назвавшего ШОС «сообществом по интересам» и дополнительно разъяснившего затем, что Китай всегда будет стремиться к превращению этих интересов в устойчивое экономическое сотрудничество.

В последние годы ШОС в Центральной Азии выступала в качестве достаточно эффективного механизма российско-китайского взаимодействия. И Россия и Китай постоянно подчеркивают на официальном уровне, что их интересы в Центрально-Азиатском регионе (ЦАР) во многом совпадают, особенно по ключевым проблемам. Тем не менее международные эксперты всегда рассчитывали на аморфность одной из таких идей, смысл которой сводился к совместному противодействию проникновению в ЦА США. И хотя КНР на словах активно поддерживала российские инициативы по практической реализации названной идеи, однако в рамках ШОС китайское руководство проводило исключительно собственную политику «инвестиционного вторжения» в Центрально-Азиатский регион, мало считаясь с национальными интересами России⁶.

Назревавший геополитический кризис на Украине открыл вполне реальную перспективу обострения отношений между Россией, США и Евросоюзом, что позволило Пекину начать собственную игру в Центральной Азии, используя так называемую энергетиче-

скую карту, а именно: стремление Москвы найти в Китае альтернативу европейскому направлению экспорта нефти и газа.

КНР изначально стремилась посредством предложения центральноазиатским государствам крупных объемов прямых инвестиционных ресурсов принципиально изменить соотношение сил в регионе. Под прикрытием ШОС Пекин практически беспрепятственно стал осуществлять торгово-экономическую экспансию в ЦА и добиваться реального контроля над местными энергетическими ресурсами.

Сегодня китайскую внешнюю политику в ЦАР мало интересуют вопросы регионального взаимодействия с Россией, в частности в инвестиционной сфере. В повестке дня Китая стоит один главный вопрос — получение надежного доступа к центральноазиатским месторождениям нефти, газа и урана с параллельной реализацией инфраструктурных проектов на евразийском пространстве⁷.

В этом смысле попытки формирования Евразийского экономического союза, безусловно, противоречат долгосрочным интересам КНР, но до тех пор, пока создаваемый ЕврАзЭС не станет зоной свободной торговли, полностью учитывающей стратегические интересы Пекина.

Некоторые зарубежные эксперты указывают на откровенное стремление Китая полностью адаптировать ШОС под свои интересы, сместив акценты в деятельности данной организации от вопросов региональной безопасности в сторону расширения экономического и энергетического сотрудничества. Следуя этому курсу, Китай предлагает центральноазиатским государствам проекты, инвестиционное содержание которых должно обеспечить ему доминирующие позиции в экономике региона. Схема взаимодействия остается прежней: создание в рамках ШОС зоны свободной торговли на условиях, от которых страны ЦА не смогут отказаться⁸.

В этом смысле перед Россией, занятой урегулированием проблем в связи с украинскими событиями, встает достаточно актуальный вопрос: не остаться «в одиночестве» в рамках ШОС. Благожелательный нейтралитет Китая в Совете Безопасности ООН не должен расслаблять руководство нашей страны, поскольку Пекин неизбежно будет стремиться конвертировать этот нейтралитет в реальные уступки России на просторах ЦА.

Японский эксперт по внешней политике Китая Кавадзима Симпэй полагает, что китайские устремления в Центральной Азии являются хорошо продуманной долгосрочной стратегией установления в регионе своего доминирующего влияния⁹. При этом он ссылается на высказывание генерала Народной освободительной армии Китая Лю Ячжоу (Liu Yazhou), который в характерной китайской манере назвал ЦА *«тонким кусочком пирога, подаренного КНР небесами»*. Генерал раскрыл смысл своего высказывания следующим образом: *«Зачем посылать нефтеналивные суда в отдаленные районы мира, когда у Китая под боком находится Центрально-Азиатский регион, из которого за китайские прямые инвестиции можно транспортировать нефть, газ и уран по трубопроводам и железной дорогой»*¹⁰. По мнению высокопоставленного китайского военного, формат инвестиционных соглашений с государствами ЦА предоставляет Китаю уникальную возможность не только создать инфраструктуру, но и затем в течение многих лет управлять ею.

Ярким примером подобного подхода Пекина может служить соглашение об освоении газовых месторождений Галкиниш в Туркменистане с китайскими инвестициями на общую сумму 10 млрд долл.; газ уже пошел в Китай, однако Ашхабад вынужден будет оплачивать те же 10 млрд долл. в качестве погашения инвестиционного кредита.

Похоже, у отдельных центральноазиатских государств нет иного выбора, как только продавать свои природные ресурсы Китаю. Афганистан платить не может, Иран из-за международных санкций озабочен собственными поставками, Россия ориентирована на свой экспорт в Евросоюз и не заинтересована загружать собственные трубопроводы нефтью и газом из ЦА. Исключение делается лишь для входящего в Таможенный союз Казахстана, который из добытых в 2013 г. 82 млн т примерно 1/3 экспортировал через Россию в рамках Каспийского трубопроводного консорциума.

Покупая у Туркменистана дешевый газ, Китай поставил Казахстан и Узбекистан в весьма неудобное положение, настаивая на значительном снижении цен. Став на сегодняшний день крупнейшим иностранным инвестором в Центральной Азии, КНР все более позиционирует себя в качестве реального хозяина ситуации в регионе, что выражается в периодических попытках Пекина продемонстрировать это на заседаниях ШОС¹¹.

Следует отметить, что Китай неожиданно для себя получил в этом поддержку со стороны Запада, который, вводя санкции против Москвы из-за возвращения Крыма в Россию, оказал КНР серьезную услугу. При любом геополитическом раскладе Российская Федерация вынуждена будет на какое-то время «закрыть глаза» на китайское продвижение в ЦА.

Тем не менее партнерство с Россией крайне важно сегодня для КНР, поскольку оно прикрывает ее среднеазиатский тыл и гарантирует бесперебойное снабжение ресурсами с учетом предстоящих жестких конфликтов с США и Японией за влияние в Восточной Азии. Российско-китайский союз неизбежен, считают практически все международные эксперты, ибо обе цивилизации борются за одно и то же — свою национальную идентичность¹². Сквозь века звучат пророческие слова Александра Невского: «Восток жаждет нашего золота, а Запад стремится отнять у нас душу». Полагаем, не надо объяснять, чем можно, а чем нельзя поступиться.

В момент формирования ШОС Россия и Китай смогли подняться выше сиюминутных разногласий, руководствуясь своими стратегическими национальными интересами региональной безопасности в ЦА. Однако сегодня расхождения между двумя государствами начинают приобретать более глубокий характер, особенно что касается нарастающей китайской инвестиционной активности в регионе. Во многом это объясняется существующими объективными противоречиями по проблеме будущего развития ШОС: Россия выдвигает на первый план вопросы безопасности, а Китай нацелен на приоритетное развитие экономического сотрудничества.

Перспективы экономического доминирования КНР в ЦА всегда вызывали серьезную озабоченность России, а в настоящее время, в связи с украинскими событиями, она превращается в предчувствие сползания в зависимость от Пекина на волне политического, а главное экономического давления Запада¹³. В ближайшее время перед Российской Федерацией во весь рост встает неотложная проблема определиться с тем, что конкретно она ждет от ШОС в долгосрочной перспективе.

На этот же вопрос пытается ответить и Китай, который рассчитывает превратить Центральную Азию в своеобразную буферную зону между ним и другими державами, т. е. Россией и США. Китай-

цы откровенно говорят, что выступают против Центрально-Азиатского региона как «заднего двора» РФ, а также стремления США использовать ЦА в качестве инструмента сдерживания КНР¹⁴. В Вашингтоне уверены, что если не противодействовать Пекину, то Центральная Азия станет второй Латинской Америкой, как только местные государства станут сильно зависеть от Китая. В нынешней ситуации Россия вряд ли может что-либо противопоставить масштабным инвестициям КНР в ЦА. Китай уверенно превращает регион в свой сырьевой придаток, одновременно решая стратегический вопрос формирования общей зоны свободной торговли в составе центральноазиатских государств и собственного Синьцзян-Уйгурского автономного района.

В среднесрочной повестке дня КНР для Центральной Азии фигурирует и Афганистан. Китайские аналитики уверены, что умиротворить внутриафганские противоречия невозможно без Пакистана, России и Ирана, поскольку действия США привнесли лишь ожесточение в афганский конфликт. Китайцы полагают, что пакистанское влияние на пуштунов в южных провинциях, российское — на узбеков и таджиков в северных, а иранское — на западе этой страны, при должной координации этих усилий со стороны Китая, способно сформировать устойчивый баланс сил среди афганцев после вывода американских войск¹⁵.

КНР и РФ за счет двустороннего инвестиционного сотрудничества вполне могут придать необходимый толчок экономическому восстановлению афганской экономики. В Китае осознают, что, запустив процесс политического урегулирования в Афганистане, в качестве следующего экономического шага следует дать старт восстановлению тех объектов афганской экономики, которые были построены еще во времена Советского Союза.

Таким образом, возможное российско-китайское инвестиционное сотрудничество в Центральной Азии всегда будет иметь геополитический контекст. Старый конфуцианский принцип *«против кого дружить будем»* и в этом случае демонстрирует свою актуальность.

Соединенные Штаты Америки не нужны в Центрально-Азиатском регионе ни России, ни Китаю, поскольку не обладают здесь историческими корнями и не располагают какой-либо позитивной

программой для местных государств¹⁶. Все, что позволяют американские национальные интересы в ЦА, укладывается в простейшую формулу отрицания существующих реалий, а именно: любыми способами не допустить российско-китайского сближения. В инвестиционной сфере такое сближение могло бы состояться в рамках взаимодействия между Москвой и Пекином по созданию разветвленной инфраструктуры на центральноазиатском геоэкономическом пространстве.

Литература

¹ *Men Honghua*. Zhongguo guan shili pinggong baogao (Сообщение о достойной оценке силы китайской гибкости) // Guoji guanacha. Beijing, 2012. P. 19—20.

² *Safronchuk, Ivan*. China's stakes in Central Asia // Asia Security Briefing No. 3, Swedish Defence Research Agency. Stockholm, 2012. P. 3.

³ *Pan Zhiping*. Zai Zhongyazhou nagedaguo chuangzao diguo ? (Какая держава создаст империю в Центральной Азии) // Renmin Ribao. November 15, 2012.

⁴ *Swanstrom, Niklas*. China's Role in Central Asia: Soft and Hard Power // Global Dialogue. Stockholm, 2013. P. 9.

⁵ *Chiasy, Richard*. Central Asia Future in Chinese Hands ? // The Diplomat. Washington DC. December 09, 2013. P. 4.

⁶ *Ивасута, Акихиро*. Юрэйся: атарасий тайва (Евразия: новый диалог) // Сурабикку кэнкю сэнта. Саппоро, 2013. С. 24—26.

⁷ Xi's Central Asia Trip Aimed at Common Development // Xinhua News Service, September 15, 2013.

⁸ *Pannier, Bruce*. What's China's Game in Central Asia ? // Village Voice. Uzbekistan. March 08, 2014. P. 2.

⁹ *Кавадзима, Симтэй*. Тюгоку но гайко (Внешняя политика Китая) // Ямакава сюппанся. Токио, 2012. С. 9.

¹⁰ *Накагава, Рёдзи*. Тюгоку тайгай сэйсаку но синдайкай (Новый этап внешней политики Китая) // Рицумэйкан дайгаку сюппан. Токио, 2011. С. 17.

¹¹ *Wu, Guo Guang*. China turns to Multilateralism // Foreign Policy and Regional Security. Routledge. London, 2008. P. 47.

¹² *Yitzak, Shicher*. China's Central Asia Strategy // China and Eurasia Forum Quarterly. Vol. 6. No. 2. 2008. P. 57.

---

¹³ *Oldberg I.* The Shanghai Cooperation Organization: Powerhouse or Paper Tiger? // Swedish Defence Research Agency. Stockholm. June, 2013. P. 29.

¹⁴ *Tukmadiyeva, Malika.* Xinjiang in China's Foreign Policy toward Central Asia // The Quaterly Journal, Vol. 12, Issue 3. Singapore, 2013. P. 88 (p. 87—108).

¹⁵ Crisis Group Asia Report No.244. China's Central Asia Problem. Brussels, Belgium. Redruary 27, 2013. P. 2.

¹⁶ *Ивасита, Акихиро.* Дзёкай кёрёку сосики то Нихон: Юрэйся ни цуитэ ата-расий диарогу (Шанхайская организация сотрудничества и Япония: новый диалог о Евразии) // Сурабикку кэнкю сэнта. Саппоро, 2007. С. 20.

А.Г. Ларин*

ЕВРАЗИЙСКИЕ ИНИЦИАТИВЫ СИ ЦЗИНЬПИНА: ШЕЛКОВЫЙ ПУТЬ И ДРУГИЕ

В статье анализируется предложение председателя КНР Си Цзиньпина сформировать Экономический пояс Шелкового пути на пространстве от Китая до Европы. Это может стать кульминационным пунктом в серии китайских инициатив, способных коренным образом изменить весь ход экономической жизни двух континентов. Автор статьи анализирует, что означает для России формирование Экономического пояса и нужно ли РФ участвовать в его строительстве и в какой форме?

Ключевые слова: угрозы, Экономический пояс Великого шелкового пути, многостороннее сотрудничество, Европа, Россия, Китай, ШОС, ЕврАзЭС.

Обращение председателя КНР Си Цзиньпина к международной общественности из Астаны 7 сентября 2013 г. с предложением сформировать Экономический пояс Шелкового пути на гигантском пространстве от Китая до Европы стало кульминационным пунктом в серии китайских инициатив, способных, будь они все реализованы, коренным образом изменить весь ход экономической жизни двух континентов.

В октябре того же года во время визита в страны Юго-Восточной Азии китайский лидер выступил с идеей «вместе построить Мор-

---

* Ларин Александр Георгиевич, кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник ИДВ РАН.

ской шелковый путь XXI века» и «сообщество единой судьбы Китай—АСЕАН»¹. Впоследствии Си Цзиньпин неоднократно ставил «пояс» и «путь» (т. е. Экономический пояс и Морской шелковый путь) в один ряд, отметив, что они представляют собой «огромную всеохватывающую платформу, способную объединить быстро развивающуюся китайскую экономику с интересами всех партнеров»². В конце концов, они слились в единую двухзвенную концепцию «пояс и путь». Несколько ранее (в мае 2013 г.) международной общественности были представлены идеи «экономического коридора КМБИ», призванного соединить Китай с Индией, Бангладеш и Мьянмой³, и еще одного коридора: Китай—Пакистан⁴. В настоящее время эти коридоры считаются третьей ветвью Экономического пояса Шелкового пути наряду с двумя трассами в Европу — через Россию и через Ближний Восток⁵.

На Боаском азиатском форуме в апреле 2014 г. премьер Госсовета Ли Кэцян расширил формулу «сообщества единой судьбы Китай — АСЕАН» до призыва «строить азиатское сообщество единых интересов, единой судьбы и единой ответственности»⁶.

В ходе саммита АТЭС в Пекине в ноябре 2014 г. была принята подготовленная Китаем дорожная карта, предусматривающая согласованные действия тихоокеанских государств с целью превращения АТР в зону свободной торговли.

Боаский азиатский форум в марте 2015 г. прошел под знаком китайских инициатив, их разъяснения и обсуждения. Несколько ранее авторитетный китайский ученый, директор Института международных исследований Университета Цинхуа Янь Сюэтун дал неожиданный комментарий по поводу «сообщества общей судьбы Китай—АСЕАН», заявив: «Многие, особенно китайские ученые, неохотно говорят на эту тему, потому что они понимают: сердцевиной такого сообщества является военное сотрудничество. Сообщество единой судьбы нежизнеспособно без военного сотрудничества» (!)⁷ В Боао Си Цзиньпин в определенной мере подтвердил мысль Янь Сюэтуна, вернувшись к идее общеазиатского «сообщества единой судьбы» и связав его создание с обеспечением «всеобъемлющей устойчивой безопасности»⁸.

Анализируя взрывную активность китайского руководства, нельзя не видеть, что в ней присутствует значительный элемент дек-

ларативности. Однако что касается концепции «пояс и путь» (в которой также присутствует множество неясностей и общих мест), то правительство КНР придает ей исключительное значение и предпринимает масштабные шаги для ее воплощения в жизнь. Концепция объявлена «главной программой политики открытости внешнему миру и экономического сотрудничества Китая с зарубежными странами». Основную часть этой концепции, а именно Экономический пояс Шелкового пути, мы и будем рассматривать в предлагаемой ниже работе.

В совокупности с другими инициативами проект Экономического пояса свидетельствует о том, что нынешнее поколение китайских руководителей, поставив своей задачей строительство богатого и сильного социалистического государства и располагая огромным производственным и инвестиционным потенциалом, пришло к выводу о необходимости резко активизировать свое участие в экономике евразийского континента. Как отмечали китайские специалисты еще несколько лет назад, в начальный период реформ и открытости стратегическая цель государства состояла в том, чтобы «войти в мировой экономический порядок»; теперь же она заключается в изменении этого порядка, с тем чтобы он в большей мере учитывал «обновленные интересы Китая»⁹.

Разумеется, экономические расчеты Пекина тесно сплетены здесь с внешнеполитическими. И. Денисов [МГИМО (У) МИД РФ] рассматривает Экономический пояс Шелкового пути как «первую настоящую внешнеполитическую концепцию в период перехода Китая от большого государства к сильному»¹⁰.

Участникам Экономического пояса, располагающегося вдоль ветвей Китай—Европа, предлагается наладить интенсивное экономическое сближение едва ли не по всем мыслимым направлениям: транспортное строительство, торговля, инвестиции, либерализация торговли, расчеты в национальных валютах, прокладка трубопроводов, развитие телекоммуникаций и использование «мягкой» силы — привлечение в Китай тысяч студентов. Каркасом «пояса» должна служить инфраструктурная сеть, которую предполагается использовать не только для перемещения товарных масс, — в конце концов, сегодня мировой рынок уже насыщен китайскими товарами, а рост его емкости не безграничен. Едва ли не более важное значение Пе-

кин придает инфраструктурному строительству как сфере прибыльного приложения накопленных им капиталов, особенно в развивающихся странах, страдающих от неразвитости путей сообщения. На этом направлении Китай вполне способен обойти США.

Заложенный в концепции «Пояс и путь» всеобъемлющий охват географического пространства и отраслей экономического сотрудничества в сочетании с размахом усилий по ее реализации и пропаганде свидетельствуют о том, что она действительно стала новой стратегией выхода Китая во внешний мир.

В строительстве Экономического пояса естественным образом участвуют все существующие международные структуры: ШОС, Евразийский экономический союз (ЕАЭС), ЕС, а равно будущие структуры, если они появятся, например, на основе американского проекта нового Шелкового пути. Идея экономической интеграции, составляющая лейтмотив китайской концепции, не означает создание мегаструктуры с жесткими правилами и обязательствами ее членов (наподобие, скажем, зоны свободной торговли), в которой растворились бы уже существующие институты.

«Если уж проводить аналогии, то я думаю, что это больше похоже на то, что мы раньше часто называли сотрудничество типа юг—юг», — отметил посол КНР в РФ Ли Хуэй¹¹.

Безусловно, новая китайская инициатива в значительной мере адресована постсоветским республикам Центральной Азии (ЦА) — ближайшим соседям Китая на Шелковом пути, служащим для него важнейшим источником энергетического сырья и рынком сбыта промышленной продукции, транзитным звеном для транспортировки товаров в Европу, а также опорной базой для экономического развития Синьцзяна и других районов Западного Китая. ЦА, как и весь Шелковый путь, играет для Китая важную роль в плане обеспечения экономической безопасности, поскольку в условиях нарастающего противостояния с КНР США укрепляют свои военные союзы и увеличивают военно-морские силы в Восточной Азии, создавая, таким образом, угрозу жизненно важным морским коммуникациям Китая. Кроме того, подъем экономики стран ЦА и Синьцзяна должен послужить в определенной мере противоядием в отношении существующих здесь сепаратистских движений, религиозного экстремизма и терроризма.

Руководители страны подчеркивают, что их концепция основана на принципе «общего выигрыша» (*гун ин*) самого Китая и его партнеров, и по большому счету это действительно так, поскольку интересы КНР и многих других стран на современном этапе развития мировой экономики в значительной мере совпадают. В ходе серии зарубежных визитов Си Цзиньпина, Ли Кэцяна и других лидеров КНР, начавшихся сразу после знаковой речи председателя КНР и проходивших под лозунгом Шелкового пути, были достигнуты многочисленные договоренности о новых крупных инвестиционных и торговых сделках. Неудивительно, что официальные и деловые круги всех стран восприняли китайскую концепцию с безусловным одобрением. Наибольший энтузиазм она вызвала в центральноазиатских странах, для которых сотрудничество с КНР означает не только оживление экономики, но и расширение выхода на международные рынки¹².

Опыт подсказывает странам ЦА, что сближение с Китаем имеет и обратную сторону — одностороннее развитие сырьевых отраслей, чреватое возникновением экономической зависимости от могущественного партнера, однако никакого альтернативного варианта развития у них попросту нет. Правда, новая концепция Китая может дать им шансы и на более гармоничный экономический подъем. Так, Казахстану Китай согласился предоставить свыше 10 млрд долл. на создание совместных производств, в первую очередь в обрабатывающей промышленности¹³. Но сменой форм сотрудничества вопрос об экономической зависимости не снимается.

Некоторые эксперты связывают участие стран региона в ЕАЭС с перспективой их реиндустриализации¹⁴. Прежде всего, это касается Казахстана с его металлургической и горнодобывающей промышленной базой. Однако реализация этой перспективы представляется весьма сомнительной. Главная сила ЕАЭС — Россия — сама нуждается в реиндустриализации, но пока не проявляет способности осуществить ее.

Между тем, экономическое могущество Китая неизбежно поднимает его над остальными участниками формирующегося Экономического пояса. По мнению профессора Ян Лэя (Нанькайский университет), Китаю следует выступить в роли координатора, регулирующего и смягчающего противоречия между ЕАЭС, интересами

США, планами ЕС и программами международных организаций в ЦА. Только Китай, считает Ян Лэй, способен выполнить эту миссию, поскольку авторы всех других проектов «ставят своей целью расширение геополитического влияния и защиту собственных долгосрочных интересов на Евразийском континенте»¹⁵, тогда как Китай строит свою политику на принципах дружбы, взаимного доверия, общей выгоды.

С нашей точки зрения, претензии на лидерство в таком именно смысле едва ли можно считать обоснованными уже потому, что они никак не отражают противоречия между самим Китаем и его партнерами по Шелковому пути. Да и способность КНР разрешать противоречия между внерегиональными игроками в ЦА, а равно территориальные и водно-ресурсные конфликты внутри региона вызывают серьезные сомнения, хотя в отдельных случаях она, возможно, сумеет использовать свое влияние, чтобы побудить спорящие стороны воздержаться от обострения конфликта или даже прийти к компромиссу.

Вместе с тем вполне логичной представляется роль КНР как неформального центра, роль скоро она взяла на себя самую важную из всех функций — выделение и распределение средств, для чего в Пекине создаются крупные финансовые институты: Фонд Шелкового пути с капиталом 40 млрд долл.¹⁶ и Азиатский банк инфраструктурных инвестиций¹⁷ (с капиталом 100 млрд долл.), в число учредителей которого вошли Казахстан, Узбекистан и Таджикистан, а чуть позже к нему присоединилась и Россия. Здесь стоит упомянуть также неправительственный Инвестиционный фонд экологического Шелкового пути, рассчитывающий собрать 30 млрд юаней (около 5 млрд долл.)¹⁸. Сверх того, Китай энергично проводит разного рода научные и практические форумы по теме Шелкового пути, организует выступления в СМИ и т. д. — раскручивание бренда нового Шелкового пути уже идет полным ходом.

Вообще говоря, Китай мог бы расширять свою экономическую экспансию в западном направлении и без выдвигания концепции нового Шелкового пути, но концепция способствует успешности этого процесса, поскольку служит для него идеологической платформой и дает ему серьезный пропагандистский выигрыш. С ее помощью КНР подчеркивает значение строительства Экономического

пояса как общего дела, отвечающего интересам всех его участников. Кроме того, всякое упоминание Шелкового пути есть неявная отсылка к Китаю, поскольку в сознании жителей и Азии, и Европы первый неизменно ассоциируется со вторым. Китайская пресса объявляет очередным шагом в строительстве нового Шелкового пути едва ли не любой акт экономического, научно-технического или культурного взаимодействия между государствами, географически входящими в него¹⁹. Муслируя идею возрождения Шелкового пути, Китай создает себе образ государства, исторически не пребывавшего «на отшибе», как то привыкли считать в Европе, а напротив, издавна вписанного в жизнь всего евразийского континента и ныне закономерно становящегося одной из ведущих фигур его развития. В документе, составленном по поручению Госсовета КНР в марте 2015 г., сдвоенная концепция «пояс и путь» показана как проект, в котором задействованы все районы страны, который сулит процветание не только участникам плана, но и всему человечеству, обещающая помочь ему преодолеть финансовый кризис, замедление мировой экономики и другие неблагоприятные тенденции того же порядка²⁰.

Известный китайский экономист Ху Аньган с коллегами разделили Экономический пояс Шелкового пути на три части: «ядро» — постсоветские государства Центральной Азии; зона, примыкающая к «ядру»; и, наконец, «зона расширения», состоящая из стран Европы и Северной Африки²¹. Россия оказывается во второй, промежуточной зоне наряду с Турцией, Ираном, Индией, Пакистаном и арабскими государствами Ближнего Востока.

Что означает для России формирование Экономического пояса? Нужно ли ей участвовать в его строительстве и в какой форме?

На экономическом форуме ШОС в Бишкеке в июне 2014 г. собравшиеся аналитики единогласно вынесли вердикт: «Шанхайская организация сотрудничества принимает и поддерживает предложение Китая о создании Экономического пояса Великого шелкового пути»²². Однако это итоговое положение не отражает сложности реальной ситуации: перспектива участия России в новом Шелковом пути включает в себе и шансы и вызовы.

Естественным шансом, уже используемым, служит выполнение РФ роли транзитера китайских грузов в Европу. По ее железным дорогам еженедельно проходят два-три состава из КНР. Приложив оп-

ределенные усилия, Россия может превратить свой участок трансконтинентальной магистрали в современный мощный транспортный коридор: модернизировать его материальную базу и логистику, урегулировать проблемы таможенного контроля и оплаты транзита. Интенсивное использование модернизированной трассы может дать ей, помимо прямых доходов от транзита, еще и оживление движения по внутренним маршрутам, и толчок к развитию прилегающих территорий.

Для Китая этот коридор является единственным, и потому исключительно важным сухопутным путем в Европу. Как пишет китайская пресса, Си Цзиньпин во время встречи с президентом В. Путиным на зимней Олимпиаде в Сочи заручился его согласием «соединить российские трансевразийские железные дороги с Экономической полосой»²³. Альтернативная трасса через Центральную Азию, Каспий (или в его обход) и Турцию пока еще далека от завершения. Чтобы превратить ее из геополитического проекта в полноценный материальный объект, требуется решить комплекс далеко не простых проблем, среди которых: необходимость многомиллиардных инвестиций; инженерные трудности строительства дороги на горном рельефе; несогласие Киргизии и Узбекистана на прокладку пути по своей территории; трения между республиками Закавказья; наконец, те же вопросы таможенного контроля и оплаты транзита, помноженные на многочисленность пересекаемых границ. И не исключено, что долгие разговоры о южном варианте и сообщения о тестовых проводках по трассе китайских грузовых поездов²⁴ (у нас нет сведений, состоялись ли они на самом деле) имеют одной из целей смягчить позицию России в переговорах о совместной модернизации ее участка трансконтинентального коридора.

О том же стремлении продемонстрировать незаинтересованность в российском транзите свидетельствует и несколько странное высказывание Янь Сюэтуна в уже цитированном интервью: «Первоначально мы планировали железнодорожную и газопроводную линии в обход России, но это выглядело так, будто мы соперничаем с нею, поэтому мы пересмотрели свой план и повели их через Россию. Только таким образом она сможет присоединиться к Экономическому поясу. Это позволило снять озабоченность России и избавило другие страны от выбора: взять ли сторону России или Китая»²⁵(!).

Как бы то ни было, КНР готова подключиться к прокладке через РФ надежной трассы с высокой пропускной способностью. Во время визита премьера Госсовета КНР Ли Кэцзяна в Россию в октябре 2014 г. стороны договорились об изучении проектов совместного строительства ряда участков высокоскоростного транспортного коридора Европа—Азия, прежде всего дороги Москва—Казань, прокладка которой была запланирована российским правительством ранее. Был подписан меморандум о сотрудничестве в области высокоскоростного железнодорожного сообщения. Таким образом, Россия, как отмечает китайская пресса, становится «одним из главных участников» Экономического пояса Шелкового пути²⁶. По подсчетам специалистов КНР, стоимость сооружения скоростной дороги Пекин — Москва может составить 350 млрд долл., зато время в пути сократится с шести до двух суток. Следует, однако, иметь в виду общий принцип соучастия Китая в инфраструктурном строительстве: китайская сторона предоставляет капитал, технологии и оборудование, но потом на долгосрочной основе участвует в эксплуатации построенного объекта²⁷. Для строительства магистрали Москва—Казань Пекин предложил создать совместное предприятие с равными долями, вложить 50 млрд руб. в уставной капитал и предоставить России кредит на 20 лет в размере 250 млрд руб.

Далее, здесь возникает сложный и щекотливый вопрос насчет других участков трассы Москва—Пекин, в частности находящегося между Казанью и российско-казахстанской границей. У России нет необходимости превращать его в высокоскоростной — это нужно Китаю. Но если эту дорогостоящую модернизацию будет проводить Китай, то кто тогда станет владельцем данного участка? Кто будет эксплуатировать его и получать доходы от эксплуатации? Такой же вопрос может возникнуть, по-видимому, и на казахстанском отрезке трансконтинентальной трассы.

Главный же минус данного варианта состоит в том, что при улучшении качества трансконтинентальной трассы через Казахстан снизится интерес перевозчиков к транссибирскому транзитному каналу, который уже сегодня теряет очки в соревновании с этой трассой²⁸. (По подсчетам специалистов, в настоящее время перевозка товаров из Китая в Европу по Транссибу занимает 18—20 суток, а по трассе Ляньюньган—Гамбург через Казахстан — 11—13 суток²⁹. Пороками

Транссиба давно уже стали наличие узких мест, малая скорость, завышенные тарифы, громоздкость процедур оформления грузов.) А такое развитие событий отрицательно скажется на наших планах возрождения Сибири и Дальнего Востока.

При потере транзитной привлекательности функции Транссиба сведутся главным образом к экспорту сибирского сырья и сбору грузов с примыкающих железнодорожных путей Китая. Правда, в пров. Хэйлунцзян уже началось строительство железнодорожных линий от Харбина к Транссибу и БАМу через Маньчжурию, Тунцзян и Суйфэньхэ³⁰ (что, кстати, также подается как реализация концепции Шелкового пути) с расчетом на товарные потоки из различных провинций Китая. Но принципиальное положение дел от этого не меняется.

Другой минус формирования Шелкового пути состоит для России в том, что в ходе этого процесса будет существенно увеличиваться экономическое и геополитическое влияние КНР в регионе, тогда как относительное влияние России при этом неизбежно будет сокращаться. В частности, это, вероятно, будет выражаться в том, что на фоне новых капиталовложений, поступающих из Фонда Шелкового пути и из Азиатского банка инфраструктурных инвестиций, — снизится интерес стран ЦА к участию в ШОС, где, к их неудовольствию, китайские планы создания Банка развития ШОС или Фонда ШОС так и остаются нереализованными, а функции организации в сферах политики и безопасности представляются лидерам этих стран менее актуальными..

Для Китая снижение привлекательности ШОС будет компенсироваться ростом его собственного финансово-экономического присутствия в ЦА, для России — не будет (может быть, точнее сказать, будет, но в малой мере, поскольку Россия вошла в число учредителей Азиатского банка инфраструктурных инвестиций, однако ее влияние в банке на распределение финансов едва ли сравнится с китайским).

В менее выгодном положении окажется и ЕАЭС, чьи будущие взаимоотношения с Экономическим поясом Шелкового пути специалисты характеризуют как конкуренцию или, если цитировать генерального секретаря ШОС Д. Мезенцева, как «здоровое соревнование»³¹, что то же самое. Даже с точки зрения китайских экспертов,

«совместное развитие ЕАЭС и ШОС сочетает в себе конкуренцию и сотрудничество»³². Новые китайские инвестиции в экономику Казахстана могут поставить его в противоречивую ситуацию, создать конфликт интересов, поскольку он является членом ЕАЭС. То же касается и Киргизии.

Назревающая здесь потихоньку коллизия тем более неприятна, что таможенные барьеры, разделяющие Казахстан и Киргизию с Китаем, отнюдь не являются непроницаемыми. Не случайно тема гармонизации взаимоотношений Китая и ЕАЭС присутствует в диалоге лидеров России и КНР, хотя и в завуалированном виде — в составе более общей проблемы эффективного взаимодействия между ЕАЭС и ШОС или ЕАЭС и Экономического пояса Шелкового пути. Так, Си Цзиньпин в своем выступлении в Астане заявил: «Мы готовы, усиливая координацию, прилагать общие усилия с Россией и странами ЦА к построению гармоничного региона... Укрепление сотрудничества ШОС с ЕвразЭС откроет более широкое пространство развития»³³. Со своей стороны, В. Путин отметил, что «Россия видит большие возможности в налаживании сотрудничества ШОС с Евразийским экономическим союзом»³⁴. В мае 2014 г. высшие руководители двух стран дали обещание: «Стороны продолжат поиск путей возможного сопряжения проекта “Экономического пояса Шелкового пути” и создаваемого Евразийского экономического союза»³⁵.

В связи с этим необходимо рассмотреть взаимоотношения между ЕАЭС (ранее — Таможенный союз) и Китаем более подробно.

Тарифная стена, выстроенная участниками Таможенного союза (ТС) по периферии его территории, несколько снизила объем их торговли с КНР. По подсчетам Европейского банка реконструкции и развития, повышение тарифов на 2 % приводило к сокращению импорта из Китая на 2—3 %³⁶.

Возу китайских товаров препятствуют также принятые Таможенным союзом защитные антидемпинговые меры, главным объектом которых является именно КНР. В настоящее время они касаются таких категорий товаров китайского происхождения, как плоский холоднокатаный прокат, никельсодержащий прокат, подшипники качения, бесшовные трубы, эмалированные чугунные ванны. Надо отметить, что ТС и Китай вели регулярный диалог по вопросам применения мер против демпинга.

Создав Таможенный союз, его участники получили возможность перераспределить в свою пользу часть сверхприбыли, получаемой китайскими компаниями от эксплуатации дешевой рабочей силы. Поступления от таможенных пошлин делятся между Россией, Казахстаном и Белоруссией в соотношении 87,97—7,33—4,7 % соответственно.

Вместе с тем несовершенство системы правил, регулирующих деятельность ТС, а оно проистекало главным образом из-за расхождений между интересами его членов вкупе с застарелым пороком постсоветских государств — наличием «серой» растаможки и коррупции в органах таможни, создаёт для его торговых партнеров целый ряд лазеек. Сложившееся положение дел внимательно отслеживается китайскими специалистами, подходы которых мы здесь вкратце рассмотрим на примере одной из многочисленных публикаций на данную тему, озаглавленной «Таможенный союз России, Белоруссии и Казахстана: общая ситуация и наши ответные предложения» [Дин Дунсин, 2012: 63—64]. Автор статьи достаточно полно перечисляет неблагоприятные и благоприятные для Китая стороны деятельности ТС.

Неблагоприятные стороны:

- повышенная тарифная ставка (по сравнению с прежними казахстанскими она повышена на 32 % товаров, в среднем с 6,2 до 10,6 %); более строгий санитарно-эпидемиологический контроль, более жесткие и сложные процедуры растаможивания. Все это не только затрудняет доступ китайских товаров на рынок ТС, но и увеличивает стоимость подрядного строительства, которое ведут китайские фирмы в Казахстане;
- отмена пакетной «серой растаможки» (когда в едином пакете оплачиваются транспортировка груза и таможенная пошлина на него, растаможка проводится в упрощенном порядке, но без оформления положенных документов) для мелких частных предпринимателей. «Это нанесло, — утверждает автор, — серьезный удар по китайскому экспорту»;
- часть прав по регулированию торговли передана органам ТС, в результате чего «в СНГ увеличились центростремительные силы в сторону России»;

- возникновение ТС представляет собой вызов «региональному сотрудничеству в ШОС во главе с Китаем», поскольку «долгосрочной целью регионального сотрудничества в ШОС является создание зоны свободной торговли».

Благоприятные стороны:

- беспошлинная перевозка китайских товаров внутри ТС, уменьшение количества барьеров для транзитных грузов в Европу;
- тарифы на полуфабрикаты и запчасти в Таможенном союзе намного ниже, чем на готовые изделия. Это открывает возможность создавать обрабатывающие и сборочные производства на территории членов ТС, а затем поставлять туда комплектующие узлы;
- у каждой из стран ТС свои налоги на прибыль — подоходные, страховые, — НДС, инвестиционные льготы. Это обстоятельство нужно использовать. В Казахстане, где налоги ниже, чем в России или Белоруссии, можно производить товары, обладающие высокой конкурентоспособностью на рынках двух последних стран;

Китай открывает участникам ШОС кредитные линии на миллиарды долларов, а это является важным фактором для расширения сотрудничества Китая со странами Таможенного союза.

Исследования российских экспертов показывают, что китайская сторона умело пользуется легальными, а равно нелегальными возможностями, чтобы облегчить себе проникновение на рынки ТС. С. Белов из Высшей школы экономики, изучив материалы таможенной статистики, показал, что на практике для этой цели широко применяются по крайней мере два способа³⁷.

Во-первых, после создания ТС Казахстан с выгодой для себя наладил в значительных размерах реэкспорт китайских товаров в Россию. В этом легко убедиться, сопоставляя объемы экспорта потребительской продукции из Китая в Казахстан и из Казахстана в Россию до и после создания единой таможенной территории — в 2008 и 2011 гг. (единый таможенный кодекс ТС был принят в июле 2010 г.). За этот период и в одном и в другом случаях произошло многократное, на сотни процентов увеличение поставок товаров ширпотреба, которое невозможно объяснить ростом казахстанской промышленности. Например, экспорт одной из групп обуви из Казахстана в Россию увеличился на 2600 %, из Китая в Казахстан — на 517 %; экспорт мониторов и других товаров той же группы из Казахстана в

Россию вырос на 765 %, из Китая в Казахстан — на 932 %. И это далеко не полные сведения, поскольку, как считается, не более половины хозяйствующих субъектов подают о себе сведения в органы таможенной статистики.

Столь массовый реэкспорт, как нетрудно предположить, основан на том, что большое количество товаров из КНР ввозится в Казахстан без должной оплаты таможенных пошлин. О том же свидетельствует и существенная разница между таможенными статистическими показателями двух стран. Из нее следует, что какие-то грузы учитываются в Китае, но не учитываются в Казахстане³⁸. Таможенные платежи в таких случаях, естественно, не поступают в бюджет ТС.

Во-вторых, для того чтобы обойти таможенные барьеры, Китай начал создавать на территории ТС совместные предприятия. Удобным местом для их размещения оказалась Белоруссия, обладающая относительно дешевой и одновременно квалифицированной рабочей силой. Один из таких совместных проектов — технопарк неподалеку от Минска, занимающий территорию в 80 км² и рассчитанный на 600 тыс. рабочих мест. Преимущественно в нем будут представлены китайские компании. Предполагается, что в технопарке будут сосредоточены отрасли машиностроения, бытовой техники, электроники, биохимии. Другое совместное предприятие — предствленная с китайской стороны известной фирмой Geely автомобильная компания «БелДжи» (2011 г.). Она реконструировала Борисовский завод «Автогидроусилитель», способный выпускать до 10 тыс. автомобилей в год, а в ближайшее время планирует строительство нового завода мощностью до 120 тыс. автомобилей в год.

Возникшее таким образом противоречие между Россией и Китаем не выходит на поверхность их официальных отношений, однако на самом деле ТС/ЕАЭС, ставший серьезным экономическим и геополитическим фактором в ЦА, серьезно беспокоит Пекин. Отзвуки противоречия находят место в публикациях китайских специалистов, по мнению которых Россия стремится с помощью ЕАЭС «сохранить лидирующие позиции» в регионе, тогда как Китай изображается в качестве бескорыстного и равноправного партнера³⁹.

Соперничество между двумя державами вылилось в характерный эпизод накануне вступления Киргизии в ТС/ЕАЭС. Ее экономика

получает большой выигрыш от перепродажи китайских товаров в соседние страны (Киргизия, как и Китай, — член ВТО), поэтому в переговорах о присоединении к ТС Бишкек пытался закрепить за тремя своими крупными оптовыми рынками статус зон свободной торговли, а также получить льготы по примерно 400 товарным позициям на срок от пяти до десяти лет. Речь шла, таким образом, о допущении «легальной контрабанды», не совместимой с правилами и, главное, с интересами стран ТС⁴⁰. Считается, что крупный бизнес Киргизии, выросший на товарных потоках из Китая, оказывает серьезное влияние на ее политику⁴¹, и именно это сильно тормозило вступление Киргизии в Таможенный союз.

В ноябре 2013 г. видный китайский эксперт, вице-президент Китайского института международных проблем Жуань Цзунцзэ счел возможным, будучи в Бишкеке, прямо предложить Киргизии вместо ТС присоединиться к Шелковому пути. При этом он не исключил, что и сама Россия со временем может сделать такой же выбор, поскольку «Таможенный союз — это всего лишь три страны, и неизвестно, кто еще решится стать его членом»⁴². Этот пример наглядно показывает, как используется в политической практике для давления на партнеров образ Шелкового пути.

Уместно напомнить, что идею открытия чужих границ, в том числе российских, для экспорта своих товаров Китай пробивает уже не первый год. В 2002 г. он, едва став членом ВТО, предъявил России в качестве одного из условий приема ее в эту организацию требование «полностью снять барьеры по доступу на рынок услуг; обеспечить свободный допуск китайской рабочей силы»⁴³ (другие условия — отменить российские экспортные пошлины и резко снизить импортные пошлины на промышленную продукцию в течение 2—3 лет). Правда, вскоре этот запрос был снят.

Аналогичное предложение было внесено Китаем в Шанхайскую организацию сотрудничества и включено в ее Хартию (2002 г.), хотя не в столь императивном виде: в числе основных направлений сотрудничества в Хартии были названы «поддержка и поощрение регионального экономического сотрудничества в различных формах, содействие созданию благоприятных условий для торговли и инвестиций в целях постепенного осуществления свободного передвижения товаров, капиталов, услуг и технологий»⁴⁴.

В ШОС, однако, для китайской инициативы не нашлось благоприятной почвы. Наоборот, результатом эволюции экономических взаимоотношений между ее членами стал Таможенный союз, отгородившийся от КНР тарифными барьерами. Некоторые российские специалисты предлагают скомпенсировать ужесточение условий импорта китайских товаров в страны ТС/ЕАЭС посредством более либерального регулирования по другим направлениям, таким как валютное и инвестиционное сотрудничество, антидемпинговые меры, установление тарифов для естественных монополий⁴⁵. С нашей точки зрения, это спорное предложение, поскольку подобные компенсации едва ли сколько-нибудь значительно смягчат трения между нами и Китаем. Но трения эти не критичны: Китай принимает ЕАЭС как данность и готов к взаимодействию с ним по формуле «конкуренция и сотрудничество», при чем не откажется от конкуренции ни при каких обстоятельствах, прекрасно понимая, что в стратегическом плане время работает на него. В целом же двусторонние отношения успешно развиваются в обход проблемы ЕАЭС, что обусловлено глубокой заинтересованностью Китая в сохранении нынешнего стратегического партнерства с Россией, несмотря на ее относительную слабость рядом с его собственной гигантской мощью.

Однако в стратегическом плане начинающаяся финансовая экспансия Китая по Шелковому пути означает для России оттеснение ее с прежних позиций, и лучшее, что Россия может сделать в ответ, — это найти способы хоть как-то минимизировать свои потери. Российский китаист А. Габуев (Московский центр Карнеги) предлагает согласиться на создание Банка развития ШОС с доминированием в нем КНР, оговорив принципы инвестирования на наиболее выгодных для себя и партнеров условиях⁴⁶. «Тем самым, — полагает он, — можно превратить Банк в успешную модель “обуздания” финансовых амбиций восходящей сверхдержавы, используя китайскую же концепцию “гармоничного мира” и заверения Пекина не копировать в международных финансовых институтах (диктаторское. — *А.Л.*) поведение США». Россия же, полагает эксперт, «займет в Банке комфортную позицию выразителя коллективных интересов всех младших партнеров, к которым старший по конфуцианским понятиям обязан прислушиваться».

Возможно, А. Габуев прав — если Китай после создания новых финансовых учреждений в связи со строительством Шелковых путей еще не потерял интереса к идее Банка ШОС. Но, на наш взгляд, далеко не факт, что положение России в качестве наибольшего из миноритариев действительно будет комфортным. Если она начнет просить кредиты для себя, это вызовет раздражение более бедных партнеров из ЦА, чей суммарный ВВП в разы меньше российского. Что же касается защиты общих интересов миноритариев, то не окажется ли она эфемерной в условиях безусловного доминирования Китая в органах управления и наличия в его руках подавляющего большинства голосов (пропорционально объему ВВП)? И не останется ли тогда на долю России малопочтенная роль статиста? Коротче говоря, маневрирование с целью найти наиболее выгодное для слабого положение — работа неблагодарная, хотя и необходимая.

У России попросту нет альтернатив участию в новом Шелковом пути с его шансами и вызовами, причем не на ведущих ролях. Однако важно, чтобы даже в нынешних условиях, когда положение страны ухудшилось в результате украинского кризиса и конфронтации с Западом, диалог ответственных лиц с китайскими партнерами не соскальзывал в русло односторонних уступок.

Литература

¹ Чжунго ван. Китай создает Шелковый путь на море и на суше. 11.10.2013. URL: http://russian.china.org.cn/exclusive/txt/2013-10/11/content_30263360.htm

² Жэньминь ван. Китай призывает к интенсификации создания нового Шелкового пути. URL: http://russian.news.cn/china/2014-11/06/c_133770960.htm

³ Хуаньцю ван. Чжун Ин Мян Мэн цзоулан, сы го синьци чжэ гао (Коридор Китай—Индия—Мьянма—Бангладеш. Энтузиазм четырех государств постепенно нарастает). URL: http://world.huanqiu.com/depth_report/2013-05/3965352.html

⁴ Ваи ду бай ке. Чжун Ба цзинци цзоулан (Экономический коридор Китай—Пакистан). URL: <http://baike.baidu.com/link?url=FouSeT-DeW4bHXL26mC9PVA5Ot42QAdLgjHYNzGtaRv-SgGI6vGtiJDBChVnljXYXJSNC7SK7oSK5-A0b-R8I>

⁵ Ян Лэй. Экономический пояс Шелкового пути и евразийское экономическое сотрудничество // Деловой Казахстан. 20.12.2014. URL: <http://dknews.kz/e-konomicheskij-poyas-shelkovy-j-put-i-evrazijskoe-e-konomicheskoe-sotrudnichestvo/>

⁶ Жэньминь ван. Голос Китая: объединенная Азия сама определяет свою судьбу. 12.04.2014.

⁷ Yan Xuetong. Silk Road Economic Belt Shows China's New Strategic Direction: Promoting Integration With Its Neighbors. 27.02.2014. URL: <http://carnegietsinghua.org/2014/02/27/silk-road-economic-belt-shows-china-s-new-strategic-direction-prsmoting-integration-with-its-neighbors>.

⁸ Жэньминь ван. Си Цзиньпин призвал к новой концепции безопасности в Азии. 28.03.2015. URL: <http://russian.people.com.cn/n/2015/0328/c31521-8870478.html>

⁹ Fu Mengzi. Tackling Challenges in the Global Economy and Building a New World Order — China's Influence and US Factors // Contemporary International Relations. 2010. March-April. Vol. 20. # 2.

¹⁰ Денисов И. Путешествие на запад. Пекин выйдет из тени по Шелковому пути // Россия в глобальной политике. № 1. 19.02.2015.

¹¹ Доклад Посла КНР в РФ Ли Хуэя в Московском государственном университете путей сообщения

Новости Посольства КНР В РФ. 2015.02.14. URL: <http://ru.china-embassy.org/rus/sghd/t1237889.htm>

¹² «Великий Шелковый путь будет помогать всем нам больше друг друга знать и лучше жить, — заявил, например, президент Казахстана Назарбаев. — Сейчас наша задача — оживить Шелковый путь. Это выгодно всем, кто здесь живет и находится. Очень важна инициатива председателя КНР Си Цзиньпина по созданию экономического сотрудничества на Шелковом пути, и я яростно поддерживаю это». См.: Капитал. Назарбаев рассказал о важном значении Шелкового пути. 21.05.2014. URL: <http://kapital.kz/gosudarstvo/30131/nazarbaev-rasskazal-o-vazhnom-znachenii-shelkovogo-puti.html>

¹³ Китайцы дадут Казахстану еще 10 миллиардов. URL: <http://www.asia-centre.com/2014/05/kitajcy-dadut-kazaxstanu-eshhe-10-milliardov/>

¹⁴ Сафранчук И. Глобализация в головах // Россия в глобальной политике. 2015. № 1. 19. 02. 2015.

¹⁵ Ян Лэй. Экономический пояс Шелкового пути и евразийское экономическое сотрудничество // Деловой Казахстан. 20.12.2014.

¹⁶ РБК. Китай потратит на «новый Шелковый путь» \$40 млрд 08.11.2014. URL: <http://www.rbc.ru/rbcfreeneews/545dfe43cbb20fec3bfb3b07>

¹⁷ Arafnews. Саудовская Аравия и Таджикистан войдут в число учредителей Азиатского банка инфраструктурных инвестиций. 15.01.2015. URL: <http://arafnews.ru/news/saudovskaja-aravija-i-tadzhikistan-vojdut-v-aziatskij-bank-infrasaudkturnyh-investitsij.html>

¹⁸ *Ли Цяою*. Большие надежды на инициативу «Экономического пояса Шелкового пути» и «Морского Шелкового пути». Жэньминь ван. 12.03.2015.

¹⁹ Например, проект создания совместных научно-технических центров в Сколково и в Сиани получил название «Китайско-российский инновационный парк Шелкового пути». Жэньминь ван. Китай и Россия совместно построят парк высоких технологий и производства. 12.01.1025. URL: <http://russian.people.com.cn/n/2015/0112/c31518-8834867.html>

²⁰ Цзин Гоююань шоу цюань сань бу вэй льянхэ фабу гуйдун гун цзянь «и дай и лу» дэ юаньцзин юй синдун. (По поручению Госсовета три ведомства совместно опубликовали документ: «Продвигать совместное строительство Пояса и Пути. Желаемая перспектива и действия»). 28.03.2015. Доступ: http://www.gov.cn/xinwen/2015-03/28/content_2839723.htm (дата обращения 29.03.2015).

²¹ *Ху Аньган, Ма Вэй, Янь Илун*. «Сычоу чжи лу цзинци дай»: чжаньлюэ нэй-хань, динвэй хэ шисянь луцзин («Экономический пояс Шелкового пути»: стратегическое содержание, место и пути осуществления // Цюйюй юй чэнши цзинци. 2014. № 5. С. 3—13.

²² NOTUMinfo. Эксперт: «ЕАЭС и китайский проект могут сосуществовать и даже дополнять друг друга». 24.06.2014. URL: <http://www.notum.info/news/politik a/ekspert-eaes-i-kitaisky-proekt-mogut-sosushhestvovat-i-dazhe-dopolnyat-dr ug-druga>

²³ Единство мнений Китая и России через призму олимпиады в Сочи. Китай. 2014. № 3. С. 17.

²⁴ В мае 2014 г. в Синьцзяне было объявлено о планах тестовой проводки грузовых поездов в Турцию через Туркменистан и Иран, а также через Казахстан и Новороссийск — см.: Жэньминь ван. В Китае открыт ряд маршрутов, соединяющих страну с государствами Азии и Европы. 29.05.2014. URL: <http://russian.people.com.cn/n/2014/0529/c31518-8734624.html> (дата обращения: 01.06.2014).

²⁵ *Yan Xuetong*. Silk Road Economic Belt Shows China's New Strategic Direction: Promoting Integration With Its Neighbors. 27.02.2014. URL: <http://carnegietsinghua.org/2014/02/27/silk-road-economic-belt-shows-china-s-new-strategic-direction-prsil ing-integration-with-its-neighbors>

²⁶ Жэньминь ван. Строительство высокоскоростных железных дорог до Москвы объясняет логику китайско-российского сотрудничества. 15.10.2014. URL: <http://russian.people.com.cn/n/2014/1014/c31519-8794333.html>

²⁷ Жэньминь ван. Из Пекина в Москву будет построена транснациональная железная дорога. 17.10.2014. URL: <http://russian.people.com.cn/n/2014/1017/c31518-8796479.html>

²⁸ *Сазонов С.Л.* Транспорт Китайской Народной Республики // ИДВ РАН. М.: Кругъ, 2012.

²⁹ Форум по налаживанию связей между предприятиями. 4—5 июня 2012 г. Хохот, Внутренняя Монголия, Китайская Народная Республика. URL: <http://>

www.carecprogram.org/uploads/events/2012/CFCFA-BNF-WGM/Day1-KAZ-Kazakhstan-Freight-Forwarders-Association-ru.pdf/

³⁰ РБК. Китай выделил \$27,7 млрд на строительство железных дорог к границе с РФ 27.09.2014. URL: [http://www.rbc.ru/rbcfreenews/54266b97cbb20f9ecc13f084#xtor=AL-\[internal_traffic\]](http://www.rbc.ru/rbcfreenews/54266b97cbb20f9ecc13f084#xtor=AL-[internal_traffic])

³¹ NOTUMinfo. Эксперт: «ЕАЭС и китайский проект могут сосуществовать и даже дополнять друг друга». 24.06.2014. URL: <http://www.notum.info/news/politika/ekspert-eaes-i-kitaisky-proekt-mogut-sosushhestvovat-i-dazhe-dopolnyat-drug-druga>

³² Жэньминь ван. Евразийский союз и Китай — совместное развитие между конкуренцией и сотрудничеством. 29.09.2014. URL: <http://russian.people.com.cn/n/2014/0929/c31519-8789711.html>

³³ Синьхуа ван. Си Цзиньпин чжуси цзай Боао Ячжоу луньтань 2013 нянь нянь хуэй шан дэ чжучжи яньцзын. Цюань вэнь. Гунтун чуанцзао Ячжоу хэ цюань шицзе дэ мэйхао вэйлай. (Установочное выступление Председателя Си Цзиньпина на ежегодном Боаоском азиатском форуме 2013 г. Полный текст. Вместе построим прекрасное будущее Азии и всего мира). 17.04.2013 URL: http://news.xinhuanet.com/politics/2013-04/07/c_115296408.htm

³⁴ ШОС. Обращение Президента Российской Федерации Владимира Путина в связи с председательством Российской Федерации в ШОС в 2014—2015 годах. 15 сентября 2014 г. Доступ: <http://sco-russia.ru/commentaries/20140915/1013188512.html> (дата обращения: 21.09.2014)

³⁵ Президент России. Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о новом этапе отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия. 20 мая 2014 г. URL: http://www.kremlin.ru/ref_notes/1642

³⁶ *Неяскин Г.* Таможенный союз: выиграли Белоруссия и Казахстан, проиграла Россия и Китай // Slon.ru. 32.07.2012. URL: http://slon.ru/economics/tamozhennyy_soyuz_vyigrali_belorussiya_i_kazakhstan_proigral_kitay-813253.xhtml

³⁷ *Белов С.С.* Китайский фактор в экономических процессах Таможенного союза ЕврАзЭС. Выпускная квалификационная работа. Высшая школа экономики. 2013. Доступ: в поисковой системе (Яндекс) по названию работы (дата обращения: 10.02.2014) .

³⁸ Смысл «неучтенки» и ее размеры см. в: Сыроежкин К.Л. Присутствие Китая в Центральной Азии: интересы, достижения, проблемы // Китай на постсоветском пространстве. Сб. докладов. / РИСИ. М.: РИСИ. 2012. С. 61—71.

³⁹ Жэньминь ван. Какие различия существуют в стратегиях Китая, США и России в Центральной Азии? 10.10.2013. URL: <http://russian.people.com.cn/95181/8420655.html>

⁴⁰ Терентьев С. «Шелковый путь»... мимо России // (без даты) Институт ЕврАзЭС. URL: http://inst.eurasec.com/aktual_tem4015/

⁴¹ NEWSLAND. В Киргизии размышляют о планах Пекина. 10.11.2013. URL: <http://newsland.com/news/detail/id/1275726>

⁴² Святослав Терентьев. «Шелковый путь».. мимо России // (без даты) Институт ЕврАзЭС. URL: http://inst.eurasec.com/aktual_tem4015/

⁴³ Ведомости. 23.05.2002.

⁴⁴ ИнфоШОС. Хартия Шанхайской организации сотрудничества (07.06.2002). URL: <http://www.infoshos.ru/?id=33>

⁴⁵ Мозиас П.М. Экономическое взаимодействие России и Китая: от двустороннего формата к региональному // МЭиМО. 2011. № 11. С. 43—48.

⁴⁶ Габуев А. Приручить дракона. Как использовать финансовые амбиции Китая в ШОС // Россия в глобальной политике. 2015. № 1.

В.И. Балакин*

ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В ШАНХАЙСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СОТРУДНИЧЕСТВА: СОСТОЯНИЕ, ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

По оценкам международных экспертов, на прошедшем саммите в 2015 г. в Уфе произошел доверительный российско-китайский диалог, который окончательно сформировал ШОС в качестве многофункционального геополитического механизма. Новая роль организации не только во многом определит в обозримой перспективе судьбу Евразии, но и в экономическом плане подведет черту под несостоявшимся стратегическим взаимодействием России и Евросоюза на постсоветском пространстве. В ШОС сегодня последовательно нарастают проблемы стимулирования процессов региональной экономической интеграции и создания единых торгового, инвестиционного и логистического кластеров, болезненным оказался вопрос формирования устойчивой финансовой инфраструктуры. Однако Китай недостаточно быстро сориентировался в сложившейся ситуации и буквально в последний момент перехватил у своих западных конкурентов инициативу в формировании зоны своего исключительного экономического влияния в Центральной Азии.

Ключевые слова: Россия, Китай, ШОС, региональная интеграция, Центральная Азия.

---

* Балакин Вячеслав Иванович, кандидат юридических наук, доцент, ведущий научный сотрудник ИДВ РАН.

Сегодня практически все эксперты едины в том, что центр тяжести мирового экономического развития последовательно смещается с Запада на Восток. В связи с этим следует признать растущее геополитическое значение Центральной Азии (ЦА), геоэкономическое влияние которой как сердцевины (hartland) евразийского континентального пространства постепенно выходит на глобальный уровень. В обоих случаях присутствует объективный и очень мощный фактор, уверенно интегрирующий хозяйственное развитие двух частей Азии в единое целое, и этим фактором является Китай. В 2001 г. руководство КНР посчитало своевременным объединить названный процесс общей логикой в рамках своей азиатской политики, главной целью которой было и остается создание и сохранение собственной зоны исключительного влияния на весьма отдаленную перспективу. Реализуя национальный цивилизационный проект в Азии, Китай пытается легитимизировать через ШОС свое право на лидерство в Центрально-Азиатском регионе (ЦАР) и при этом всячески подчеркивает, что ШОС представляет собой эффективный международный механизм многостороннего сотрудничества «несоюзного характера»¹.

КНР осмысленно запустила интеграционные процессы на азиатском континенте, явно преследуя важнейшие цели своей национальной безопасности, поскольку рассматривает ЦА в качестве «глубокого тыла», стабильность которого необходимо обеспечить с учетом переориентации военной стратегии США на Тихоокеанский бассейн. Прогнозируя дальнейшее развитие событий, Пекин в настоящее время крайне обеспокоен все более заметной экономической активизацией Запада в регионе, особенно на фоне неопределенного будущего Афганистана. Китай все более ощущает ресурсный дефицит и нарастание проблем, связанных со сбытом своей готовой продукции на мировых рынках, что стимулирует его уделять первоочередное внимание соседним государствам ЦА. Это не тактический, а стратегический выбор руководства КНР, в значительной мере определяющий геополитический курс китайского государства на евразийском пространстве². В свое время Пекин не мог позволить себе остаться безучастным к судьбе «хартлэнда» в условиях, когда Россия ослабла, а Запад перешел в активное наступление на просторы ЦА.

Китайское руководство достаточно быстро сориентировалось в складывающейся ситуации и буквально «на марше» перехватило

инициативу у своих западных конкурентов. Во многом геополитические интересы КНР и государств Центральной Азии тогда совпали: Пекин весьма расчетливо воспользовался этим, финансово поддерживая капитализацию центральноазиатских территорий, т. е. стал приобретать по приемлемым для себя ценам источники минерального и энергетического сырья, выделяемые отводы земель для прокладки крупных трубопроводов, железных и автомобильных дорог, права на строительство масштабных инфраструктурных объектов. Уже в те годы Китай не скрывал, что ЦАР является для него важнейшим транзитным ресурсом, ориентированным на сухопутный выход в Закавказье и дальше в Европу, на Ближний Восток к Средиземному морю, через Иран к Персидскому заливу и через Пакистан к Индийскому океану³. По сути дела, китайское правительство приступило к практической реализации крупнейшего проекта XXI в. по возрождению Великого шелкового пути. Международные эксперты предвидят, что в долгосрочной перспективе Китай нацелился на создание эффективных евразийских транспортных коридоров, которые станут более скоростными и дешевыми по сравнению с северными российскими маршрутами, работающими сегодня на самом пределе пропускных возможностей.

КНР рассчитывает добиться решающего политического преимущества в Центральной Азии, и прежде всего за счет использования ключевой роли в регионе, которую играет ШОС. Seriously осложняет эту роль ситуация с Афганистаном, откуда исходит реальная террористическая угроза китайскому Синьцзян-Уйгурскому автономному району (СУАР). Имеющие там место террористические проявления крайне осложняют Пекину выполнение амбициозной программы по созданию «приграничного пояса открытости», что означало бы поощрение де-факто местной субрегиональной интеграции⁴. Дело в том, что в СУАР функционируют более 30 погранпереходов, а это гораздо больше, чем на всей российско-китайской границе. Последнее привело к тому, что торговый оборот Китая с государствами ЦА за последние 20 с лишним лет увеличился более чем в 100 раз, что привело к возведению прочного экономического фундамента взаимозависимости между Пекином и центральноазиатскими странами.

Чтобы обеспечить себе преимущество, Китай намерен действовать целеустремленно и напористо по всему центрально-азиатскому

фронту, включая ШОС, исходя при этом из собственных стратегических приоритетов. Активность КНР в регионе, несомненно, будет способствовать усилению экономической составляющей в функционировании Шанхайской организации сотрудничества, а также наращиванию усилий по реализации масштабных программ устойчивого роста и развития данной политической организации. Государства ЦА видят в деятельности Китая хорошую возможность интенсифицировать расширение промышленного и сельскохозяйственного производства, что, скорее всего, позволит повысить занятость местного избыточного трудоспособного населения. Фактически КНР приступила к решению весьма важной задачи, а именно: запустить процесс своеобразного «стягивания» региона в интегрированную территорию, которая до сих пор раздирается объективными центробежными тенденциями. В Центральной Азии Китай достаточно часто сегодня прибегает к адресной безвозмездной помощи под флагом взаимодействия по линии ШОС, но это отнюдь не альтруизм, поскольку подобные акции всегда обставляются как «ответственное лидерство» КНР в Шанхайской организации сотрудничества⁵.

В реальности через ШОС Китай легитимирует свое лидерство в делах, касающихся ЦА, но главное — придает институциональный характер региональным экономическим проектам. Заметную нестабильность развитию хозяйственных связей в рамках ШОС создают сложные политические процессы в Афганистане. Ухудшающаяся внутриафганская ситуация вызывает у руководства КНР сильную обеспокоенность, поскольку ШОС объективно не может устраниться от этой проблемы. В настоящее время Китай стоит перед дилеммой: должна ли ШОС брать на себя роль основного внешнего координатора афганского урегулирования или Афганистан следует оставить в орбите западного (прежде всего американского) влияния⁶. Для КНР предстоит непростой выбор, а именно: что делать, когда начнется реальный вывод американских и коалиционных сил с афганской территории, а также когда начнется дестабилизация всего ЦАР в результате наката мощной волны воинствующего ислама, которая уже достигает границ СУАР.

Несмотря на названные угрозы, КНР играет достаточно сдержанную роль в ЦА с точки зрения региональной безопасности и предпочитает оказывать прямое воздействие не на политическую

ситуацию, а на интересующие Китай отрасли экономик Казахстана, Киргизии, Узбекистана, Таджикистана и Туркменистана. Многие международные эксперты уверены, что китайское руководство пытается точно спрогнозировать, каким образом использовать растущую экономическую мощь страны для наиболее эффективного воздействия на геополитические процессы, развивающиеся, прежде всего, в рамках ШОС и на центрально-азиатском пространстве в целом. Отвлеченные собственными геополитическими играми в различных районах мира, Россия и США предоставляют Пекину уникальную возможность сконцентрироваться на углублении экономических связей со среднеазиатскими государствами ШОС, а также беспрепятственно направлять масштабные инвестиции в инфраструктуру региона. Сегодня перед Китаем возник ряд серьезных проблем, которые он может решить по линии ШОС только в тесном взаимодействии с Россией⁷. Одной из таких проблем продолжает оставаться усиливающаяся непредсказуемость и непоследовательность позиции Узбекистана в связи с выводом войск западной коалиции из Афганистана и возможный будущий американо-узбекский альянс, подкрепленный оставлением Ташкенту афганского оружия и предоставлением финансовой помощи, что имеет своей основной целью внесение диссонанса в среду государств — членов ШОС.

Китай серьезно воспринимает вышеотмеченную угрозу и стремится укрепить организацию, делая ставку на развитие экономической составляющей в рамках ШОС. Пока, правда, многие международные эксперты задаются вопросом, как будет сочетаться экономическая деятельность уже сформированного Евразийского экономического союза с китайскими долгосрочными планами хозяйственной активности на постсоветском пространстве.

В связи с этим Китаю и России становится все труднее договариваться относительно делового участия в программах ШОС таких стремящихся в нее государств, как Индия, Пакистан, Монголия, Иран, Турция и Шри-Ланка, поскольку последним уже недостаточно общих деклараций о намерениях, и они все настойчивее начинают добиваться внятного понимания того, какие страны могут рассчитывать лишь на участие в конкретных проектах, а какие, как государства-члены, способны разрабатывать совместные интеграционные схемы.

Кроме того, пока остается в силе и принятая программа ШОС о поэтапном создании к 2020 г. условий для свободного движения капиталов, товаров и услуг. Отсюда очень сомнительно, что китайское руководство не воспользуется возможностью побудить Евразийский экономический союз в полном составе «встать под знамена» Шанхайской организации сотрудничества с макроцелью — сформировать интеграционное объединение более высокого уровня и, таким образом, окончательно закрепить лидерство КНР на всем евразийском пространстве⁸.

Китай определенно настроен на то, чтобы добиться реального доминирования в Центральной Азии, оставляя России роль «ведомого» партнера, обеспечивающего надежный тыл, прежде всего в ШОС.

В обозримой перспективе российская дипломатия вряд ли сможет что-либо противопоставить Пекину в реализации им своих стратегических планов и, похоже, будет целесообразнее предоставить КНР пальму первенства с учетом сохраняющегося американского военного присутствия в регионе. На нынешнем этапе экономически выгоднее подыграть Китаю в его геополитических амбициях, тем более что в ближайшей перспективе все может измениться в формате ШОС, когда полноправными членами данной организации, скорее всего, станут Индия, Пакистан и Иран, а также не исключено, что и Турция. В таком случае региональное политическое доминирование Китая позволит России «стать над схваткой» и влиять «из-за занавески» во вполне предсказуемой острой конкурентной борьбе между КНР и новыми региональными игроками⁹.

Международные эксперты видят в осуществляемой стратегии Пекина на просторах Азии признаки серьезных претензий уже на глобальное лидерство во главе группы достаточно крупных государств, которые, видимо, созрели для того, чтобы противопоставить себя сжимающейся мировой гегемонии США, и, судя по всему, России не следует мешать становлению данного объективного процесса.

Проецирование экономической мощи государств вовне всегда имеет место тогда, когда они формируют свои перспективные национальные интересы. На нынешнем этапе ШОС для России и Китая является той организацией, в рамках которой «три великих зла» — терроризм, сепаратизм и экстремизм — уже не могут служить

реальной основой региональной интеграции для совместного движения вперед. Похоже, внутри Шанхайской организации сотрудничества наступает некая «усталость» от постоянной нацеленности на перманентную изнуряющую борьбу с внешними проявлениями затянувшегося внутриафганского конфликта¹⁰. Давно провозглашенный вывод войск коалиции из Афганистана явно притормозился в связи с нарастающим общим российско-американским противостоянием. Государства — участники ШОС уже не в состоянии откладывать разработку конкретных экономических программ в бессмысленном ожидании американского ухода из Центральной Азии, тем более когда названный «уход» вызывает все больше сомнений.

Прошедшие саммиты ШОС и БРИКС в Уфе заметно стимулировали внешнеполитическую деятельность практически всех заинтересованных государств: как тех, что имеют права постоянных членов, так и тех, которые сотрудничают на правах наблюдателей или партнеров по диалогу. Приобретя авторитет в качестве международного института, призванного решать насущные вопросы войны и мира в Центральной Азии, Шанхайская организация сотрудничества последовательно входит в период своего развития, когда в повестку дня включаются проблемы становления региональной экономики и реализации крупных инвестиционных проектов. Все международные эксперты, следящие за развитием ШОС, единодушно утверждают, что организации сегодня крайне необходима детальная актуализация конкретных программ экономического сотрудничества.

В условиях западных санкций Россия, несомненно, заинтересована в наращивании взаимодействия по таким направлениям, как обеспечение продовольственной, финансовой, энергетической и транспортной безопасности¹¹. Последняя сфера сотрудничества может дать значительный кумулятивный эффект, если Россия и Китай договорятся о сопряжении планов использования транзитного потенциала Транссиба и БАМа с программой по комплексному развитию нового Шелкового пути.

Китайское руководство на саммите в Уфе сделало основной акцент на достижении договоренностей, касающихся стимулирования процессов региональной экономической интеграции и создания единого торгового, инвестиционного и логистического пространства. По китайским оценкам, давно назрел вопрос относительно формирова-

ния устойчивой финансовой инфраструктуры ШОС, которая позволит существенно нарастить потенциал энергетической и продовольственной безопасности в регионе. Несомненно, ключевую роль в этом вопросе сыграет учреждение «Фонда развития» и «Банка ШОС», повышающее эффективность деятельности организации, особенно с точки зрения создания механизма экспертного сопровождения проектной деятельности. Инвестиционные проекты формируют базу для многостороннего экономического сотрудничества стран — членов ШОС, опирающуюся на взаимодействие в таких отраслях, как энергетика, транспорт, сельское хозяйство, легкая и текстильная промышленность. В Уфе серьезно переосмыслены пути развития организации, дан новый толчок становлению более эффективной модели межгосударственной интеграции в сфере экономики¹².

Медленно, но уверенно набирает силу идея создания зоны свободной торговли в формате ШОС, что крайне интересует Китай с учетом его стремления обеспечить надежные гарантии своим растущим прямым инвестициям в регионе. Пекин старается участвовать практически во всех мало-мальски привлекательных проектах на территории центральноазиатских государств, нисходя порою до уровня местных администраций и рассматривая это как важнейший фактор поддержания своего влияния на весьма отдаленную перспективу. Прямые инвестиции в инфраструктуру государств Центральной Азии позволяют Китаю рассчитывать на укрепление здесь не только экономического, но и политического присутствия, что особенно необходимо на фоне общего непрогнозируемого внешнеполитического курса США и нарастания глобального американо-российского противостояния. В складывающихся условиях КНР нужна полностью контролируемая Шанхайская организация сотрудничества, в которой Россия продолжала бы оставаться «надежным тылом» китайской внешней политики, а США вынуждены бы были полностью и окончательно покинуть Афганистан¹³.

Судя по всему, в ходе прошедшего саммита в Уфе доверительный российско-китайский двусторонний диалог завершил окончательное формирование ШОС в качестве многофункционального геополитического механизма, который будет во многом определять судьбу Евразии на пространстве, где не состоялось зарождавшееся было стратегическое взаимодействие Москвы и Брюсселя.

Литература

¹ *Jia Qingguo*. China's Experiment in Multilateral Leadership // Berkeley University of California Press. 2013. P.121 (212 p.).

² *Кокубун, Рёсэй*. Тюгоку но агару кото (Возвышение Китая) // Нихон но Адзиа кэнкю сэнта. Токио. 2014. С.27 (72 с.).

³ *Wang Honggang*. Zhongya tongguo (Центрально-азиатский транзит) // Wuhan daxue chubanshe. 2013. P.69 (86 p.).

⁴ *Chung, Chien-peng*. Shanghai hezuo zuzhi: zai Zhongya Zhongguo de bianhua yingxiang (Изменяющееся влияние Китая в Центральной Азии) // Zhongguo Pinglun. Beijing. 2014. P.23 (p.17—27).

⁵ *Kerr, David*. The Transnational Security of Central Asia // Critical Asian Studies. Singapore. 2014. P.59 (p. 51—65).

⁶ *Ali G. Dizboni*. Counter-Hegemony as Common Purpose // Royal Military College. Canada. 2014. P.4 (16 p.).

⁷ *Fry, Earl H*. The Decline of the American Superpower // The Forum. London. 2014. P.5 (p.1—22).

⁸ *Godwin, Paul*. China as Regional Hegemon ? // Transition. University of Hawaii Press. Honolulu. 2014. P.89 (112 p.).

⁹ *Zhang, Tie Jun*. China: Towards Regional Actor and World Player // Global Polotics of Regionalism. London. 2014. P.37 (48 p.).

¹⁰ *Boland, Julie*. A Lost Decade ? A Partner for the U.S. ? // Brookings Institute Press. 2013. P.17 (62 p.).

¹¹ *Rummer, Eugene*. China, Russia and the Balance of Power in Central Asia // National Defence University Research Centre. Uppsala. 2014. P.15 (37 p.).

¹² *Такагу, Косэй*. Юрасиа но тисэйгаку (Евразийская геополитика) // Васэда дайгаку сюппан. Токио.2014. С. 24 (86 с.).

¹³ *Tazhin, Marat*. The Geopolitical Role of the Main Global Players in Central Asia // American Foreign Policy Interests. Washington DC. 2014. P. 65 (p. 63—69).

В.А. Матвеев*

КОНЦЕПЦИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОЯСА ШЕЛКОВОГО ПУТИ И ВОЗМОЖНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ЕЕ РЕАЛИЗАЦИИ ДЛЯ ДАЛЬНЕЙШЕГО РАЗВИТИЯ ШАНХАЙСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СОТРУДНИЧЕСТВА

В статье анализируются внешние экономические угрозы для дальнейшего развития КНР и развитие контактов с соседними государствами. Китай предложил новую модель сотрудничества со странами Евразии в виде концепции «Экономического пояса Шелкового пути». Он подчеркивает, что Россия и Китай имеют переплетенные стратегии в Центральном-Азиатском регионе: Евразийский экономический Союз (ЕАЭС) и Экономический пояс Шелкового пути, которые сосредоточены на почти одной и той же территории. В связи с этим в статье предлагаются рекомендации по практическому сотрудничеству РФ и КНР в рамках ШОС.

Ключевые слова: угрозы, Экономический пояс Великого шелкового пути, многостороннее сотрудничество, ШОС, ЕвразЭС.

Следует отметить, что помимо внешних проблем, касающихся деятельности Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) на международном рынке, организация не свободна от глубоких внутренних противоречий. Особенно они отчетливо выявились на сам-

---

* Матвеев Владимир Александрович, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник ИДВ РАН.

мите ШОС, состоявшемся летом 2012 г. в Пекине. Тогда Россия выступила против инициативы Китая создать в рамках организации Банк развития.

В свою очередь, Пекин отрицательно относится к идее резкого расширения ШОС за счет таких государств, как Индия, Пакистан и Турция, полагая, что столь широкий альянс сделает невозможным решение и без того трудновыполнимой задачи — превратить эту организацию в реально действующую международную силу, выступающую с единых позиций. Отсутствие последних и является на сегодняшний день основной слабостью ШОС.

Из-за этого продолжают медленно решаться насущные проблемы развития экономического взаимодействия стран — членов ШОС. Это касается таких проблем, как: окончательное согласование проекта соглашения между правительствами государств — членов ШОС о создании благоприятных условий для международных автомобильных перевозок, реализация двусторонних инвестиционных проектов, а также создание институтов развития (Спецсчета, Банка развития).

На этом нестабильном фоне «возмутителем спокойствия» опять стал Китай. Это связано с тем, что в последнее время именно его дальнейшему поступательному развитию стали препятствовать несколько серьезных внешнеэкономических угроз.

Среди этих угроз следует назвать следующие:

1. Повышение градуса напряженности в китайско-американских отношениях. Этому способствуют действия США в АТР при формировании Тихоокеанского пояса партнерства с зоной свободной торговли без Китая, а также угрозы морским коммуникациям Китая.

2. Начало перевода энергоемких промышленных предприятий из Китая назад в США в результате американской сланцевой революции.

3. Активные действия России по углублению евразийской интеграции, что привело к выстраиванию повышенных таможенных барьеров на китайско-казахстанской границе.

4. Угрозы в сфере энергетической безопасности Китая из-за повышения волатильности цен на энергоносители на мировом энергетическом рынке.

Эти угрозы связаны, прежде всего, со сложностями обеспечения поставок в КНР достаточных объемов энергетических ресурсов и с попытками ограничения внешнеторговой экспансии Китая. Кроме того, ряд этих мировых угроз трансформировался и в виде появления тревожных симптомов на внутреннем рынке Китая.

Одной из важнейших проблем является *дефицит высококачественных энергоресурсов* в народном хозяйстве страны, что непосредственно затрагивает стабильность его энергообеспечения. Энергетические запросы народного хозяйства продолжают расти, а проблема дефицита энергоресурсов будет и дальше обостряться. По недавним оценкам экспертов консалтинговой компании «Вуд Макензи» (Wood Mackenzie), за период 2012—2020 гг. импорт нефти Китаем возрастет с 282 до 480 млн т в год (или в 1,7 раза¹), в связи с чем к концу периода Китай будет практически на 2/3 зависеть от ее импортных поставок. Это чрезвычайно высокий показатель зависимости страны.

В последнее время в китайской экономике резко возросла роль газа. Это связано с необходимостью демпфирования чрезвычайно высокого уровня загрязненности окружающей среды из-за преимущественного использования низкокачественного энергетического угля в энергетике и отоплении. Согласно последним данным BP Statistical Review за 2013 г. доля газа в энергобалансе КНР за период 2000—2012 гг. резко увеличилась с 2,4 до 5 % при снижении долей нефти и угля². Предполагалось дальнейший рост доли газа в энергобалансе страны до 8,3 % в 2015 г.³ Тем не менее в этом году проявилась явная нехватка возможностей собственной добычи природного газа, в связи с чем рост потребностей в газе был закрыт импортом из всевозможных источников природного и сжиженного газа. И, несмотря на значительные усилия в сфере разведки и добычи природного газа, в среднесрочной перспективе более трети потребностей в газе будет обеспечиваться импортом.

Другой серьезной проблемой является *транспортная доступность основных мировых торговых рынков*, на которые во многом задействовано промышленное производство Китая.

В настоящее время реализуется стратегическая задача превращения Китая в глобальную торговую державу. В целях решения этой главной стратегической задачи для Пекина необходимо расширение экономического обмена с Европой, прежде всего — значительное

увеличение экспорта китайских товаров. Эта задача не противоречит стратегическому курсу КНР — переориентации на внутренний рынок в связи с провозглашенной сменой модели экономического развития. Наоборот, она рассматривается как средство, позволяющее увеличить производство и традиционных товаров (ширпотреба), и современной продукции (информационных высоких технологий) и, таким образом, поднять платежеспособный спрос населения. Усиление ориентации на Европу приобретает для Китая особое значение в условиях обострения геополитического и экономического соперничества с США, у которых появляется стимул к сокращению импорта из КНР и вывода своих производств с ее территории, а также к созданию угроз ее морским путям.

При этом сухопутная транспортная сеть, соединяющая Китай с западной частью евразийского континента, уже сейчас не удовлетворяет растущие запросы страны и, очевидно, еще меньше будет удовлетворять их в будущем, поэтому первоочередной задачей КНР является ее наращивание и модернизация.

Таким образом, главным средством реализации данной стратегической задачи является создание условий для безопасного и беспрепятственного транзита товаров на рынки Европы, России, Центральной Азии (ЦА) и государств Ближнего и Среднего Востока.

В этих целях необходимо активное развитие транзитной транспортной и логистической инфраструктуры на путях товарных потоков, формирование устраивающего Китай таможенного и валютного режимов, а также нужен сопутствующий этому рост объемов торговли с государствами-соседями. Все это укладывается в общую идеологию развития региональной экономической кооперации как лейтмотив политики Китая в отношении своих соседей по всем азимутам. В частности, в 2013 г. подтверждены намерения создания нескольких экономических коридоров развития: китайско-пакистанского, Китай—Бангладеш—Индия—Мьянма, морской Шелковый путь. Более того, Китай подписал 11 соглашений о зонах свободной торговли с 19 странами и регионами. Переговоры еще по семи таким зонам ведутся с 23 странами⁴.

Таким образом, проект «Экономического пояса Шелкового пути» (ЭПШП) не уникален, это часть общей политики Китая на пространстве Азии. В этом проекте особый акцент делается на кон-

такты с сопредельными государствами, прежде всего в Центрально-Азиатском регионе (ЦАР), что непосредственно затрагивает и интересы России.

Данный проект в виде концепции формирования Экономического пояса Шелкового пути был предложен Си Цзиньпином в прочитанной им 7 сентября 2013 г. лекции в Назарбаев Университете во время его турне по четырем государствам ЦА. В нем особый упор был сделан на новую модель сотрудничества Китая с сопредельными государствами ЦА.

При этом сделан акцент на следующих важнейших направлениях:

- постоянный обмен мнениями по различным вопросам стратегии экономического развития для выработки мер и программ по экономической интеграции;
- строительство единой транспортной инфраструктуры от Тихого океана до Балтийского моря;
- расширение торговых связей с ликвидацией различных мешающих им бюрократических и юридических барьеров, повышением скорости доставки товаров и созданием соответствующей системы логистики;
- усиление валютных потоков;
- дальнейшее усиление связей между народами.

Китайские эксперты добавляют к этому перечню необходимость сотрудничества в энергетической сфере, строительство нефте- и газопроводов, прокладку авиационных трасс, развитие телекоммуникаций.

Объявляя об открытии «экономического пояса», президент Си Цзиньпин заверил, что КНР не стремится к господству в регионе или к созданию там зоны своего влияния. Он сообщил, что Китай готов вместе с Россией и странами Центрально-Азиатского региона развивать этот регион. Однако эту китайскую инициативу можно рассматривать и как вызов России.

В целом, оценивая весь этот круг стратегических задач проекта, можно сказать, что продвижение в указанных направлениях будет означать укрепление экономических и геополитических позиций КНР в ЦА, и реализация данных направлений сотрудничества Китая со странами ЦА вполне возможна без участия России и (если она не

приложит усилия) будет вести к сокращению сферы влияния последней.

При всей расплывчатости новой концепции она содержит более или менее ясную картину планируемой деятельности Пекина на внешнеэкономической арене и позволяет в общих чертах оценить ее геополитические последствия и угрозы интересам России.

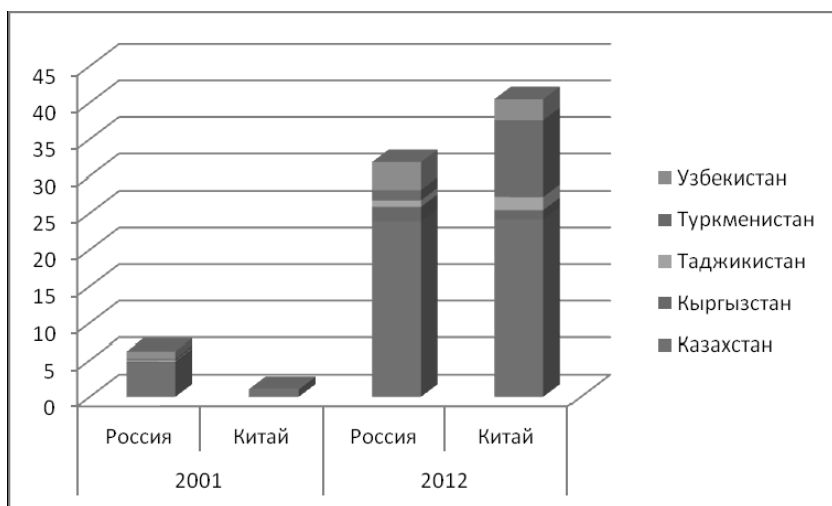
Безусловно, постсоветские республики ЦА уже служат для Китая важным источником энергетического сырья и рынком сбыта промышленной продукции. Внешнеторговые связи Китая со странами региона продолжают бурно развиваться: если в 2006 г. товарооборот составил 11 млрд долл., то в 2013 г. — 40,3 млрд (или на 13 % больше, чем в 2012 г.). В 2014 г. товарооборот составил уже 43,8 млрд долл.⁵ Объем китайских инвестиций в ЦА за период 2001—2011 гг. увеличился более чем в 20 раз (более 20 млрд долл.), что сделало Пекин главным инвестором стран ЦА⁶.

Также значительные средства Китай вкладывает в регион и через международные финансовые институты и организации: Азиатский банк развития (АБР) и Шанхайскую организацию сотрудничества. Так, весьма своевременно в условиях глубокого мирового финансового кризиса Китай по линии ШОС в 2009 г. выделил странам ЦАР — членам ШОС льготный кредит на 10 млрд долл. для поддержки финансовой стабильности, а в июне 2011 г. увеличил кредитную линию до 12 млрд долл. Эксимбанк Китая, через который проводятся основные финансовые вливания в Центральную Азию, уже реализовал свыше 50 социально-экономических проектов в странах региона⁷. Значительные инвестиции Китай направляет и в инфраструктурные проекты.

По странам ЦА инвестиционные вложения выглядят следующим образом: общая сумма китайских инвестиций в Казахстане на конец 2012 г. — 14 млрд долл., из них 12 млрд сосредоточены в энергетической сфере. В 2013 г. сумма контрактов, подписанных в Казахстане в ходе визита нового главы Китая Си Цзиньпина, составила в общей сложности 30 млрд долл. Совокупные инвестиции Поднебесной в узбекскую экономику в 2012 г. превысили 4 млрд долл. Основная часть китайских вложений направлена в топливно-энергетический сектор, а также в разработку природных ресурсов республики. В сентябре 2013 г. сумма контрактов, подписанных в Узбекистане, составила

15 млрд долл. Системный характер приобретает оказываемая таджикским властям антикризисная помощь КНР. В сентябре 2013 г. Китай согласился предоставить Киргизии кредиты объемом около 3 млрд долл. на энергетические и инфраструктурные проекты, 1,4 млрд из которых пойдут на строительство трубопровода в КНР⁸.

Кроме того, следует отметить как важную тенденцию то, что за прошедшие годы Китай обошел и Россию (диаграмма), причем не только в части приобретения товаров и сырья, ранее традиционно вывозившихся в Россию, но и в части конкуренции за рынки сбыта с российскими предприятиями.

Диаграмма. Тенденции товарооборота стран Центральной Азии с Россией и Китаем (2001—2012 гг., в млрд долл.)⁹. Экспорт товаров плюс импорт товаров, в долларах США

По сравнению с Россией значительно выросла внешняя торговля Китая с Туркменией за счет резкого роста импорта природного газа, а также с Таджикистаном за счет импорта некатаного алюминия, цветных и редких металлов и хлопка.

В целом государственные власти стран региона позитивно относятся к китайской концепции, коль скоро она сопровождается но-

выми масштабными инвестициями в их экономику, что и имело место в действительности: в ходе сентябрьской поездки Си Цзиньпина в ЦА были подписаны соглашения общей стоимостью свыше 60 млрд долл. Для постсоветских государств региона китайские инвестиции — значимая возможность развития, пусть даже по односторонней, а в конечном счете и тупиковой, модели за счет углубления зависимости от Китая. Тем более что сформировавшиеся там региональные элиты в большинстве своем не заинтересованы в смене экономических моделей развития.

Важно подчеркнуть, что этот проект направлен не только вовне, но и внутрь Китая, а именно на ускоренное развитие западных провинций Китая, прежде всего Синьцзяна. В стратегических планах Китая Центрально-Азиатский регион служит опорной базой для продолжения ускоренными темпами экономического развития Синьцзяна. Постепенно складывается экспортная ориентация последнего в направлении соседних стран ЦА, и Пекин надеется, что Синьцзян в перспективе станет играть важную роль в происходящих в ЦА геэкономических переменах.

После того как Китай впервые предложил построить Экономический коридор Шелкового пути, ШОС 29 ноября 2013 г. провела очередную встречу премьер-министров стран-членов организации. Премьер КНР Ли Кэцян принял участие в этой встрече, предложив инициативу из шести пунктов по углублению практического сотрудничества ШОС¹⁰:

- 1) углубление сотрудничества в сфере безопасности;
- 2) ускорение связи благодаря путям сообщения;
- 3) содействие торговле и инвестициям;
- 4) укрепление финансового сотрудничества;
- 5) продвижение сотрудничества в сфере окружающей среды и энергоносителей;
- 6) расширение обмена в гуманитарной сфере.

Ли Кэцян также присутствовал на встрече руководителей КНР и стран Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ)¹¹. Страны ЦВЕ приветствовали визит китайского премьера, в ходе которого был разработан план развития, предполагающий, что за пять лет товарооборот между Китаем и ЦВЕ увеличится в 2 раза; также Китай и страны ЦВЕ проведут совместное строительство железной дороги.

При этом была достигнута договоренность особое внимание уделять опережающему развитию транспортной инфраструктуры, в частности путем реализации проектов по строительству и вводу в эксплуатацию объектов железнодорожного транспорта. Транспортные ведомства государств — членов ШОС продолжают работу по формированию максимально благоприятных условий для роста объемов транзитных перевозок, будут вести скоординированную политику по оптимизации тарифов при перевозке грузов железнодорожным транспортом и комплексных ставок при обработке грузов в портах и пограничных переходах.

ШОС также активно способствует развитию сотрудничества государств, расположенных вдоль данного коридора. С принятием Хартии и ряда других сопутствующих документов ШОС превращается в интеграционную группировку мирового масштаба. Следует заметить, что создание такой крупной интеграционной группировки можно считать знаковым этапом в процессе интернационализации хозяйственной жизни стран ЦА, России и Китая, которая ведет в перспективе к созданию нового качества — целостности обособленного хозяйственного комплекса нескольких государств. Конструктивное регулирование интеграционных процессов позволит обеспечить глубокие структурные изменения в экономике стран-участниц, а также взаимопроникновение и переплетение национальных экономических связей. Но до этого еще довольно далеко. Сейчас же для полноценного функционирования группировки необходимо преодолеть в числе других и такое препятствие, как одностороннее развитие инфраструктуры, созданной большей частью во времена СССР. Исходя из вышесказанного, ведущими приоритетами экономического сотрудничества стран — членов ШОС являются развитие транспортной инфраструктуры и эффективная разработка и использование собственных энергоресурсов.

Важно выявить государственные интересы участвующих в формировании транспортного коридора стран и их риски. Эти интересы могут быть реализованы при совместном партнерстве в рамках ШОС. И успешность формирования транспортного коридора для экономик России и других стран ШОС будет определяться не столько объемами перевозок по коридору, сколько степенью интеграции этих стран и их регионов в экономическое пространство евроазиат-

ского рынка. Такая постановка требует рассмотрения целого комплекса вопросов, связанных с формированием экономического пространства вокруг международного транспортного коридора и общей стратегией его развития. И прежде всего надо найти ответ на вопрос: каковы перспективы возможной переориентации грузопотоков на данный внутриконтинентальный транспортный коридор.

Строительство трансконтинентальных магистралей, ведущееся сейчас, сулит значительную выгоду всем странам ШОС. Важно в рамках ШОС найти нужные подходы и рычаги к формированию единой транспортной политики в направлении унификации тарифов, участия в капитале транспортных компаний.

Собственно говоря, такое многостороннее сотрудничество уже началось. Одним из его успешных примеров в рамках ШОС может считаться подписанное в ноябре 2013 г. Соглашение между правительствами государств — членов ШОС о создании благоприятных условий для международных автомобильных перевозок¹².

Причем потенциальная роль этого соглашения весьма высоко оценивалась экспертами стран ШОС. Это связано с тем, что четыре участника организации не имеют выхода к открытому морю. Исходя из этого, наземный транспорт является важнейшим видом транспорта для развития торговли и экономического сотрудничества среди стран-участниц ШОС. В настоящее время автомобильный транспорт является для них основным видом транспорта. Соглашение о создании благоприятных условий может явиться важнейшим инструментом для совместного развития торговли и экономического сотрудничества стран — участниц организации.

В связи с этим для развития международного автомобильного сообщения в рамках ШОС необходимо было устранить существующие физические и нефизические барьеры, включая упрощение и гармонизацию документации, процедур, касающихся международных автомобильных перевозок.

Данное соглашение действительно является многосторонним, а не двусторонним, чем грешат многие проекты ШОС. Вступление его в действие дает возможность странам — участницам ШОС устранить существующие нефизические барьеры, препятствующие развитию международных автомобильных перевозок. Все это позволяет перевозчикам, за счет расширения географического охвата доставки пас-

сажиров и грузов, снизить транспортные расходы и пр. В конечном счете это позволит сделать международные автомобильные перевозки, осуществляемые среди стран — участниц ШОС, сравнимыми с перевозками в Европе и продвинуться в направлении интеграции евроазиатских автомобильных перевозок.

В то же время успешная реализация Соглашения о создании благоприятных условий может стать основанием для постепенного присоединения к нему сопредельных государств, что обеспечит его более широкий региональный охват.

Место России в новой стратегии Китая

Важно отметить, что Россия не может и не должна устраниваться от этого вызова Китая, а тем более тормозить китайскую инициативу. Вместо соперничества в регионе следует найти платформу для практического сотрудничества и взаимодействия, и, скорее всего, в рамках ШОС.

В настоящее время Россия и Китай имеют взаимопересекающиеся в ЦАР стратегии: Евразийского экономического союза (ЕАЭС) и Экономического пояса Шелкового пути, ориентирующиеся практически на одни и те же страны.

Институционально ЕАЭС ушел уже достаточно далеко по пути интеграции. Кроме того, Россия после первой волны мирового кризиса с 2009 г., несмотря на сокращение товарооборота со странами ЦА, сохранила свой статус одного из трех крупнейших торговых партнеров, в 2013 г. товарооборот с регионом составил до 30,5 млрд долл.¹³ Существующий Таможенный союз (ТС) установил достаточно высокие таможенные барьеры и превратился к тому же в весомую геополитическую величину. Это ограничивает амбиции Китая по строительству зон свободной торговли в ЦА.

Возникшее, таким образом, противоречие между Россией и Китаем не выходит на поверхность их официальных отношений, однако на самом деле ТС с его планами приема новых членов из стран ЦА и перерастания в 2015 году в ЕАЭС серьезно беспокоят Пекин. Будет ли достигнут удовлетворяющий обе стороны компромисс — этот вопрос требует всестороннего анализа.

Представляется, однако, достаточно реалистичным и другой сценарий: дальнейшее успешное развитие двусторонних экономических отношений в обход проблемы ТС, что вытекает из глубокой заинтересованности Китая в сохранении нынешних отношений стратегического партнерства с Россией, несмотря на ее относительную слабость рядом с его собственной гигантской мощью. При этом по мере углубления двусторонних экономических отношений Китай и Россия вместе вольются в процесс развития региональной экономической кооперации.

При изложении новой концепции Си Цзиньпин особо упомянул транспортную магистраль «от Тихого океана до Балтийского моря», являющуюся, безусловно, стержнем планируемой инфраструктурной сети. Существующая транспортная сеть, соединяющая Китай с западной частью евразийского континента, уже не может удовлетворять его растущие запросы. Поэтому в расчете на перспективу КНР открыла, наряду с железнодорожным маршрутом Урумчи—Алашанькоу, новый железнодорожный маршрут на Хоргос. Планируется строительство нового железнодорожного пути из Кашгара в направлении на Киргизию и Узбекистан с дальнейшим выходом на Афганистан и далее.

В этих условиях перед Россией встает альтернатива: подключиться к строительству нового Шелкового пути Китай—Центральная Азия—Европа или пассивно стоять в стороне.

Выбрав первый вариант, Россия могла бы самым выгодным образом использовать свое экономико-географическое положение транзитера.

Таким образом, КНР постепенно создает в ЦА ориентированную на себя транспортную инфраструктуру. Это должно заставить российскую сторону всерьез задуматься об угрозах утраты Россией ее роли лидера на складывающемся рынке евразийских сухопутных транзитных перевозок.

Исходя из этого, России целесообразно подключиться к формированию мощного транспортного коридора из Китая через ЦА и Европейскую часть России, минуя Транссиб, что сулит значительный выигрыш времени по сравнению с морским вариантом (более чем двукратный) и средств всем его пользователям.

Сверх того, использование трансасиатской магистрали способно смягчить трения между ЕАЭС и Китаем, поскольку позволит последнему увеличить экспортируемую товарную массу и, таким образом, скомпенсировать потери от пересечения пространства ТС.

Если же мы будем стоять в стороне, Китай расширит дорогу в Европу и без нас, в обход России и с юга и с севера — через Арктику, правда, с бóльшими затратами и с определенными потерями, но наши потери будут еще более значительными.

Созданная в 2012 г. Российская корпорация сотрудничества со странами Центральной Азии намеревалась привлекать государственные и частные инвестиции в перспективные производства региона: гидроэнергетику, высокотехнологичную промышленную сборку, птицеводство и т. п., однако, вследствие отсутствия сколь-нибудь значительных финансовых средств, движение в данном направлении не прослеживается.

На наш взгляд, объединение усилий России и Китая в формировании новых индустриальных черт Центрально-Азиатского региона отвечает фундаментальным интересам и той и другой страны. Это можно было бы прописать в Стратегии развития ШОС.

В конечном итоге страны ШОС находятся еще на начальном этапе выработки оптимальной модели экономического взаимодействия в рамках этой организации.

Эффективность сотрудничества в рамках ШОС в еще одной ключевой сфере экономики, а именно на *транспорте*, может быть заметно увеличена за счет активизации мероприятий, направляемых на создание общего рынка транспортных услуг и благоприятных условий для развития транзитных перевозок (*это, например, единые тарифы*). Страны — члены ШОС в числе первоочередных задач, которые необходимо решать на транспорте во имя интенсификации межгосударственного торгово-экономического сотрудничества, считают целесообразным развитие в регионе сети автомобильных и железных дорог.

Трудность процесса становления регионального экономического сотрудничества объясняется, в том числе, и тем, что в нем принимают участие государства с различными экономическими возможностями и национальными приоритетами.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать следующие выводы, касающиеся деятельности РФ в рамках ШОС:

- Для налаживания устойчивых отношений России с малыми странами Центральной Азии (не являющимися членами ЕАЭС, но входящими в ШОС) целесообразно сформировать специальную федеральную программу по интеграционному сближению. Необходимо определиться с государственным стимулированием российских частных инвесторов в экономику региона (путем предоставления им, например, льгот по налогу на прибыль). Эта мера могла бы частично сократить отставание РФ от КНР в деле инвестирования в ЦА.

- В инвестиционном взаимодействии стран ШОС доминируют двусторонние проекты стран-лидеров (КНР) с другими странами организации. По объемам капиталовложений в экономику ЦА Китай является крупнейшим инвестором. При этом, используя ресурсный потенциал региона, КНР не только решает задачу по модернизации национальной экономики, прежде всего сопредельного Синьцзян-Уйгурского автономного района, но также укрепляет свое политическое влияние в этих странах. Россия преимущественно взаимодействует с Казахстаном, Таджикистаном и Киргизией. Системное многостороннее сотрудничество в экономической сфере организации продолжает отставать от двустороннего сотрудничества.

- Идет поиск платформы для практического коллективного взаимодействия в формате ШОС. Целесообразно (первоначально на экспертном уровне) определить зоны многосторонней потенциальной кооперации в финансово-экономических, инвестиционных, банковских и транспортных опциях. Необходимо политическими и экономическими средствами нивелировать противоречия внутри ЦА, сблизить векторы развития двух евразийских интеграционных группировок — ЕАЭС и ШОС, включая взаимодействие России и Китая на центральноазиатском направлении. Исходя из проекта Стратегии развития ШОС до 2025 г., важно разработать дорожную карту формирования многостороннего экономического сотрудничества внутри ШОС и создания механизмов взаимодействия между Секретариатом ШОС и исполнительным органом ЕАЭС (Евразийской экономической комиссией).

- Для РФ и КНР сфера транспортных перевозок остается одной из наиболее конкурентных. Большую активность проявляет Китай,

который создает альтернативную Транссибу сеть по Евразийскому трансконтинентальному пути. При этом интересы России все больше фокусируются на формировании инфраструктуры в рамках проекта ЕАЭС. Развитие транспортных китайских коридоров в Евразии для РФ является одновременно и конкурентным фактором, и возможностью региональной транспортной кооперации. Успешность формирования транспортных коридоров для России и Китая будет определяться не столько объемами перевозок, сколько степенью интеграции этих стран в единое экономическое пространство евроазиатского рынка.

- Складываются условия для создания совместных российско- и китайско-центральноазиатских предприятий. Низкая энергоемкость промышленного производства в ЦА, наличие в регионе квалифицированной и недорогой (даже по китайским меркам) рабочей силы могли бы стать факторами конкурентоспособности продукции таких совместных предприятий на внешних рынках. В связи с этим целесообразна разработка экспертами макроэкономической рентабельности таких предприятий, прежде всего в сферах электротехнической, энергетической, химической, отдельных отраслях машиностроения, легкой промышленности и сельского хозяйства.

- Практически не раскрыты возможности энергетического сотрудничества в ШОС. Идея создания «Энергетического клуба» пока не получила должного развития. Необходимо продолжить разработку создания координирующего органа стран — экспортеров нефти и газа Организации (включая постоянных членов, наблюдателей и партнеров по диалогу), разработать план развития и координации экспорта и импорта углеводородных ресурсов. Формирование единого энергетического (углеводородного) рынка ШОС может стимулировать совместные разработки новых, возобновляемых источников энергии — солнечной, ветровой. Принципиально важным для реализации энергетической программы является то, что, несмотря на наличие в сфере распределения энергоресурсов в треугольнике Россия—Центральная Азия—Китай точек напряженности, реальных столкновений между российскими и китайскими корпорациями за ресурсы туркменского, казахского или узбекского газа пока нет. Это означает, что политические возможности российско-китайского партнерства достаточны для купирования отдельных коммерческих потерь и энергетических «нестыковок».

Литература

- ¹ URL: <http://www.oilru.com/news/377875>
- ² URL: <http://www.bp.com/en/global/corporate/about-bp/energy-economics/statistical-review-of-world-energy-2013.html>
- ³ URL: <http://ieport.ru/portal/news/24282-12-yenergeticheskaya-pyatiletka-kitaya.html>
- ⁴ URL: http://www.energystrategy.ru/press-c/source/Pervuhin_ep_3-14.pdf
- ⁵ Чжунхуа жэньминь гун хэ го гоця тунци цзюй (Государственное бюро статистики КНР). URL: <http://data.stats.gov.cn/workspace/index;jsessionid=480C0531DF8743FA75E0E19A32729B5A?m=hgnd>
- ⁶ *Кузьмина Е.М.* Внешние экономические интересы как фактор экономического развития Центральной Азии: Научный доклад. М.: Институт экономики РАН, 2013.
- ⁷ Там же.
- ⁸ Там же.
- ⁹ Расчеты ПРООН на базе данных Международного торгового центра (ИТС). Доклад ПРООН о человеческом развитии в Центральной Азии 2014 год. С.14. URL: http://europeandcis.undp.org/files/uploads/_rbec%20web/cahdr/cahdr_ru/02%20cahdr%20rus%20I-XVIII.pdf
- ¹⁰ URL: <http://www.ut.uz/analitika/tashkentskaya-vstrecha-shos-vremya-dlya-masshtabnih-resheniy>
- ¹¹ URL: <http://russian.people.com.cn/95181/8471473.html>
- ¹² URL: <http://www.gov.kg/?p=28852>
- ¹³ URL: http://www.gks.ru/bgd/free/b04_03/IssWWW.exe/Stg/d05/35.htm

Часть III

КУЛЬТУРНЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ СВЯЗИ В РАМКАХ ШОС

Ю.В. Морозов*

СИЛЬНЫЕ И СЛАБЫЕ СТОРОНЫ ГУМАНИТАРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РОССИИ В ШОС: ВОЗМОЖНОЕ РЕШЕНИЕ СУЩЕСТВУЮЩИХ ПРОБЛЕМ

В статье анализируются сильные и слабые стороны гуманитарного взаимодействия России с центральноазиатскими государствами и предлагаются возможные направления его развития в рамках ШОС.

Ключевые слова: гуманитарное сотрудничество, «мягкая сила», Центрально-Азиатский регион, Россия, Китай, ШОС.

Цель гуманитарного сотрудничества и его составляющие

В наше время репутация государства на международной арене, формируемая в том числе и с помощью инструментов гуманитарного сотрудничества в рамках применения «мягкой силы» (МС), явля-

---

* Морозов Юрий Васильевич, кандидат военных наук, ведущий научный сотрудник ИДВ РАН.

ется важным условием для привлечения и приращения идеологических и материальных ресурсов страны. Тем не менее до сих пор в мировой политологии, включая и российский, и китайский ее сегменты, единой трактовки МС нет.

Экспертное сообщество РФ рассматривает «мягкую силу» зачастую как механизм позитивизации международного образа РФ через ресурсы гуманитарного диалога, «народной дипломатии» (НД) и СМИ.

В китайской политологии «мягкая сила» предстает как триада следующих элементов:

- культурный диалог со странами-партнерами;
- несилевое лидерство (обусловленное экономическими успехами) в развивающемся мире и оказание гуманитарной и технологической помощи государствам «третьего мира»;
- проведение на мировой арене политики сотрудничества со всеми странами. Культурный компонент реализуется с помощью потенциала китайских эмигрантов (хуацяо), «народной дипломатии», распространения китайского языка в мире, в том числе и через институты Конфуция и СМИ¹.

На наш взгляд, это триединство может быть реально возведено в ранг МС только в том случае, если оно будет дополнено четвертым компонентом — мировоззренческой установкой продуцирующего их государства. Установкой, согласно которой это государство четко будет представлять себе, какие именно политические, экономические и иные цели оно намерено достичь несилевыми методами. Ведь «мягкая сила» — это не только гуманитарное сотрудничество, «народная дипломатия» и имидж-мейкерская работа государства. Цель гуманитарного сотрудничества и НД — формирование климата доверия как благоприятной среды для более масштабных политико-стратегических и экономических инициатив, а также улучшение образа страны в мировом восприятии. МС — это овладение и умами в государстве-контрагенте настолько, чтобы оно не просто одобряло *modus vivendi* и *modus operandi* страны-партнера, но и добровольно приняло бы их как модели для подражания.

В международной жизни есть немало примеров, свидетельствующих о том, что гуманитарное влияние — это не какая-то дополнительная опция к традиционному внешнеполитическому арсеналу

государства, состоящему из политических, экономических, дипломатических и/или военных возможностей, но самостоятельный, самодостаточный раздел международного курса государства.

И если по тем или иным причинам Россия недооценила важность соответствующей деятельности в Европе, то ей следует не упустить из внимания ситуацию на другом форпосте российских интересов — Центральной Азии (ЦА), где наращивает влияние не только Запад, но и иные внерегиональные силы. Эта необходимость связана в том числе и с решимостью РФ переориентировать вектор ее экономического и политического развития с Запада на Восток, в частности ввиду западных санкций, наложенных в связи с воссоединением Крыма и России.

Гуманитарное сотрудничество России со странами Центральной Азии: существующие проблемы и возможные пути их решения

В сфере культурно-гуманитарного взаимодействия со странами Центрально-Азиатского региона (ЦАР) Россия больше сориентирована на государства — члены СНГ, поскольку там ее лидерские возможности наиболее заметны. А в рамках ШОС РФ нацелена на развитие тех сфер сотрудничества, которые способствуют консолидации ее позиций в организации, но с учетом влияния другой «стержнеобразующей» страны ШОС — Китая.

Большой пласт населения центральноазиатских стран — членов ШОС продолжает считать русский язык и культуру частью своей национальной истории, а их изучение — «ступенькой» для карьерного роста и выхода в мир. В этих государствах проживает значительное количество этнических русских, составляющих до 20 % их населения. Тесные культурные связи РФ со странами ЦА позитивно влияют на российский имидж в регионе. Как показал опрос, доля населения, доброжелательно относящегося к России, в государствах ЦАР более высокая, чем в других постсоветских странах. Так, согласно опросу, проведенному в 2008 г., в Казахстане она составляет 84 %, Узбекистане — 85 %, Киргизии — 84 %, в Таджикистане — 90 %. Такие показатели были достигнуты, в том числе благодаря работе в ре-

гионе Россотрудничества, Фонда «Русский мир», Киргизско-российского и Таджикиско-российского университетов, филиалов российских вузов, а также других российских гуманитарных структур.

Концептуальным основанием нынешнего гуманитарного сотрудничества (ГС) с государствами Центральной Азии является тезис, сформулированный президентом РФ В. Путиным в 2012 г., о необходимости расширять образовательное и культурное присутствие России в мире и особенно в странах, где часть населения говорит на русском языке или понимает его. В этом тезисе нашли свое место ключевые аспекты ГС — развитие сети культурных центров за рубежом, наращивание диалога в образовательной, лингвистической и других сферах.

За последние годы были заключены межправительственные соглашения об открытии российских центров науки и культуры с 18 государствами, в частности со странами ЦАР — Киргизией и Таджикистаном, а также с некоторыми сопредельными государствами, в числе которых находится и Китай.

В ближайших планах — учредить культурные представительства в Уральске (Казахстан), Оше (Киргизия) и Худжанде (Таджикистан). При этом организация подобных центров — не самоцель. Главная сфера приложения усилий — это люди, местные аудитории, уже обретенные и потенциальные друзья России, соотечественники и их организации, студенты и школьники, лица, изучающие русский язык, литературу и искусство. Для них работают библиотеки в российских центрах культуры, проводятся концерты и иные массовые мероприятия, действуют курсы русского языка.

В 2014 г. была принята комплексная Стратегия расширения гуманитарного влияния России в мире. Она призвана сформулировать подходы и задачи в сфере «мягкой силы». Документ является беспрецедентным для РФ. В некоторых вопросах его разработчики были вынуждены, по сути, «вспахивать целину». «Списать и посмотреть» не у кого, многое приходится творить собственными силами, сверяясь с позициями руководства страны и заинтересованных ведомств. Но одной Стратегии недостаточно. Нужны практические решения, в том числе ресурсные, кадровые и прочие, с которыми пока не все успешно складывается. Сложность процесса усугубляется рядом проблем, затрудняющих продвижение позитив-

ного имиджа России в ЦА и обоснование притягательности сотрудничества с РФ.

Так, одним из препятствий является *сокращение масштабов изучения русского языка и влияния системы советского/российского образования*. Во многих странах ЦА был закрыт целый ряд русских школ, что вызвало переизбыток оставшихся. Проблема нехватки русских школ усугубляется недостатком числа учителей и уровня их подготовки. При поступлении в российские вузы выпускники школ из государств ЦА не могут конкурировать с российскими абитуриентами: они просто не изучали многое из того и в том объеме, что требуется для зачисления в высшие учебные заведения РФ. Практика учета результатов ЕГЭ также является «камнем преткновения» для центральноазиатских абитуриентов.

И хотя количество студентов из государств ЦА, обучающихся в российских вузах, за последних 15 лет не снизилось, однако существенно увеличивается число абитуриентов, выезжающих на учебу в другие страны. Так, среди обладателей стипендии «Болашак» вузы ЕС выбрали 46,6 %, США — 29, а РФ — только 9,5 % молодых людей. При этом на центральноазиатский рынок образовательных услуг вышли государства, ранее на нем практически не представленные: Пакистан, Саудовская Аравия, Турция, Иран, Япония. Например, в исламских странах учится 2,3 тыс. таджиков, что гораздо больше числа студентов из Таджикистана в России. Многие третьи страны предоставляют студентам из ЦА возможность бесплатного обучения⁷.

Тенденция свертывания обучения на русском языке, сопровождающаяся желанием центральноазиатской молодежи получить высшее образование в западных и восточных вузах, диктует необходимость дополнительной поддержки изучения русского языка. Однако ряд инициатив РФ в этой области наталкивается на проблемы с местным законодательством, а также с восприятием в определенных кругах стран ЦА политики России как «возвращения к традициям Советского Союза».

Анализ опыта работы филиалов российских вузов в государствах ЦА показывает растущую потребность расширения в регионе сети образовательных школ с российской учебной программой. Например, путем спонсирования дополнительных русских классов в шко-

лах. Параллельно представляется возможным более активно использовать механизмы дистанционного получения среднего образования на русском языке и применять иные формы включения школьников из стран ЦА в российское образовательное пространство.

Все это видится важным для привлечения наиболее перспективной молодежи к получению образования в России. При этом средства, выделяемые на обучение студентов, остаются в РФ, так как они вкладываются в российские вузы. Привлекая студентов из ЦА, наши высшие учебные заведения повышают свой международный рейтинг, учитывающий количество студентов из зарубежных стран.

Для того чтобы обучить русскому языку и поддержать эти знания среди населения ЦАР, естественно, должны активизироваться курсы русского языка. Необходимо также распространять методики и пособия для его самостоятельного изучения. В каждой центральноазиатской столице желательно открыть центры переподготовки и повышения квалификации учителей русскоязычных школ.

Если говорить о *научно-образовательном сотрудничестве* РФ со странами ЦА, то его интенсивность по сравнению с кооперацией с западными партнерами остается невысокой. Продолжающийся финансовый кризис негативно отражается на взаимодействии в этой сфере. Тем не менее в 2013 г. были проведены Неделя российского технического образования в Узбекистане (февраль) и Неделя российского образования в Таджикистане (апрель).

Для исправления сложившегося положения видится целесообразным создание межгосударственных исследовательских центров и формирование смешанных научных групп для проработки совместных проектов по темам, представляющим взаимный интерес. Представляется достижимым привлечение финансовых средств российских госкорпораций, заинтересованных в развитии на территории ЦА полезных для РФ отраслей НИР. Небесполезной и не требующей масштабного финансирования является организация семинаров, конференций, интернет-форумов и т. д. Могут быть задействованы возможности Университета ШОС, на базе которого целесообразно создание нескольких научных центров. Внести вклад в расширение сотрудничества способна и реализация киргизской идеи о создании Межакадемического научного совета с целью углубленной интеграции и координации интеллектуальных усилий акаде-

мических кругов РФ и стран ЦА. Полезным видится и расширение практики совместных проектов по грантам научных фондов, например РГНФ.

Следует также констатировать, что в России очень мало *Фондов поддержки гуманитарного сотрудничества со странами Центральной Азии*. Хотя и существуют Росзарубежцентр и Фонд «Русский мир», однако этого явно недостаточно. Нет в России и научно-производственных объединений (НПО), которые работали бы исключительно в Центрально-Азиатском регионе. А ведь там уже активно функционируют фонды К. Аденаура, Ф. Эберта, Макартуров, Карнеги, Сороса и другие западные НПО, затраты которых в ЦА увеличиваются год от года. Это способствует росту влияния в регионе стран ЕС и НАТО. Государства ЦАР, выступая получателями финансовой и иной помощи, вынуждены следовать в русле интересов западных доноров.

Проблемы поддержки соотечественников, проживающих в ЦА, заключаются, прежде всего, в том, что статус этих людей во многом не отрегулирован двусторонними и многосторонними юридически обязывающими документами. До сих пор на пространстве ШОС не решена проблема двойного гражданства, и только с Таджикистаном у России есть соответствующее соглашение. А соотечественники из других центральноазиатских стран в РФ приравнены к иностранцам. Вместе с тем ожидаемое достижение соглашений о двойном гражданстве — это весомый вклад в дело включения соотечественников из ЦА в российское правовое пространство. Кроме того, двойное гражданство станет гарантией для них на случай возникновения экстремальных ситуаций, подобных украинской.

Другая проблема — слабость организационной базы, препятствующая представительному участию соотечественников в региональных мероприятиях. Поэтому важным является создание координационных советов, объединяющих все или большинство организаций соотечественников в каждой стране региона с целью согласования их усилий для лучшего решения существующих проблем. При этом советы должны иметь информационное обеспечение: интернет-сайт либо печатный орган, что требует поддержки со стороны российских госструктур или фондов. Положительным примером здесь может послужить Киргизия, где 63 местным организа-

циям соотечественников удалось создать единый Координационный совет.

Одной из важнейших проблем в гуманитарной сфере является *сложное положение в России мигрантов из стран Азии*. Для развития экономики РФ необходима квалифицированная рабочая сила, однако таковая из государств ЦА поступает редко: в основном это люди без специальной подготовки и образования. Они не знают, в каком регионе РФ есть для них работа и какие специальности там нужны (информация в основном исходит от друзей и родственников, уже побывавших в России). Это подстегивает незаконную миграцию выходцев из ЦА и обуславливает их правовую незащищенность перед работодателем. Мигранты берутся за незнакомую прежде работу, создавая тем самым проблему качества труда. Они часто пополняют ряды криминальных элементов, провоцирующих коррупцию, допускают и другие нарушения российского законодательства.

Правовое, а значит, и уважительное обращение с мигрантами — это вклад в гармонизацию отношений России со странами ЦА. Поэтому весьма важно формирование благоприятных условий для легальной трудовой миграции в РФ. Крайне полезным видится создание в странах региона центров не только для сдачи экзаменов по русскому языку, но и по правовому просвещению, необходимому для пребывания на территории РФ. Зная язык и законы России, мигранты смогут получать юридическую защиту. Также представляется целесообразным открытие единой центральноазиатской биржи труда, обеспечивающей информацией о востребованных в РФ специальностях.

Россией в этом направлении уже предпринят ряд практических шагов, хотя пока и не масштабных. Так, в 2013 г. в Москве на базе Россотрудничества был проведен круглый стол «Создание системы подготовки и проведения государственного тестирования иностранных граждан за рубежом», а также онлайн-семинары в РУДН — «Организация тестирования за рубежом» и «Валютное законодательство».

Как позитивную, так и негативную сторону для России имеет *сотрудничество стран Центральной Азии с внерегиональными силами*. Гуманитарная деятельность западных и восточных стран и их организаций/союзов развивается по нарастающей.

Сравнительно взвешенную и «смягченную» политику в ЦА проводят государства ЕС, которые осуществляют в регионе порядка 15 программ научно-технической помощи. При этом Евросоюз при разработке стратегии в отношении ЦА в определенной мере учитывает позиции России. Брюссель понимает традиционно высокую роль нашей страны в регионе и выстраивает политику таким образом, чтобы она открыто не задевала интересы РФ.

США же, в отличие от ЕС, стремятся нейтрализовать влияние России в ЦАР, а также растущую там роль КНР, в лице которой видят своего основного стратегического соперника. Вашингтон открыто нацелен на расширение отношений со странами региона, в том числе в рамках программы «Партнерство ради мира». Ее целью является наращивание военно-технического и образовательного сотрудничества с вооруженными силами центральноазиатских стран³.

Роль Турции в гуманитарном диалоге со странами ЦА носит двойственный характер. С одной стороны, страна отстаивает геостратегию Запада, стремясь наглядно продемонстрировать ему свою лояльность и целесообразность посреднической роли в регионе, а с другой — Анкара продвигает на пространстве ЦАР собственные интересы. Историческая, культурная и языковая близость к тюркоязычному населению центральноазиатских государств, «прозападный» имидж светской мусульманской страны, а также поддержка США способствуют расширению турецкого влияния в регионе, в том числе в гуманитарной сфере.

Иран обозначил свое присутствие в ЦА прежде всего в экономической области, что в принципе отвечает интересам государств региона. Однако его имидж как страны «воинствующего ислама», претензии на лидерство в мусульманском мире, чрезмерная идеологизация своей внешней политики не способствуют популярности Тегерана в Центральной Азии.

Начиная с 1991 г. на гуманитарном пространстве ЦА проявилась Япония. Она стала проводить в регионе дни своей культуры, а с 1999 г. — предоставлять студентам из Центральной Азии стипендии для обучения в японских университетах. Правительство Японии учредило в Алматы Центр развития человеческих ресурсов, который проводит различные культурные мероприятия, организует курсы по изучению японского языка и подготовке менеджеров и т. д. Токио

также начал выдавать гранты на цели развития культурно-образовательных и спортивных учреждений в ЦАР.

Можно сделать вывод о том, что интересы РФ окажутся под угрозой в том случае, если внешние игроки, недружественные России, продолжат наращивать гуманитарную помощь региону в противоречащих ее интересам целях. Чтобы сбалансировать этот процесс, Москве крайне важно расширять собственное присутствие в ЦА, в том числе в гуманитарной сфере. Это способно принести реальные плоды, ибо почти все страны региона предрасположены к сотрудничеству с РФ больше, чем, например, с Ираном, Турцией или США.

Развитие ШОС и рост ее авторитета в мире также ставят вопрос о необходимости усиления российского влияния на образовательном и культурном пространстве организации. При этом следует обратить особое внимание на то, что Китай проявляет к вопросу приращения МС в отношении государств — членов ШОС все больший интерес.

Возможные совместные шаги России и Китая в области укрепления гуманитарного сотрудничества в рамках ШОС

На глобальном уровне Россия и Китай являются стратегическими партнерами. В ООН и во многих других международных организациях обе страны занимают сходные или совпадающие позиции по целому ряду мировых проблем. Тем не менее развитие ситуации на международной арене и деструктивные действия Запада, создающие препоны для РФ и КНР в их внешнеполитических инициативах, обостряют вопрос о совершенствовании стратегического партнерства двух стран. Надо учитывать вероятность того, что при неблагоприятном развитии событий Москва и Пекин в одиночку не смогут успешно решать возникающие проблемы.

Для поддержки совпадающих интересов России и Китая в ЦА целесообразны совместные усилия по возведению своего рода гуманитарного кордона западным акциям и по превращению ШОС в важный элемент региональной безопасности, в частности путем укрепления «внутришосовского» гуманитарного взаимодействия.

Страны Центральной Азии, Россия и Китай являются носителями богатых традиций и обычаев, удивительной истории, и поэтому

можно сказать, что их сотрудничество открывает пути для межцивилизационного диалога.

Отметим крайнюю желательность следующих российско-китайских инициатив по развитию гуманитарного потенциала ШОС.

Совершенствование информационной политики в рамках ШОС

Еще в 2008 г. грузино-осетинский конфликт выявил проблемы в информационном обеспечении и освещении событий. На саммите в Душанбе бывший в то время президентом РФ Д. Медведев был вынужден разъяснять лидерам государств — членов и наблюдателей ШОС суть происходивших событий на Кавказе.

Это свидетельствует о том, что, *во-первых*, даже не все лидеры государств имели полное представление о юго-осетинском кризисе, а *во-вторых*, что информационная политика в ШОС оставляет желать лучшего. В рамках организации до сих пор не создано единой информационной сети, и в ее центральноазиатском сегменте продолжается «ретрансляция» западных трактовок положения дел. Можно вспомнить, как предвзято освещались и освещаются в США и странах ЕС события на Украине, в Андижане и на Тибете, ситуация вокруг иранской ядерной программы, а также положение в Афганистане.

В плане выправления ситуации в медийной сфере очевидно, что первоочередной задачей российско-китайского гуманитарного взаимодействия должно стать формирование единого «информационного поля» ШОС: на телевидении, в прессе, на радио. В связи с этим целесообразным видится создание радио- и телевизионного канала «Новости Евразии» (Eurasia News) либо обеспечение широкой доступности телеканала «Мир» не только для населения стран — участниц ШОС, но и для наблюдателей и партнеров по диалогу. Важным представляется и основание печатного органа ШОС, например доступной общественно-деловой ежедневной газеты, выходящей на языках стран организации.

Эти и другие меры в исполнении российско-китайского «дуэта» могли бы повысить взаимопонимание между народами и снизить возможность искажения политики РФ и КНР и деятельности ШОС в целом.

Сотрудничество в области здравоохранения

Со дня своего основания ШОС декларирует необходимость сотрудничества в области здравоохранения. Но поскольку эта сфера во многом — конкурентная отрасль, то кооперация стран организации в этом направлении носила (и носит до сих пор) дискретный характер. Правда, на саммите глав государств ШОС в Шанхае в 2006 г. Секретариату было поручено разработать план взаимодействия ведомств, отвечающих за вопросы здравоохранения, а также сформировать целевую экспертную группу, действующую на постоянной основе, что пока не принесло ощутимых результатов.

Необходимость наращивания сотрудничества в здравоохранительной сфере диктуется реальным положением дел. Во многих странах ЦА состояние лечебной базы больницы из-за нехватки средств является неудовлетворительным, наблюдается острый дефицит квалифицированных кадров, информированность среди профессионалов-медиков невысока, а осведомленность высокоуязвимых к заболеваниям групп населения вообще оставляет желать много лучшего⁴.

Следует отметить, что к настоящему времени страны ЦА с помощью международных здравоохранительных организаций достигли определенных успехов в борьбе с некоторыми заболеваниями, в частности туберкулезом. Тем не менее вопрос о качестве медицинской помощи продолжает оставаться крайне острым, и он напрямую связан с проблемой предотвращения заболеваемости на всем пространстве ШОС.

Еще одним фактором эпидемического риска является сама глобализация мировой экономической жизни, сопряженная с ростом миграции рабочей силы, индустриализацией и интернационализацией торговли продовольствием. При массовом производстве и переработке продуктов питания, при экспорте замороженных продуктов и полуфабрикатов повышается вероятность обширных трансграничных эпидемий. Поэтому особо остро для ШОС встает вопрос о ответственности санитарного контроля на границах, состояния экспортно-импортных продуктов питания, о здоровье скота, содержащегося в приграничных районах и служащего сырьем для мясомолочной промышленности. Думается, внимание этому вопросу должен в первую очередь уделить Китай, который является не только крупным

экспортером продовольствия, но и третьим по объему мировым донором продуктов питания⁵.

Огромный ущерб здоровью населения стран ШОС наносит наркоторговля. Распространение ВИЧ/СПИДа ускоряется ростом внутреннего потребления наркотиков в ЦА. На долю потребителей инъекционных наркотиков приходится 70—90 % новых случаев ВИЧ/СПИДа в регионе, при этом инфицируется в основном молодежь. Комбинированная инфекция ТБ/СПИДа снижает выживаемость и увеличивает затраты на медицинскую помощь. В Россию из Афганистана ежегодно переправляется около 100 т чистого героина, а число жертв наркомании превышает ежегодные потери СССР времен афганской военной кампании. Несмотря на строгость законов, потребление наркотиков растет и в Китае. В стране удается изымать только 18 % ввозящихся наркотических средств⁶.

В перспективе смягчению проблем здравоохранения в ЦА могло бы способствовать учреждение Шанхайской организации здравоохранения (ШОЗ), имеющей задачей создание единой сети медицинской помощи и страхования и предоставление качественного медицинского обслуживания гражданам государств — членов ШОС в любой стране — участнице организации. В системе ШОЗ, основные усилия по созданию которой, видимо, придется предпринять России и Китаю, можно было бы проводить обучение и стажировку специалистов из стран — членов и наблюдателей ШОС, обмениваться опытом и идеями.

Создание ШОЗ — это задача средне- и даже долгосрочного характера, поскольку для ее выполнения понадобится не только отладка практического взаимодействия и договорное обеспечение новой структуры, но и весьма значительные инвестиции.

Пока же Шанхайский форум, ввиду скромности его бюджета, мог бы ограничиться созданием условий для обучения лаборантов исследованию биологического материала с целью эффективного выявления случаев особо опасных инфекций, в том числе туберкулеза, полиомиелита, чумы, малярии; для подготовки врачей и фельдшеров-фтизиатров; консультирования медицинских учреждений, курирующих зараженных людей; проведения действенного эпидемиологического мониторинга; повышения ответственности санитарного контроля в пунктах пересечения границ. Профилактика, выявление

и лечение болезней эпидемического характера — весьма актуальные и важные задачи для многих стран ШОС, учитывая то, что Азия периодически подвергается вспышкам массовых заболеваний. Страны ШОС по совместной инициативе Москвы и Пекина могли бы в перспективе создать единый исследовательский центр по разработке вакцин, новых лекарственных средств, а также диагностических и антинаркотических тест-систем.

Видится целесообразным и привлечение стран ШОС к практике здравоохранных учений, опыт которых на региональном уровне имеет АТЭС и на страновом — МЧС России.

Сотрудничество в области предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций

Известно, что регион ЦА периодически подвергается оползням, землетрясениям, засухе, заморозкам и прочим природным катаклизмам. Особенно страдают от их последствий менее экономически успешные страны региона, а также ряд провинций КНР.

В 2005 г. между правительствами государств ШОС было подписано Соглашение о взаимодействии при ликвидации чрезвычайных ситуаций (ЧС). Однако стороны так и не рассмотрели вопрос о создании постоянно действующего специализированного центра. В его отсутствие странам ЦАР приходится каждый раз просить помощь у соседей, что не только не решает проблему, но и затрудняет процесс развития национальных служб ЧС: их специалисты не имеют должной подготовки и тренинга и не могут адекватно отвечать на вызовы природы или техногенных катастроф.

Учитывая большой опыт МЧС РФ, Москва могла бы стать инициатором и совместным с Пекином спонсором создания единого центра ШОС по формированию служб ЧС и управления ими. Финансирование деятельности центра могли бы осуществлять страны организации по долевному принципу.

Сопутствующая задача здесь — создание необходимых правовых и организационных условий для проведения совместных спасательных операций, включая подготовку и тренировку персонала по единым методикам и его быструю переброску, а также обеспечение совместимости технических средств.

Сотрудничество в области экологии

Тяжелой экологической проблемой в ШОС является обмеление Аральского моря. Это крупнейшее экологическое бедствие современности вызвало резкое ухудшение условий жизни сотен тысяч людей не только в Приаралье, но и на соседних пространствах ШОС. Кроме того, в районе Ферганской долины большую опасность представляют захоронения радиоактивных отходов. Страны ЦАР глубоко озабочены проблемами природоохранной сферы и пытаются проводить мероприятия в этой области при содействии международных организаций: ПРООН, ОБСЕ, ЕС, Международного фонда спасения Арала и др.

В 2004 г. в ШОС была достигнута договоренность о сотрудничестве по вопросам охраны окружающей среды и сохранения экологического баланса в ЦАР, предотвращения опустынивания земель, а также по противодействию другим деградиционным процессам. Но свое развитие кооперация в этой сфере получила лишь в 2006 г., когда началось проведение регулярных встреч соответствующих экспертных групп. В результате их работы были утверждены проекты: «Прогнозирование водности трансграничных рек бассейна Аральского моря» и «Расширение сотрудничества в области охраны окружающей среды и улучшения экологии бассейна Аральского моря».

Несмотря на стремление ШОС разрешить многочисленные экологические проблемы стран-участниц, справиться с ними собственными силами она не может. Поэтому в этой области российско-китайскому тандему в ШОС следует принять меры по налаживанию регулярного взаимодействия с международными структурами, в частности с ЮНИСЕФ, ЮФПА, Всемирным и Азиатским банками и другими финансовыми институтами. Крупный казахстанский дипломат Б. Нургалиев в его бытность генеральным секретарем ШОС не раз подчеркивал мысль о целесообразности подключения международного ресурса: «Только если к усилиям государств Центральной Азии, а также ШОС... присоединятся дружественные страны и институты системы ООН..., можно добиться прогресса в ... реализации проектов по восстановлению благоприятных условий для жизнедеятельности населения Приаралья, в области охраны здоровья населе-

ния и окружающей среды, создания новых рабочих мест, улучшения бытовой инфраструктуры, восстановления биоразнообразия»⁷.

В заключение следует отметить, что задействование возможностей «мягкой силы» должно стать самоценным вектором внешней политики РФ, нацеленным на поддержание положительного международного имиджа нашей страны. Если Россия не будет целенаправленно и постоянно уделять внимание развитию своей МС, вкладывая в нее достаточные средства, то соперники РФ смогут расширить собственное культурное присутствие также и в ЦАР и заметно потеснить нашу страну с занимаемых ею позиций.

Гуманитарное сотрудничество России со странами Центрально-Азиатского региона устойчиво продолжается: где-то РФ поддерживает свое влияние, где-то утрачивает, однако пророссийское пространство в ЦА сохраняется. И его консолидация с помощью «мягкой силы» есть важная предпосылка успешного, жизнеспособного позиционирования РФ в Центральной Азии и в ШОС в целом. России следует незамедлительно принять меры по усилению ее «мягкосиловых» позиций в ЦАР, которые, несмотря на их сужение за последние 20 лет, все еще превосходят по значению и качеству позиции Китая. Не стоит терять это преимущество, и гуманитарное сотрудничество может быть эффективным механизмом выполнения этой задачи.

Авторитет ШОС в мире растет. Организация все более становится структурой активного политического и экономического взаимодействия, и гуманитарное сотрудничество, несомненно, благоприятствует сближению народов стран Евразии. Реализация предложенных выше российско-китайских инициатив, став новым гуманитарным «прорывом», способствовала бы усилению не только «мягкосиловых» позиций, но и общего потенциала ШОС.

Литература

¹ Резгенова Д. Б.-О. Исторический опыт стратагемности и принципа «мягкой силы» в социально-экономических реформах Китая. URL: <http://vak2.ed.gov.ru/idcUploadAutoref/renderFile/86152>. С. 16—17.

² Морозов Ю.В. Сотрудничество стран ШОС в гуманитарной области: проблемы и возможные пути их решения // Центральная Азия и Кавказ. 2009. № 4. С. 69—72.

³ *Морозов Ю.В.* Афганистан после 2014 года: стабильность для государств ШОС или новый виток напряженности в Центрально-Азиатском регионе? // Проблемы Дальнего Востока. 2013. № 2. С. 94—115.

⁴ *Сафронова Е.И.* 10 лет ШОС: некоторые итоги сотрудничества стран Организации в области здравоохранения и ликвидации чрезвычайных ситуаций // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. М.: ИДВ РАН, 2011. С. 96—123.

⁵ *Сафронова Е.И.* Некоторые итоги гуманитарного взаимодействия стран — членов Шанхайской организации сотрудничества за пять лет ее существования // Шанхайская организация сотрудничества. К новым рубежам развития. М.: ИДВ РАН, 2008. С. 161—182.

⁶ *Назаралиев Ж.* Евразийский защитный зонт против афганского экстремизма. URL: knews.kg/columnist/32027_jenishbek_nazaraliev_evraziyskiy_zaschitnyiy_zont_protiv_afganskogo_ekstremizma.

⁷ Официальный сайт ШОС. URL: <http://www.sectsc.org/ru123/show.asp?id=81>

Я.М. Бергер*

НЕКОТОРЫЕ СТРАТЕГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ВОЗВЫШЕНИЯ КИТАЯ В ВИДЕНИИ ГЕНЕРАЛА ЛЮ ЯЧЖОУ, ЕГО ЕДИНОМЫШЛЕННИКОВ И ОППОНЕНТОВ

Генерал-полковник НОАК Лю Ячжоу занимает выдающиеся позиции в китайской военной элите, будучи политкомиссаром Национального университета обороны — высшего учебного заведения для командного состава китайской армии. Его жена — дочь одного из лидеров китайской революции. Поэтому они принадлежат ко «второму красному поколению» китайского руководства, как и Си Цзиньпин. Лю Ячжоу хорошо известен в Китае и за рубежом как геополитический мыслитель и писатель, автор документальной прозы. Он убежден, что главная угроза безопасности Китая исходит изнутри, вследствие слабости его «мягкой силы». Что касается направления внешней экспансии КНР, то оно должно быть западным. Лю Ячжоу — решительный сторонник континентальной стратегии. По его мнению, движение на Запад должно рассматриваться как важная составная часть возрождения Китая. Оно должно затруднить экспансию США в Центральной Азии.

Лю Ячжоу настаивает на том, что национальная безопасность включает в себя не только безопасность территориальных границ, но и безопасность пределов национальных интересов. Он не под-

---

* Бергер Яков Михайлович, доктор исторических наук, главный научный сотрудник ИДВ РАН.

держивает идею неизбежного столкновения интересов Китая и США и предлагает сохранять сдержанность в ожидании подходящего момента для начала противоборства.

Ключевые слова: Китай, США, национальные интересы, безопасность, Центральная Азия, «мягкая сила».

Растущая экономическая, политическая и военная мощь Китая в огромной степени влияет на архитектуру глобальных международных отношений. В свою очередь, этот процесс не может не сказываться на представлениях интеллектуальной и политической элиты КНР о настоящей и будущей роли страны в мире. В последнее время руководитель Китая Си Цзиньпин выступил с важными инициативами, формулирующими внешнеполитическую стратегию страны на предстоящие десятилетия. Эти инициативы, обозначаемые как «Новый Шелковый путь XXI века» и «Экономический пояс Великого шелкового пути», или проще — «Один путь и один пояс», в официальных документах пока не нашли детальной расшифровки. Некоторые аналитики из этого сделали даже вывод, что предлагаемые проекты носят самый общий характер как своего рода декларация о намерениях, а сколько-нибудь развернутая детализация либо вообще не предполагается, либо же последует позже.

Более пристальное рассмотрение дискуссий о стратегии Китая, которые шли в стране за последние полтора десятилетия, с тех пор как появилась сама идея «мирного возвышения», убеждает, однако, в том, что нынешние инициативы имеют важную предисторию, в течение которой они всесторонне отработывались и прояснялись.

Определенной идейной осью этого обсуждения служили взгляды генерал-полковника НОАК Лю Ячжоу. Это связано с несколькими обстоятельствами. *Во-первых*, с тем, что в его взглядах обнаруживается своеобразное сочетание разных, иногда не только весьма отличающихся друг от друга, но и прямо противоположных позиций. Лю Ячжоу заявляет о себе, с одной стороны, как либерал и демократ, как глашатай западных институтов и ценностей, а с другой — как поборник беспрекословного подчинения армии партийному руководству.

Во-вторых, Лю Ячжоу занимает весьма высокий пост в военно-политической иерархии КНР. В конце января 2010 г. он был назначен политкомиссаром и секретарем парткома Университета на-

циональной обороны. Этот университет (у нас его, наверное, называли бы академией), непосредственно подчиненный верховной военной власти — Центральному военному совету КПК, готовит высший командный состав для всех родов вооруженных сил КНР. Соответственно, ректор и политкомиссар университета по рангу приравнены к командующим большими военными округами.

В-третьих, положение Лю Ячжоу в китайской военно-политической элите определяется не только его высокой должностью, но и родственными связями. Он — зять Ли Сяньняня, одного из ведущих политических деятелей Китая прошлого века, бывшего одно время официальным главой КНР. А это означает причастность к той части верхушки современного китайского общества, которую западные эксперты по Китаю именуют «партией принцев», а в самом Китае — «вторым красным поколением». Иначе говоря, речь идет о ближайших родственниках прежних поколений партийных и государственных руководителей. К ним принадлежит и Си Цзиньпин. Взгляды тех, кто относится к этой социальной группе, не всегда совпадают, но сами они, как правило, занимают важные позиции в партийно-государственной иерархии и в бизнесе. Некоторые исследователи утверждают, что им принадлежит достаточно весомая часть национального богатства страны.

В-четвертых, сам Лю Ячжоу — весьма заметная личность в китайском истеблишменте. Он обладает не только широким кругозором в собственно военной науке, но и немалыми познаниями в области большого спектра общественных и гуманитарных наук. Кроме того, он еще писатель, автор ряда романов, рассказов, очерков и прочих литературных произведений. Конечно, как известно, многие видные политические деятели Китая обладали определенным литературным, часто — стихотворным, даром. Но Лю Ячжоу — профессиональный литератор, получавший литературные премии и возглавлявший Союз писателей. И именно это качество позволяло ему не только участвовать в международных писательских форумах, но и, оставаясь офицером НОАК, посетить в 1992 г. Тайвань.

Наконец, *в-пятых*, последнее по счету, но не по важности. О чем бы ни писал Лю Ячжоу, а перечень сюжетов его произведений весьма велик, он, в отличие от многих своих коллег по перу, крайне редко прибегает к столь привычным для китайской публицистики и

научнообразных сочинений косным, санкционированным сверху штампам. Напротив, старается выразить свою мысль как можно точнее, откровеннее, что порой даже выглядит достаточно цинично.

Образ мыслей Лю Ячжоу в немалой степени определяется особенностями его биографии и карьеры. Он родился в 1952 г. в семье профессионального армейского политработника, дослужившегося до должности заместителя политкомиссара службы тыла Ланьчжоуского военного округа. С детских лет Лю Ячжоу с родителями кочевал по стране, а в 1968 г. в возрасте 16 лет был зачислен на военную службу в том же округе, где служил отец. Служил сначала рядовым, а потом — командиром отделения, взвода, роты до 1972 г. В 1970 г. вступил в партию. В 1972 г. поступил на отделение английской филологии факультета иностранных языков Уханьского университета. Там он и встретил свою будущую супругу Ли Сяолин, младшую дочь Ли Сяньняня. По окончании университета в 1975 г. Лю Ячжоу стал работать в Отделе пропаганды Пекинского управления гражданской авиации. С 1979 по 1988 г. местом его службы становится политотдел ВВС КНР, где он сначала ведал международными связями, а затем — вопросами культуры и творчества. Одновременно в 1984 г. Лю Ячжоу становится одним из функционеров Ассоциации писателей.

Молодая супруга Лю Ячжоу вскоре после замужества отправилась на учебу в США, а потом за ней последовал и он сам, сначала с месячным визитом, а потом и на более долгий срок — в качестве приглашенного профессора на факультете восточных языков Стэнфордского университета, одного из самых престижных учебных заведений США. В то же время в Соединенных Штатах находился и брат Лю Ячжоу, работавший в одном из американских фондов, финансировавших Китаеведческие исследования.

По возвращении на родину после годичного отсутствия, Лю Ячжоу пошел вверх по карьерной лестнице. В конце 1980-х годов он служит в политотделе Управления делами Центрального военного совета, затем становится политкомиссаром и секретарем парткома одного из оборонных институтов, возглавляет политотдел ВВС Пекинского военного округа, назначается политкомиссаром ВВС Чэндуского военного округа и, наконец, — политкомиссаром Университета национальной обороны. Супруга его тем временем становится во главе весьма влиятельного Общества дружбы с зарубежными странами.

Одновременно Лю Ячжоу продолжает активно заниматься литературным творчеством, начало которого восходит еще к его студенческим годам. Первый его роман был опубликован в 1975 г. На гонорар, полученный за него, Лю купил велосипед для своей подруги. Велосипед ей понравился, но в романе она смогла одолеть только первые десять страниц. В 1983 г. вышел в свет сборник очерков «Войны, срежисированные дьяволом», который принес Лю известность и премию на конкурсе очерковой литературы. В следующем году публикуется роман «Душевные чувства двух поколений», в котором описывается мировоззрение и семейный быт генералитета НОАК. Темы армейской жизни лежат также в сюжетной основе многих последующих романов и очерков, также принесших Лю популярность у большого круга читателей.

Для нас, однако, наибольший интерес представляют соображения Лю Ячжоу относительно большой стратегии Китая, связанной с его возвышением и соответствующим изменением роли в международных отношениях. Основной корпус его взглядов на эти проблемы сформировался в начале нашего столетия и с тех пор претерпел некоторую эволюцию, но стержневые идеи изменялись мало.

С точки зрения Лю Ячжоу, Китаю для того, чтобы стать глобальной державой, не хватает двух условий. *Во-первых*, превосходства в безопасности. Это касается как внутренней безопасности, так и безопасности на окружающей территории. У Китая нет такого, как у США, превосходного географического положения. США граничат всего с двумя государствами, а Китай на суше и на море — с 24. Причем у пяти из них численность населения превышает 100 млн человек. И плюс к ним — Тайвань. При этом, добавляет он, наш противник в истории никогда не был столь силен и сплочен. *Во-вторых*, перечисляя факторы, составляющие «мягкую силу» Китая, Лю Ячжоу подчеркивает, что важнейший из них — дух нации — близок к упадку¹.

Как полагает Лю Ячжоу, Китаю предстоит вступить в новый этап, характеризующийся правлением на основе закона, инновациями и всесторонней активностью. В этом он видит «подлинную стратегическую гарантию “силы Китая”» и важнейшие неотъемлемые «стратегические возможности». Крепость, говорит Лю Ячжоу в интервью, размещенном на его блоге 5 февраля 2015 г., легче всего

взять изнутри. Поэтому главная угроза безопасности китайского государства — это угроза внутренняя. Как бы ни было велико внешнее давление, оно может создавать проблемы только в соединении с различными внутренними социальными силами².

Лю Ячжоу настоятельно подчеркивает важность развития западных территорий страны. География, говорит он, — это судьба. Потерять запад — значит потерять Китай.

Лю Ячжоу — убежденный сторонник континентальной стратегии. В подкрепление своей позиции он обращается к историческим аналогиям. Более века назад в Цинском дворе спорили о приоритетности укрепления обороны на море или на суше. Угрозы нависали с обеих сторон. Западные державы вели наступление на империю с моря. Россия же заняла Кульджу с прицелом распространить свое влияние на весь Синьцзян. В результате восстания Якуб-бека в Кашгаре возникло независимое ханство. Ли Хунчжан и другие саяновники предлагали отдать Синьцзян и все силы бросить на защиту морских рубежей. Лю отдает явное предпочтение Цзо Цзунтану, который, при поддержке императрицы Цыси, подавил повстанцев.

Продвижение на запад, утверждает Лю Ячжоу, — это не только направление китайской стратегии, но и надежда Китая и даже «судьба поколения». Центр мира — на Ближнем Востоке, понимаемом как «Большой Ближний Восток»: от Египта на западе и Афганистана на востоке, до Балкан на севере. Здесь скрещиваются мировые дороги. А «головной драконом» в этом обширном геополитическом регионе является Ирак. Средиземное море это — «пуп» человеческой цивилизации, насчитывающей 8 тыс. лет. Преимущество географического положения западных территорий Китая придают ему мощную движущую силу. Китай должен рассматривать свою западную часть как «мостовую опору» для продвижения интересов государства.

Центральная Азия, по определению Лю Ячжоу, — это второй Ближний Восток. Не только по запасам ресурсов, но и вследствие своей стратегической ценности, поскольку она расположена по обе стороны евроазиатского моста. Борьба за Центральную Азию (ЦА) началась после распада Советского Союза. Первыми выступили США, которые уже завершили выработку своей «новой центральноазиатской стратегии». Лю Ячжоу убежден, что в геополитическом плане эта стратегия способна оказать на Китай более далеко идущее

влияние, чем «стратегия перебалансирования АТР». Это требует от его страны скорейшей разработки своего нового стратегического курса.

Важными составными частями «новой центральноазиатской стратегии» США, по Лю Ячжоу, являются проблемы «независимости Синьцзяна» и «независимости Тибета». Для того чтобы достичь «целей двух столетий», КНР, полагает он, нужно до конца решить проблемы религии. Империализм за последнее столетие неизменно совершал агрессию и проникновение в Китай под её покровом. Национальные проблемы в стране неизменно смыкаются с религиозными. И если в будущем Китаю суждены волнения, то они, по всей вероятности, произойдут в связи с использованием религией национального вопроса. В ряде районов, где не способны правильно понять национальную политику ЦК КПК, позиция колеблется — то влево, то вправо. Китайское правительство относится к религии достаточно терпимо. Если исключить десятилетнюю смуту во время культурной революции, то нормальная, законная религиозная деятельность получает поддержку, а использующие религиозную оболочку экстремистские действия, направленные на насильственное свержение государственной власти, беспощадно пресекаются.

Призыв к «продвижению на запад» (*си цзинь*), к освоению западных территорий должен, полагает Лю Ячжоу, рассматриваться с позиций великого возрождения Китая. Такой девиз он считает более адекватным, чем девиз «мирного возвышения».

Центр китайской стратегии, полагает Лю Ячжоу, перемещается на запад. Когда ЦК КПК принимал решение об освоении западной части страны, многие восприняли его как меру по урегулированию экономической структуры. Лю Ячжоу, однако, трактует это решение как часть более далеко идущих стратегических замыслов, которое способно воздействовать на всю периферию, вплоть до Европы.

Ядро стратегии продвижения на запад находится в Центральной Азии. Тот, кто контролирует ЦА, может контролировать будущее стран, находящихся по обе стороны этого сухопутного моста между Европой и Азией.

Стратегия продвижения на запад включает в себя три этапа. На первом — в пограничном районе выбираются пункты, где, по шэньчжэньской модели, создаются один или несколько центров торговли

товарами или нефтепереработки, на основе которых в будущем возникнут ядра общего центральноазиатского рынка. Когда развернется поступательное освоение ареалов ЦА с опорой на Китай, появится возможность создать стратегический опорный пункт для западных территорий, чтобы сорвать планы США вбить клин в Центральную Азию. На *втором* этапе урегулируется административное деление западных территорий, особенно Синьцзяна и Тибета, с тем чтобы стимулировать дальнейшее межнациональное единство, лишить жизненного пространства все силы раскола наций, лишить синьцзянских и тибетских сепаратистов территориальной базы влияния на весь регион. На *третьем* этапе создается евроазиатский континентальный мост и образуется совместно с Европой единый евразийский экономический пояс.

Форпосты «продвижения НАТО на восток» уже достигли Центральной Азии. Американцы — у порога Китая, что побуждает к незамедлительному созданию мощного оплота на западных территориях, к созданию опорных стратегических точек для движения вовне для того, чтобы сорвать попытки США вбить свои клинья в ЦА. Одновременно, настаивает Лю Ячжоу, необходимо через евроазиатский мост создать вместе с Европой большой евроазиатский пояс совместного экономического общежития. Выраженное Китаем сегодня намерение возглавить создание Экономического пояса Шелкового пути и Морского пути XXI века он считает удачным ходом. Создание Китаем параллельно морского и континентального «одного пояса и одного пути», ускоряя торговлю и капиталовложения, укрепляет экономические связи с западными странами и взаимные интересы и прорывает его окружение Соединенными Штатами.

В центре геополитики, с точки зрения Лю Ячжоу, находятся ресурсы. Согласно современным представлениям, утверждает он, безопасность не ограничивается неприкосновенностью национальной территории. Для того чтобы расширять государственные интересы, надежно оберегать новый этап стратегических возможностей, нужно иметь свои «границы интересов». Только так можно обеспечить подлинную государственную безопасность. Понятие «государственной безопасности» означает «безопасные границы» и «безопасность границ». В международной борьбе отсутствие гарантированной безопасности внешнего пространства равносильно абсолютной ненадеж-

ности. Понятие «безопасных границ» включает в себя уже далеко не только территориальные границы, но и границы государственных интересов. Чем обширнее интересы, тем дальше должны продвигаться передовые рубежи безопасности, полагает генерал Лю.

Он констатирует, что «безопасные границы» у США чрезвычайно обширны, охватывая почти весь земной шар. Возглавляемая Соединенными Штатами НАТО в своем движении на восток не ограничивается оккупацией территории, но добивается расширения «границ интересов», создавая заслон безопасности на стратегическую глубину.

США шаг за шагом приближаются, соответственно углубляется критическая ситуация в Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях. Но кризис создает для Китая и новые возможности. Оккупация Филиппинами острова Хуанъяньдао, акватории которого Лю Ячжоу считает исконным районом китайского рыболовства, побудила Китай взять его под скоординированный бескровный контроль судов китайской рыболовной администрации, морского надзора и военных. Аналогичные меры предпринимаются и в других подобных случаях.

Одна из ключевых стратегических проблем, возникающих в связи со становлением Китая как ведущей глобальной державы, касается отношений с США как державой, удерживающей глобальное лидерство уже в течение многих десятилетий. В последние годы у многих китайских аналитиков и политических деятелей усиливается убежденность в неизбежности противостояния КНР и США, выступающих в качестве главного оппонента возрождающегося Китая. Им, однако, возражают те, кто надеются добиться глобального его возвышения если не с помощью, то по меньшей мере при нейтрально-благожелательной позиции Штатов, а то и в прямом союзе с ними. По аналогии с ситуацией в США и некоторых других странах, можно сказать, что спор ведут «ястребы» и «голуби». Полемика между ними в немалой степени определяет не всегда открытую область идейно-политической жизни страны, особенно потому, что она все более касается не только внешней политики и вопросов безопасности КНР, но и самих основ политического строя Китая.

Лю Ячжоу в этой дискуссии занимает промежуточную позицию, склоняясь, возможно, несколько больше в сторону «голубей». Очень

показательно в этом отношении его выступление на Куньминской военной базе перед офицерами батальонного и более высоких рангов. Он сказал, что нынешнее поколение китайских военных, на которое возлагаются надежды на будущее Родины, не должны быть ни «проамериканцами», ни «антиамериканцами», но стать зрелыми «знатоками Америки». Победить противника можно только, если знаешь его. Недооценить противника — значит недооценить себя.

США не хотят усиления Китая, как и Китай не хочет гегемонии США. В китайско-американских отношениях есть как столкновение, так и определенная общность интересов. Задача нынешних китайских дипломатов — разрешать столкновения и развивать общность. Если Китай хочет развиваться, ему нельзя рвать связи с миром. Сегодня мир — однополярный, только с упадком США может появиться многополярный мир. Китай не может ни порывать связей с Соединенными Штатами, ни возлагать на них чрезмерно большие надежды. Сейчас не слишком подходящее время для противостояния с Вашингтоном. Китаю нужно потерпеть. Но терпеть — не значит быть слабым. США, конечно, ждут не дождутся крушения социализма. Они, конечно, не хотят экономического возвышения Китая. Но следует понимать, что борьбу с противником нужно вести в самый не подходящий для него момент.

Лю Ячжоу согласен с тем, что США стремятся окружить Китай. Только, в отличие от некоторых своих коллег (например, старшего полковника ВВС Дай Сюя), он считает, что это окружение носит не только и не столько вооруженный характер, сколько характер стратегический и внешнеполитический. За последние годы, говорит Лю Ячжоу, окружающие Китай страны одна за другой изменили свой общественный строй, стали «демократическими». Среди них — Россия, Монголия, Казахстан. Еще раньше в этом же ряду оказались Южная Корея, Филиппины, Индонезия, а также Тайвань. Такая угроза для Китая, по мнению Лю Ячжоу, страшней чисто военной. Вооруженная угроза имеет, возможно, краткосрочный эффект, а окружение «демократическими» странами — эффект долгосрочный.

По его словам, США хотели бы, чтобы китайцы ввязались в междоусобную борьбу, а они сами бы со смехом наблюдали за ней. Китаю не следует также «спать на хворосте и копить злобу, дожидаясь своего часа». Учитывая численность населения, ресурсы и осо-

бенно культуру, Китай не может считаться столь же сильным, как США. Да и они не стоят на месте. Надо быть находчивыми, дипломатическая борьба должна быть находчивой. Надо самим водить за нос других и не допускать, чтобы они водили за нос тебя.

Лю Ячжоу указывает на общность судьбы Китая и США, связанную с их очень высокой взаимозависимостью. Китай, по его словам, не видит в США своего врага. Он хотел бы идти в будущее вместе с Штатами и вместе добиваться блага для народов мира. Тихий океан достаточно велик, чтобы вместить обе великие державы. Общие их интересы больше, чем расхождения между ними. Обе державы выступают за то, чтобы совместно нести ответственность по недопущению распространения ядерного оружия, противодействию изменению климата, борьбе с терроризмом, оказанию гуманитарной помощи, предотвращению эпидемий и т. д.

Выстраивание отношений нового типа между большими странами, по мнению Лю Ячжоу, это — сложный, долговременный процесс, требующий укрепления стратегического доверия между США и Китаем и сохранения достаточного терпения. Развитие многополярности мира, настаивает он, совсем не означает столкновения коренных интересов двух держав. Имеет место столкновение многополярности мира с коренными стратегическими интересами США. Но проблемы остаются проблемами, а сотрудничество — сотрудничеством. Главное — в том, чтобы находить точки совпадения интересов. Надо понимать, что мир и развитие всегда будут главной мировой тенденцией, убежден Лю Ячжоу.

Аргументируя необходимость сотрудничества с США, автор апеллирует не только к общности интересов двух держав, но и к превосходству США над Китаем в «мягкой силе». Это превосходство констатируется во многих отношениях.

Так, с точки зрения Лю Ячжоу, американская элита намного более совершенна, чем китайская. У нее лучше отлажен механизм отбора и продвижения наиболее способных людей. Трагедией Китая, на его взгляд, является то, что «в большинстве случаев те, кто обладают идеями, не принимают решений, а принимающие решения не имеют идей. У кого есть мозги, тот не обладает положением, а у обладающих положением мозгов нет. В Америке же наоборот: наверху пирамиды — часть элиты. Поэтому в США, во-первых, не соверша-

ют ошибок, во-вторых, если и допускают их, то редко и, в-третьих, могут их быстро исправить. В Китае же ошибаются часто, а исправляют просчеты с трудом»³.

Особенно высоко ставит Лю Ячжоу американскую демократию. По его словам, она проникла в кровь и плоть американцев. Такая нация более, чем какая-либо другая, достойна благоденствия, и только она заслуживает того, чтобы править в мире⁴.

По позитивному влиянию на мораль, полагает Лю Ячжоу, три китайских религии: даосизм, буддизм и конфуцианство — далеко уступают христианству. В тысячелетней конкуренции Востока и Запада, с его точки зрения, Запад победил Восток. Победила западная религия, победил западный дух.

Лю Ячжоу считает, в истории Китая не было философов и мыслителей, равных Гегелю, Сократу, Платону. На такую роль не могут претендовать ни Лао-цзы, ни Конфуций. С религиозной точки зрения конфуцианство, считает генерал, — это лжерелигия, а с философской — бюрократизированное социальное учение, причинившее немалый вред китайскому народу.

Китай, по мнению Лю Ячжоу, нельзя считать главным противником США. Столь же неверно полагать, что Соединенные Штаты считают Китай своим идеологическим противником. Они не навязывают современному миру свое господство, но устанавливают в нем порядок. Они не в состоянии господствовать над миром и добиваются не противостояния, но сотрудничества под своим руководством.

США вовлекают Китай и Россию в свой порядок и побуждают следовать установленным ими правилам игры. Эти правила ни в коей мере нельзя считать однозначно порочными. Они более рациональны, чем существовавшая раньше «большая социалистическая семья» во главе с Советским Союзом, и потому более приемлемы, чем аналогичные гегемонии, существовавшие в истории.

Лю Ячжоу не сомневается в том, что США хотели бы, чтобы Китай изменил цвет. Но он не думает, что Соединенные Штаты действительно стремятся к развалу Китая и готовы использовать для этой цели вооруженную экспансию. Они не могут в настоящее время развязать против Поднебесной войну, тем более — ядерную. Такая война превратила бы восточное полушарие в руины.

Американская стратегия в Азии состоит в том, чтобы азиаты боролись с азиатами. Им противостоят здесь два государства: Япония и Китай, но главный соперник — Япония, поскольку у нее есть реальная сила, а у Китая она — в потенци. Поэтому главные свои усилия США сосредоточивают на том, чтобы прочно контролировать Японию. И одновременно приглядывать за Китаем. У США против него есть немало козырей, но главный из них — Япония. Больше всего они боятся сближения этих двух стран.

Поэтому Японии в выступлениях и статьях Лю Ячжоу уделено большое внимание. Особенно подробно он рассматривает три темы: факторы, способствовавшие модернизации этой страны, отношения с Китаем и перспективы отношений с Россией.

Сравнение Китая с Японией Лю Ячжоу использует для утверждения либерального взгляда на развитие⁵. В числе показателей, стимулирующих, определяющих презрительное, как он считает, отношение японцев к Китаю, упоминаются очень низкий, сравнительно с Японией, уровень его национального дохода на душу населения и, напротив, чрезмерно высокие расходы энергии на единицу произведенной продукции. Называются также широко распространенная в Китае неграмотность населения, низкая доля расходов на образование, сильное загрязнение окружающей среды, массовая коррупция. Япония — страна с самыми свободными в Азии СМИ, тогда как Китай занимает по этому показателю 173-е место из 193. До Цинов к японцам презрительно относились как к морским разбойникам и восточным варварам. Японская культура — всего лишь ответвление ханьской и танской цивилизаций.

Что же позволило им так возвыситься, задает вопрос Лю Ячжоу. И отвечает на него в чисто либеральном ключе, Это — преимущество строя, который позволяет отдавать человеку свои силы и разум во имя благоденствия страны. Отбраковывать худшее и сохранять лучшее. Слабость китайцев на протяжении двух столетий, утверждает Лю Ячжоу, — это слабость строя. Поражения Китая — в поражении политических институтов. Доказательством этого тезиса служит печальный опыт японо-китайской войны 1894 г., 120-летие которой отмечалось на семинаре, состоявшемся 3 июня 2014 г в Национальном университете обороны⁶.

В то время как Япония открыла ворота западным учениям, китайцы считали свое учение основным, а западные — прикладными. Когда весь японский народ, затянув пояса, создавал военно-морской флот, китайцы курили опиум. Сегодня коррупция и казнокрадство в Японии распространены намного меньше, чем в Китае. Информационные потоки перетекают значительно свободнее. Созидательные силы нации в Японии востребованы, а в Китае свободная мысль подавляется в зародыше.

Столь большие различия гуманитарных и социальных систем не могут не отразиться, говорит Лю Ячжоу, на качестве гражданского общества, на совокупной национальной мощи. Расчет на то, что достаточно ввезти западные технологии, «жесткие компоненты», что можно отделить эти передовые технологии от порождающей их передовой гуманитарной обстановки, со времен «движения за использование иностранного опыта в интересах отечества» и до нынешней политики реформ и открытости, раз за разом доказывал, что он ведет китайскую нацию по пути отсталости и унижения. И все же сегодня находятся люди, упрямо требующие идти по этому пути. Сопоставление национальной мощи разных стран, в конечном счете, должно исходить из сопоставления их политического строя. Его отсталость нужно ставить выше экономической эффективности. С отсталостью политического строя дольше мириться нельзя, заключает Лю Ячжоу.

Он прогнозирует, что в течение 10 лет неизбежно произойдет переход от авторитаризма к демократии, в Китае наступят великие перемены. Реформа политической системы — веление истории, отступить нельзя. Если строй не способен дать гражданам свободно дышать, максимально высвободить творческие силы граждан, не позволяет людям, наиболее способным представлять народ, занимать руководящие посты, он обречен⁷.

В ответ на провокационные выпады японских правых сил против Китая Лю Ячжоу советует всем гражданам КНР, сверху донизу понять глубинные причины китайской отсталости и унижений со стороны японцев и двинуть вперед реформы и преобразования политической системы, которые действительно могут способствовать возвышению китайской нации. Для развертывания диалога между правительством и обществом, достижения общего согласия реко-

мендуется создать специальный механизм. Предлагается также принять закон, немедленно и безоговорочно отменяющий и аннулирующий все прежние договоры и соглашения об отказе от выплаты японских репараций. Считается необходимым всенародно поддерживать жесткую политику правительства по отношению к Японии, не допустить разработку ею нефтяных и газовых месторождений в Восточно-Китайском море и в случае необходимости отправить флот для охраны морских рубежей Китая. Намечается провести переговоры с японским правительством о военных репарациях за преступления, совершенные Японией о время Второй мировой войны и японской агрессии в Китае. Японскому правительству следует жестко указать, что военные репарации — предпосылка признания вины за военные преступления, а проблемы островов Дяюйдао, учебников по истории, посещения храма Якусуни и членства в Совете Безопасности ООН могут стать предметом переговоров.

По поводу того, в каком направлении может канализироваться японская экспансия, у Лю Ячжоу есть свои соображения. Япония, отмечает он, небольшая страна, бедная ресурсами. Ради обретения ресурсов была предпринята агрессия против Китая. Сегодня такая возможность исключена. Не только потому, что Китай силен, но и потому, что ему самому все более не хватает ресурсов. Поэтому в случае возрождения японского милитаризма наиболее вероятно, что он будет искать жизненно необходимые ресурсы в Сибири и АТР. При ослаблении давления Китая на Японию возрастет вероятность ее столкновения с США. Япония — враг Китая, объясняет Лю Ячжоу свою позицию, но враг не сильный, а цель Китая — обуздать большого врага, не сдерживая малого. Адекватное укрепление самостоятельности Страны восходящего солнца, по мнению Лю, благоприятно для безопасности Китая. Сильной Японии легче противостоять, чем японо-американскому союзу. Независимая, она может стать буфером в китайско-американских отношениях.

Чтобы стимулировать решимость Японии двигаться в северном направлении, Лю Ячжоу предлагает также обдумать возможную поддержку Китаем японских требований о возврате четырех северных островов. Более того, он размышляет также о возможной в недалеком будущем схватке между Японией и Россией за Сибирь. Для установления контроля над этим краем Япония, помимо инвестиций, может

также тайком поддержать местных раскольников, выступавших во время развала Советского Союза за независимость Сибири, за создание «Амурской республики». При реализации такого сценария либо понесут урон обе стороны, либо Россия еще более ослабнет и, в конце концов, будет вынуждена уйти из Азии. Если же Россия будет готова предоставить Японии возможность осваивать Сибирь в одиночку, то Китай может предложить проект трехстороннего сотрудничества. И однажды, войдя в этот регион, он уже его не покинет.

Лю Ячжоу утверждает, что в течение почти полутора сотен лет Китай жил под тяжким российским давлением. Только развал Советского Союза ослабил этот прессинг. Он характеризует русских как нацию экспансионистскую, но обладающую сильным духом самовосстановления. Территория России сильно уменьшилась, и в дальнейшем, полагает Лю Ячжоу, она может еще более сократиться, но люди обрели больше свободы, и это может стать двигателем нового подъема России. Китай может воспользоваться поддержкой РФ только в том случае, если она не слишком ослабнет. Россия не должна укрепиться в такой степени, чтобы угрожать Китаю, но и не ослабнуть настолько, чтобы целиком опереться на США.

Лю Ячжоу выступает за всемерную, безоговорочную и безусловную поддержку Пакистана. Индия, по его словам, не сможет противостоять совместному наступлению Китая и Пакистана. Поддержка Пакистана не только будет сдерживать Индию, но и даст выход к Индийскому океану, который станет новой границей Китая. Кроме того, согласно концепции Хантингтона, смыкание конфуцианской культуры Китая с мусульманской культурой несет огромную угрозу христианским странам. Это означает, что улучшение отношений с мусульманскими странами представляет мощное оружие в противостоянии Западу.

Что касается Индии, то она, по мнению Лю Ячжоу, не имеет далеко идущих целей глобальной стратегии. С момента обретения независимости Индия вела оппортунистическую политику. Ее великодержавные чаяния основаны на нереалистичной мечте — победить Китай. Ему же, убежден Лю Ячжоу, не следует уделять Индии слишком большого внимания. Возможная в будущем война между Китаем и Индией будет вестись не из-за территории, а из-за источников воды.

Касаясь Корейского полуострова, Лю Ячжоу заявляет себя сторонником сохранения раскола двух корейских государств. Попытки объединения под эгидой Южной Кореи почти неизбежно приведут к войне.

Критическое обсуждение взглядов Лю Ячжоу в китайском Интернете продолжается уже несколько лет, то усиливаясь, то на некоторое время утихая. В последнее время ему придало дополнительный импульс новое назначение генерала на высокий пост.

Наибольшее неприятие вызывает уничтожение китайской цивилизации и культуры, очернение всего, что на протяжении долгих веков помогало нации сохранять свое единство и целостность. Во многих откликах подчеркивается, что, лишая Китай его духовных корней, Лю Ячжоу фактически оставляет для него единственный выход — всестороннюю и полную вестернизацию.

Проамериканская ориентация генерала, по мнению оппонентов, лишает его возможности трезво судить о достоинствах и недостатках, об успехах и неудачах главного глобального соперника Китая, в том числе и в военном отношении. Вольно или невольно Лю Ячжоу внушает мысль о неодолимости США. Если это так, говорят критики подобного подхода, то заявления Пекина, что при определенных условиях он готов применить силу, если, например, Тайвань провозгласит свою независимость, оказываются пустыми словами.

Идея японо-китайского сближения наталкивается на широко распространенные в китайском обществе антияпонские настроения, подпитываемые и исторической памятью о зверствах японских оккупантов в период антияпонской войны.

Осуждению подвергается концепция военного продвижения на запад, способная, как полагают, привести к развалу собственной страны, как это уже было в XIX в. Продвижение в западном направлении, настаивают критики, может быть исключительно экономическим. Оно должно служить стабилизации этого региона в единении с исламской, российской, индийской цивилизациями.

В целом можно заключить, что идеи генерала Лю Ячжоу лишь дополнительно подпитывают распространенные в мире опасения «китайской угрозы» и сеют сомнения среди тех, кто искренне приветствует движение к возрождению китайской нации и поддерживает ее стремление занять ведущее место в мировой экономике, политике, культуре.

Литература

¹ Лю Ячжоу цзянцзюнь чжаньлюе сысян. [Стратегические идеи генерала Лю Ячжоу]. URL: <http://lyzwit.blog.163.com/blog/static/1764034352012104115534652>

² Лю Ячжоу. Чжунго жухэ дацзао синь и лунь чжаньлюе цзюй цзи [Как Китаю создать новый этап стратегических возможностей]. URL: <http://lyzwit.blog.163.com/blog/static/1764034352015150121914/>

³ Лю Ячжоу. Мэйго чжэньчжэн ды кэпа чжи чу цзай нали? [В чем подлинная опасность США?] Синь танжэнь. 09.08.2009. URL: <http://www.ntdtv.com/xtr/gb/2009/08/09/a329314.html>

⁴ Там же.

⁵ Лю Ячжоу. Юй жэнь цунь во би сянь цзы цунь [Хочешь, чтобы люди уважали тебя, уважай себя сам]. Чжунго баодао чжоукань. 31.10.2010. URL: <http://www.china-week.com/html/5758.htm>

⁶ Лю Ячжоу. Цзя у чжаньчжэн Чжунго шибай ши чжиду ды шибай [Поражение Китая в войне 1894 г. — это поражение институтов]. Фэнхуан дасюэ вэнькань. 08.08.2014. № 107. URL: <http://news.ifeng.com/exclusive/lecture/special/liuyazhou/>

⁷ Лю Ячжоу цзянцзюнь чжаньлюе сысян. [Стратегические идеи генерала Лю Ячжоу]... Указ. соч.

Е.И. Сафронова*

К ВОПРОСУ О ТРАКТОВКЕ «МЯГКОЙ СИЛЫ» И ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТИ ЕЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ НА ПРОСТРАНСТВЕ ШОС

Охарактеризовав наиболее распространенные в мировой политологии трактовки понятия «мягкая сила» (МС) и предложив свое понимание этого термина, автор исследует черты современной МС Китая в ШОС и выдвигает для профильных ведомств целый ряд рекомендаций по повышению эффективности «мягкосиловых» усилий России на пространстве организации и не только.

Ключевые слова: Шанхайская организация сотрудничества, Россия, Китай, «мягкая сила», гуманитарные связи, внешнеполитические интересы, «народная дипломатия», культурный обмен, Дж. Най.

Трактовка «мягкой силы» российскими и китайскими экспертами

Создание Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) в 2002 г. планировалось Китаем для несилового, юридически фундированного, взаимоприемлемого проникновения КНР на экономическое пространство Центральной Азии (ЦА). И в данном смысле

---

* Сафронова Елена Ильинична, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник ИДВ РАН.

ШОС — это есть плод китайской «мягкой силы». В частности, это можно аргументировать тем, что Пекин предложил для организации протоидеологическую платформу: тезис о «шанхайском духе», подразумевающий гармоничный мир, взаимодоверие, взаимовыгоду, равноправие, учет мнений друг друга с помощью консультаций, уважение многообразия культур и стремление к совместному развитию¹.

ШОС — это организация, которой КНР не хочет придавать роль военного союза, т. е. инструмента силы «жесткой». На пространстве Шанхайского форума Пекин допускает возможность применения последней только вынужденно, дискретно и в исключительных случаях (массированные выступления террористических сил). Пожалуй, можно сказать, что ШОС для Китая представляет собой и некий зачаток и попытку формирования «умной силы», т. е. способности адекватно, уместно и эффективно сочетать в международных отношениях «мягкую» и «жесткую» силы.

Здесь может возникнуть вполне резонный вопрос: «Какие же могут быть сомнения в том, что использование “мягкой силы”, исключаящей задействование силового, агрессивного подхода, да еще в среде дружественных стран, целесообразно и полезно?» Но если вникнуть в суть того, как трактуется «мягкая сила» (МС) разными странами ШОС, то все может оказаться не так уж и просто.

В своей седьмой предвыборной статье «Россия и меняющийся мир» В. Путин, пожалуй, впервые отметил необходимость использовать в дипломатической работе «мягкую силу», определяемую как «комплекс инструментов и методов достижения внешнеполитических целей без применения оружия, а за счет информационных и других рычагов воздействия»².

На июльском совещании послов (2012 г.) президент РФ назвал принцип применения МС, заключающийся в продвижении «своих интересов и подходов путем убеждения и привлечения симпатий к своей стране, основываясь на ее достижениях не только в материальной, но и в духовной культуре и интеллектуальной сфере»³.

В Концепции внешней политики России МС определяется как «комплексный инструментальный решения внешнеполитических задач с опорой на возможности гражданского общества, информационно-коммуникационные, гуманитарные и другие альтернативные классической дипломатии методы...»⁴.

И если понимать МС как инструментарий средств и методов, используемый для продвижения международных интересов страны несиловыми методами, то здесь вопросов немного. Единственное, что требует уточнения, — это спектр и сфера применения такого инструментария. Исходя из того, что говорилось президентом РФ В. Путиным, МС — это цивилизованная, открытая работа гуманитарных и благотворительных неправительственных организаций. «У России ... есть такие институты — Россотрудничество, фонд “Русский мир”, наши ведущие университеты, расширяющие поиск талантливых абитуриентов за рубежом»⁵.

Следовательно, МС подразумевает задействование таких средств и методов, которые способствуют расширению гуманитарного сотрудничества, контактов по линии «народной» или «публичной» дипломатии, позитивизации имиджа России в восприятии страны-партнера. И чем успешнее развиваются эти направления международной активности РФ, тем легче становится дружественное проникновение нашей страны во многие сферы жизни государств-контрагентов; улучшается и облагораживается общая среда для реализации масштабных совместных проектов и в других областях: политической, стратегической, экономической.

Термин «мягкая сила» — это дословный перевод английского словосочетания *soft power*, введенный в мировой политологический оборот американским исследователем Дж. Наем в начале 1990-х годов. Однако в английском языке *power* означает не только силу, но и власть, правление, владение, гегемонию.

То есть под «мягкой силой» (здесь — «мягким правлением») можно понимать не просто инструментарий, но и задачу по обретению власти несиловыми методами. В принципе это и имелось в виду основоположником идеи *soft power* Дж. Наем.

Видимо, учтя двойственность исходного термина *soft power*, руководитель Россотрудничества К. Косачёв в своем выступлении на Втором форуме АТР в 2012 г. отметил, что «само выдвигание собственных ценностей в ранг глобального эталона — задача и результат действия “мягкой силы”»⁶.

Автор разделяет мнение о том, что высшая функция МС заключается не просто в привлечении внимания партнера к своим достижениям и привитии ему лучшего представления о себе, но в грамот-

ной выработке нужной идеи, адаптации ее к сознанию принимающего субъекта международных отношений (МО), побуждении партнера по МО воспринять эту идею как свою собственную и через это — что главное — в поощрении его к нужному действию (законы социальной психологии в работе)!

Справедливости ради отметим, что сами по себе задумки о нейтрализации противника с помощью манипулирования массовым сознанием не новы: в Европе они присутствовали в работах Н. Макиавелли, о ненасильственном правлении говорили и французские просветители, и Л. Толстой; в Азии — М. Ганди.

Следует также подчеркнуть, что в Китае протоидеи «мягкой силы» выдвигались еще в учениях древних философов в виде принципа ненасилия, ныне ставшего основным постулатом китайской МС. Предлагались и такие смежные ему принципы, как: завоевать уважение через добродетель (yi de fu ren); милосердное управление (wang dao); мир и гармония (he); гармония без подавления различий (he er bu tong); главное — это человек (yi ren wei ben); гармония между природой и человеком (tian ren he yi)⁷.

Однако до сих пор в мировой политологии, включая и российский, и китайский ее сегмент, единой трактовки МС нет. В том виде как она прозвучала на XVII съезде КПК из уст Ху Цзиньтао — «повышать мягкую мощь государства в лице культуры», — эта трактовка была представлена четырьмя тезисами, три из которых относились к культуре и один (первый) — к идеологии. Вкратце они звучат так:

1) «увеличивать притягательные силы социалистической идеологии» (в частности, имелась в виду необходимость «укреплять руководящее положение марксизма, неустанно вооружать всю партию новейшими достижениями китаизированного марксизма и воспитывать народ в его духе», «стимулировать развитие и процветание философии и общественных наук... Поощрять научных работников в области философии и общественных наук играть роль мозговых центров в деле партии и народа, стимулировать выход на *международную арену* (выделено авт.) выдающихся достижений и талантливых людей из их среды»;

2) «формировать гармоничную культуру, воспитывать цивилизованные нравы»;

3) «широко распространять национальную культуру»;

4) «продвигать новаторство в культуре, усилить жизненную силу развития культуры»⁸.

Такое понимание МС близко к ее интерпретации Дж. Наем, полагавшим, что «мягкая сила» — это способность добиваться желаемых результатов при помощи убеждения, привлекательности собственного имиджа, а не принуждения или подкупа⁹.

В современной КНР в основе «мягкой силы» усматриваются три компонента: культурный диалог со странами-партнерами; объективное (несиловое, но обусловленное экономическими успехами) лидерство в развивающемся мире, оказание гуманитарной и технологической помощи государствам «третьего мира»; проведение на мировой арене политики сотрудничества со всеми странами.

При этом культурный компонент реализуется с помощью потенциала китайских эмигрантов (хуацяо), «народной дипломатии», распространения китайского языка в мире, в частности через институты Конфуция и СМИ¹⁰.

В свете этих положений возникает вопрос, чем же механизм «мягкой силы» ныне отличается от гуманитарного сотрудничества, «народной дипломатии» (НД) и имидж-мейкерской работы государства?

Это отличие заключается в сущности и содержании конечной цели, которую необходимо достичь. Цель гуманитарного сотрудничества и НД — формирование климата доверия как благоприятной среды для более масштабных политико-стратегических и экономических инициатив, улучшение образа страны в мировом восприятии. А в случае МС — это овладение умами в государстве-контрагенте настолько, чтобы оно не просто одобряло *modus vivendi* и *modus operandi* страны-партнера, но и добровольно приняло бы их как модели для подражания. То есть весь вопрос — в наличии или отсутствии общности мировосприятия, объединяющего партнеров не столько из-за соображений выгоды, сколько на базе идейного альянса. И именно обретение мировоззренческого «стержня», на наш взгляд, возводит гуманитарное сотрудничество в ранг «мягкой силы».

Сравнительно недавно в КНР трактовка «мягкой силы» (*жуань шили*) получила примечательную динамику. 11 января 2013 г. официальное издание ЦК КПК «Жэньминь жибао» опубликовало знаковую статью «Китайская модель разрушает гегемонию “общечело-

веческих ценностей”», где, по сути, выдвигается новая идеологема глобального «прицела». Согласно статье, Китай способен: а) сочетая лучшие элементы первозданной китайской культуры и развивая уже проникшие в китайскую цивилизацию элементы западной культуры, «пойти навстречу всему миру»; б) отбросив «миф об общечеловеческих ценностях», создать систему ценностей, реально близкую всему человечеству; в) сформировать «новую общечеловеческую цивилизацию» и, «став флагманом новой, постзападной эпохи, создать предпосылки для вечного развития всего человечества в мире, где Китай будет помощником и наставником каждого»¹¹.

Похоже, что Пекин от выработки концептуального «остова» для МС переходит к возведению своих идейных воззрений в ранг общемировых, что до сих пор делали только сверхдержавы. МС для КНР — уже не набор культурно-гуманитарных стимулов, побуждающих партнеров добровольно принимать волю Китая в силу привлекательности его образа жизни и поведенческого кода. Это — механизм и результат достижения мегацели по формированию «новой цивилизации».

Если такая концепция «жуань шили» [где *шили* в переводе не столько сила, сколько власть (power)] воистину претендует на роль краеугольной идеологической установки, то это само по себе знаковая тенденция. Не подает ли Китай сигнал всему миру, каков его истинный геостратегический «замах»? И не поспешил ли он с этим? Если Китай придаст «мягкой силе» в последней ее интерпретации роль идеолого-стратегической установки, то это может иметь контрпродуктивный эффект. Да, любая глобальная держава стремится продвигать свои идейные ценности, но перспективы стать частью «новой общечеловеческой цивилизации», сформированной под китайским патронатом, вряд ли привлекут всех мировых акторов, включая РФ. Вероятна реанимация страхов перед «желтой угрозой», которые Китай как раз и старался развеять своей «мягкой силой». Чересчур откровенная идеологизация этой концепции может стать имидж-мейкерским просчетом, и нам следует это учитывать.

В любом случае, продвигать свое видение мира — дело крайне сложное, особенно в условиях распространенности западных ценностей, успешно продавливаемых материальными и культурными брэндами и массивными финансовыми вливаниями. Кроме

того, Китай сейчас сам находится на этапе глубокой экономической и социальной подвижности (и даже неопределенности) и где он еще не пришел к собственному унифицированному пониманию МС. Для начала во имя успешности «мягкосиловых» инициатив Пекину предстоит не только нивелировать опасения немалой части мирового сообщества относительно так называемой желтой угрозы, но и проявить особую гибкость и софистицированность своей международной активности, расширив ее «комплектацию» и увеличив число направлений работы. Немалообещающим представляется продвижение Китаем идеи гармоничных международных отношений, которая, видимо, призвана выразить суть и цель политики «мягкой силы» и отражает состояние согласованности между внутренней ситуацией и ее проекцией на мировой арене.

Инструментарий «мягкой силы» Китая на мировой арене

Если понимать МС как инструментарий средств и методов, о которых уже говорилось, то думается, что она вполне способна иметь естественно-своевременный характер: МС логичным образом выдвигается на передний план там, где исчерпали свой потенциал или просто невозможны методы «жесткой силы». (Сейчас для КНР неприемлемо широкое применение военной силы в международных отношениях, даже при решении территориальных споров и проблем суверенитета.) И тогда МС становится, в общем-то, компенсаторной мерой, вынужденно призванной облегчить стране-носителю решение его внешнеполитических и внешнеэкономических задач.

Помимо ее «бескровного» характера, еще одним очевидным преимуществом МС является то, что она дает возможность внедрения в интересующую страну без провоцирования опасений со стороны третьих государств-конкурентов. Так, на территории ШОС Индий было объявлено о намерении построить и оснастить в Таджикистане военный госпиталь, а в Киргизии — центр обучения миротворцев ООН¹². Акции гуманные, не могущие вызвать нареканий со стороны полноправных членов организации и при всем при этом — обеспечивающее непосредственное присутствие в государстве-реципиенте.

Однако в отличие от «жесткой силы» МС — явление весьма хрупкое и деликатное: ее применение приносит ощутимые плоды только по истечении многих лет, а то и десятилетий, но ее достижения можно развеять за считанные месяцы. Например, тот факт, что находящемуся в заключении китайскому правозащитнику Лю Сяобо не было разрешено не только присутствовать на церемонии вручения присужденной ему Нобелевской премии, но и получить ее хотя бы через родных и близких¹³, а также задержание художника-«диссидента» Ай Вэйвэя¹⁴ (впоследствии освобожденного под залог) и действия, предпринятые Пекином в 2010—2013 гг. в свете территориальных споров в Южно- и Восточно-Китайском морях (включая расширение зоны опознавания ПВО) — все это нанесло ощутимый удар по возводимой твердыне «мягкосиловой» политики КНР.

Зарубежные СМИ обращают внимание на непоследовательность соответствующих акций Пекина. Так, «ничтожно малый» размер материальной помощи, предоставленной Маниле для ликвидации последствий разрушительного тайфуна ноября 2013 г. и нежелание КНР направить «простаивающий» корабль-госпиталь к берегам Филиппин объясняется в зарубежных СМИ «мстью» Пекина за настойчивость Манилы в вопросе о размерах исключительной экономической зоны Филиппин¹⁵. К слову, размер этой помощи — 100 тыс. долл. непосредственно и 100 тыс. через Международное общество Красного Креста¹⁶ — не так уж и мал. Современность знает и примеры гораздо менее щедрой помощи жертвам катаклизмов даже от развитых стран, но для определенных СМИ главное — вбросить мысль о недостатках «мягкосилового» курса Китая, и это, надо признать, находит отклик у немалой части целевой аудитории.

Одним из наиболее известных и масштабных «мягкосиловых» проектов Пекина является создание глобальной сети институтов Конфуция (ИК). К 2020 г. Китай планирует открыть тысячу таких учреждений¹⁷. Обвинениям в том, что ИК выполняют разведывательную функцию и имеют своей целью вытеснить Тайвань из международного гуманитарного общения (так как в этих институтах китайская иероглифическая письменность преподается в упрощенном виде, принятом в КНР, а не в полном написании, употребляемом на Тайване), можно противопоставить тот умиротворяющий аргумент,

что увеличение числа ИК на всех континентах является одной из форм открытости Китая внешнему миру¹⁸.

КНР старается перенять и правильно применить опыт МС, наработанный другими странами. Так, в 2009 г. был спущен на воду плавучий госпиталь двойного назначения «Ship 866» — «уменьшенная копия» американских плавучих госпиталей *Comfort u Mercy*, — который в 2010 г. во время нахождения в Индийском океане оказывал медицинскую помощь и проводил санинструктаж в ряде стран Африки и в Бангладеш¹⁹.

И, конечно же, Китай не скупится на внешнеполитическую пропаганду. По нашим оценкам, он тратит на соответствующие цели до 10 млрд долл. в год. Из них — 7 млрд на зарубежное вещание (радио, ТВ, другие СМИ), вплоть до использования электронных рекламных щитов, миллионы долларов на финансирование институтов Конфуция и немалые средства на образовательные проекты, обмен студентами и преподавателями²⁰. Кроме того, в некоторых вузах КНР «народная (публичная) дипломатия» преподается как учебный предмет в целях подготовки молодого поколения экспертов по соответствующей проблематике²¹.

Китайская мировая «образовательная экспансия» как механизм «народной дипломатии», да и «мягкой силы» в целом, развивается достаточно успешно: по данным ЮНЕСКО, число китайских студентов за рубежом составляет 14 % от общемирового показателя, превращая Китай в крупнейшего «поставщика» студентов-иностранцев. За период 2000—2011 гг. общее количество китайских студентов, обучающихся за границей, приблизилось к 2 млн человек²². В США наибольшее количество обладателей степени PhD неамериканского происхождения приходится на выходцев из КНР²³.

В Китай возвращается более трети обучившихся²⁴, но это, по всей видимости, не особенно беспокоит Пекин, в частности потому, что оставшиеся представляют собой ресурс и резерв «мягкой силы» Китая за рубежом.

В целом в мировой политологии в качестве факторов успешности МС называются: наличие общедоступных и привлекательных культурных ценностей и удачной внутренней модели развития, обеспечивающей устойчивый экономический рост и единство общества, эффективных политических институтов, привлекательного между-

народного имиджа, качественного образования и здравоохранения, технико-технологического прогресса и проведение дружественной внешней политики. В Китае немало специалистов, разделяющих эту точку зрения²⁵.

Российский подход к использованию «мягкой силы»

В России «мягкой силе» отводится роль механизма демпфирования международных проблем и позитивизации международного образа РФ через ресурсы гуманитарного диалога, НД и СМИ. «Простое» гуманитарное сотрудничество, «народная дипломатия», а также усилия по позитивизации образа страны за рубежом — вот «три кита», на которых обычно зиждется «мягкая сила» в понимании СМИ и многих политологов в РФ.

На наш взгляд, это триединство может быть реально возведено в ранг «мягкой силы» только в том случае, если оно будет дополнено четвертым компонентом — мировоззренческой установкой продуцирующего их государства. Установкой, согласно которой это государство четко будет представлять себе, какие именно политические, экономические и иные цели оно намерено достичь несиловыми методами.

Могут ли свод его морально-этических и культурных ценностей, а также модель социально-экономического развития привлечь к себе международных партнеров и побудить их следовать в русле его политики по причине общественно-политической и культурной привлекательности этого государства, а не по принуждению? Этот вопрос представляется достаточно серьезным, ибо если страна, позиционирующая себя как глобальная держава, не способна предложить миру руководящую идеологию универсального характера, основанную на этических и культурных ценностях, то ее глобальный статус с трудом будет признан мировым сообществом. И ее собственное развитие вряд ли будет устойчивым, а значит, окажется лишним объединяющей мотивации для народа.

Есть ли у России такая мировоззренческая установка или, говоря определеннее, — идеология? Найдена ли ею успешная модель социально-экономического развития? Видимо, это те вопросы, на ко-

торые стоит ответить, если мы хотим высокой эффективности и осмысленности нашей «мягкой силы».

На настоящий момент в РФ жизнестойкая конкурентоспособная идеология, с которой она могла бы выйти на международную арену, не изыскана. Официальная доктрина, порой возводимая в ранг национальной идеи, заключается в том, что мы строим социально ориентированное рыночное общество. Однако одной такой декларации явно недостаточно. Пока у России нет собственной передовой идеологии, вся ее «мягкая сила» будет сведена к гуманитарному сотрудничеству и демонстрационным акциям по созданию внешнего позитивного международного образа.

А полномасштабная МС, как уже отмечалось, — это не просто гуманитарное взаимодействие, но и внедрение в мировое общественное сознание своего мировоззрения и продвижение своей модели социально-экономического развития как образца для подражания. Поэтому можно сказать, что перед РФ ныне стоит двуединая задача: найти и продвинуть свою идеологию, с одной стороны, и заглушить мировоззренческие атаки её недругов — с другой. Современная МС предполагает массированное использование новейших информационных технологий. И в этом плане у нас наблюдается отставание от США и даже от Китая, отсекающего контрпропаганду противника путем контроля над национальным Интернетом.

Некоторые соображения-рекомендации по поводу применения «мягкой силы» Россией на пространстве ШОС

1. На западном направлении РФ сталкивается с теми же проблемами, что и Китай: и к КНР и к РФ есть претензии к состоянию дел с правами человека, нежеланием поддерживать пронататовские инициативы в ООН и проч.

Тем не менее при продвижении своего международного имиджа РФ не следует слишком зависеть от того, что о нас думают западные элиты. Россия всегда была и будет непривлекательной для Запада, пока не изменится в удобную ему сторону. Мы полагаем, что позитивизация имиджа не должна проводиться ценой ущерба национально-государственным интересам РФ.

Ввиду этого предлагается перенести центр тяжести имидж-мейкерской работы на Восток, ибо там сейчас находятся благодатная почва для этого и благодарный слушатель, заинтересованный в культурном узнавании России и широких контактах с ней по всем направлениям. В китайской официальной прессе всегда в благожелательном тоне освещаются события культурного обмена России и КНР. Поэтому можно сказать, что китайские СМИ сами эффективно и добровольно продвигают имидж РФ без каких-либо дополнительных стимулов с нашей стороны²⁶. Следует помнить, что (пока) МС может быть эффективна в отношении только тех стран, которые готовы ее адекватно воспринять! Поэтому видится бесполезным распространить «мягкосиловые» акции и на те развивающиеся страны, где необратимая «промывка мозгов Западом» не состоялась из-за меньшей «интересности» этих государств для ЕС и США.

Не пренебрегая своим имиджем в «третьем мире», следует помнить и об опыте КНР, которая с первых же дней своего существования культивирует партнерскую среду даже из небогатых, оставленных «на обочине» исторического процесса развивающихся государств. Это к настоящему времени обеспечило ей широкую поддержку со стороны «третьего мира» в ООН, в других международных структурах и ныне облегчает реализацию многих международных экономических инициатив.

2. В диалоге с китайской стороной и другими странами ШОС было бы целесообразно:

а) деликатно, но настойчиво и убедительно характеризовать наши обеспокоенности и те цели, которые мы хотим достичь во имя наших национальных интересов. Неуместное замалчивание намерений и недопущение разумной транспарентности в двусторонних связях отрицательно сказываются на эффективности нашей «мягкосиловой» работы. И не следует упускать из виду и то, что умение четко обозначать свои интересы и грамотно ставить условия — это не проявления давления, а тоже механизмы «мягкой силы», которыми не следует пренебрегать;

б) в разрешении межгосударственных проблем видится целесообразным не только подробное разъяснение наших интересов и позиций, но и оперативное реагирование на обеспокоенности стороны-партнера путем незамедлительного предъявления своего видения

ситуации, возможных путей выхода из нее и вероятных компромиссов. Следует отметить, что КНР практикует именно такой стиль работы со многими своими контрагентами (в частности, в «третьем мире», благодаря чему ей удастся купировать возникающие обвинения в «китайском неокOLONIALИЗМЕ»).

3. В работе на широкие массы населения, не очень подготовленного к пониманию официального языка переговоров, через СМИ следует доходчиво объяснять, чем *выгодно* простому человеку сотрудничество с нашей страной. Необходимо учитывать специфику восприятия рядового потребителя информации, заключающуюся в том, что терминология официальных документов и заявлений не оседает в массовом сознании.

4. Китайская «мягкая сила» сейчас более эффективна не на западном направлении, а в «третьем мире». Но Центральная Азия — это тот островок развивающейся зоны, где «мягкосиловое» влияние РФ превосходит соответствующее влияние Китая. Пекин это прекрасно понимает, и поэтому создает специальные гуманитарные программы для государств Шанхайского форума, в частности по подготовке специалистов по ШОС, обучению их китайскому языку, увеличению числа стипендий для студентов из центральноазиатских стран.

Для России в Центрально-Азиатском регионе (ЦАР) важно не столько убедить его население в своей международной привлекательности, ибо она и так достаточно привлекательна своим «работодательным» потенциалом, сколько восстановить единое с ним культурное пространство, во многом опирающееся на сохранение русского языка! Здесь возможности у РФ есть. Так, в Казахстане, по данным Gallup, рейтинги новостных программ на русском в разы выше, чем у аналогичной продукции на казахском языке. В странах ЦАР смотрят либо ретранслируемые российские каналы, либо закупленную местными телевещателями российскую продукцию. В свое время репортажи и передачи российских каналов оказали заметное влияние на падение режима Бакиева, рост антиамериканских настроений в Киргизии и изменение статуса авиационной базы «Манас»²⁷.

В регионе пользуется спросом и русскоязычная печатная продукция: так, в Казахстане 75—90 % книг, поступающих в продажу,

ввозятся из России. В Киргизии на российские научные и научно-популярные книги приходится примерно 70—75 % библиотечных фондов в Бишкеке. Сохранение русского языка в Центральной Азии — мощное конкурентное преимущество, которое трудно переоценить²⁸.

Не следует забывать о гуманитарной силе самого массового из искусств — кино. Следует поддерживать интерес к русскому языку с помощью продукции нашей киноиндустрии, продумать возможность осуществления совместных кинопроектов и поощрять проношение телеканалов из стран ЦА в Россию.

У РФ больше возможностей для представительства на кинематографическом и телевизионном рынке ШОС, особенно в ее центральноазиатском сегменте, чем у Китая, и это обстоятельство также следует использовать. У КНР есть сложности в продвижении своей кинопродукции за рубеж в силу специфики китайского образа жизни, особой сложности языка и недостатка опыта в киноэкспорте. Так, в 2011 г. китайская киноиндустрия выпустила 791 фильм, но только 52 из них оказались пригодны для продажи за рубеж. И поскольку 50 картин было снято в совместном формате, то истинно китайской «культурной продукцией» оказались только два фильма. Сборы от показа китайских кинокартин в США составили в том же году 400 тыс. долл., а вот 21 американский фильм, показанный в КНР, принес киноиндустрии США 780 млн долл. Кроме того, в Китае было снято 15 тыс. серий телесериалов (самый высокий показатель в мире в 2011 г.), но их продажа за рубеж принесла стране только 12 млн долл. — вдвое меньше, чем зарабатывает на телесериалах Южная Корея²⁹.

5. Для поддержания использования русского языка в Центральной Азии и, следовательно, недопущения сокращения культурного пространства нашей страны в постсоветском ареале, видится целесообразной разработка продуманной стипендиальной и грантовой политики, предусматривающей целевое обучение специалистов из ЦА русскому языку с целью преподавания его на их родине или работы в местных русскоязычных СМИ. Также следует особо продумать систему отбора кандидатов на такое обучение ввиду того, что возможности выбора, которые были в советское время, в силу объективных причин сейчас значительно сокращены.

6. В «мягкосиловой» деятельности на пространстве Центральной Азии следует воспользоваться тем шансом, который дает отставание этого региона в развитии и использовании современных информационно-коммуникационных технологий. По причине этого отставания традиционные методы пропаганды и агитации, широчайший опыт которых у России наработан исторически, могут применяться в этом сегменте ШОС еще довольно успешно.

7. Не следует упускать из виду и такой фактор, как «созидательная эмоциональная сила толпы». Массовое неуправляемое сосредоточение людей может обладать не только разрушительной, но и позитивной силой, если суметь вовремя «вбросить» в него нужную мысль или наглядную картину. Поэтому энергия красочных массовых зрелищ под конструктивными лозунгами способна сыграть свою положительную роль. В Китае испокон веков умеют организовывать массовые зрелища и использовать их в нужном ключе, т. е. задействовать в гуманитарной деятельности эмоциональную составляющую. Это являет собой продуктивный шаг с точки зрения социальной психологии тоже. Кроме того, китайцам свойственно использовать ту особенность массового сознания, которая ответственна за запоминание создания странной-партнером общественно престижных объектов (административных зданий, стадионов), а также проведение масштабных мероприятий и форумов (Олимпиада 2008 г., Экспо-2010 в Шанхае, годы КНР в государствах ШОС и проч.). Эта практика также успешно работает на международный имидж страны.

В заключение хотелось бы отметить, что в мировом политологическом диспуте о природе и направлениях МС пока нет единства по вопросу о том, входит ли экономическая дипломатия в арсенал «мягкосилового» воздействия. Некоторые исследователи полагают, что экономическая дипломатия есть инструмент «силы жесткой». Автор считает последнее не совсем верным. Разве обеспечение прибыльности торговых и энергетических проектов, а также строительство современных дорог и прочей инфраструктуры, больницы и школ не способны положительно повлиять на восприятие населением страны-реципиента образа страны-партнера и воспринимать ее пример?

«Мягкая сила» — это не только пропаганда и гуманитарные связи: это кропотливая работа по созданию условий для успешного межстранового хозяйственного взаимодействия. И РФ не следует

упускать из виду «мягкосиловой» потенциал взаимовыгодного экономического сотрудничества. Следует обратить внимание не только на осуществление крупномасштабных стратегических проектов, но и мер по поощрению межстрановых (в том числе трансграничных) предприятий мелкого и среднего бизнеса, позволяющих простым гражданам и зарабатывать, и лучше узнавать соседей и партнеров по ШОС. Важное здесь — не вложение казенных средств, а непротивление юридически приемлемым инициативам «снизу». Население само сумеет организовать, если найдет в этом поддержку и непредвзятый контроль со стороны государства.

Литература

¹ URL: http://russian.news.cn/2012-12/28/c_132069167.htm

² URL: <http://www.mn.ru/politics/20120227/312306749.html>

³ URL: <http://www.mgimo.ru/news/experts/document238257.phtml>; <http://www.kp.ru/daily/26029.5/2947833>

⁴ URL: http://www.mid.ru/brp_4.nsf/0/6D84DDEDEDBF7DA644257B160051BF7F

⁵ URL: <http://www.mn.ru/politics/20120227/312306749.html>

⁶ URL: <https://www.ruvek.ru/?module=news&action=view&id=32158>

⁷ См., в частности: *Li Mingjiang*. China Debates Soft Power. URL: <http://cjp.oxfordjournals.org/content/2/2/287.full>

⁸ Доклад Ху Цзиньтао на 17-м съезде КПК (полный текст). URL: http://russian.china.org.cn/china/archive/shiqida/2007-10/25/content_9120930_16.htm

⁹ *Nye J.S.* China's Soft Power Deficit URL: <http://online.wsj.com/article/SB10010424052702304451104577389923098678842.html>

¹⁰ См.: *Реззенова Д. Б.-О.* Исторический опыт стратегемности и принципа «мягкой силы» в социально-экономических реформах Китая. URL: <http://vak2.ed.gov.ru/idcUploadAutoref/renderFile/86152>. С. 16—17.

¹¹ Цит. по: URL: <http://inosmi.ru/world/20130114/204595110.html>.

¹² URL: <http://thediplomat.com/2011/09/03/india%e2%80%99s-central-asia-soft-power>

¹³ URL: <http://www.newsru.com/world/10dec2010/liu.html>

¹⁴ URL: http://ria.ru/trend/arrest_weiwei_200110407/

¹⁵ См., например: URL: <http://thediplomat.com/2013/11/chinese-soft-power-another-typhoon-haiyan-victim/>

¹⁶ Ibid.

¹⁷ URL: http://www.foreignpolicy.com/articles/2012/11/18/chinas_soft_power_surge&hl=ru&gl=ru&strip=0

¹⁸ Ibid.

¹⁹ URL: <http://thediplomat.com/2010/11/how-china-mimics-us-soft-power>

²⁰ Seib Ph. China: The First Soft Power Superpower. URL: http://www.huffingtonpost.com/philip-seib/china-the-first-soft-power-superpower_b_1552545.html

²¹ Ibid.

²² URL: <http://russian.people.com.cn/31517/7951840.html>

²³ URL: http://www.chinadaily.com.cn/kindle/2012-02/10/content_14578454.htm

²⁴ URL: <http://russian.people.com.cn/31517/7951840.html>

²⁵ См.: *Li Mingjiang*. China Debates Soft Power. Op. cit.

²⁶ Подробнее см.: URL: http://www.odnako.org/magazine/material/show_24068/

²⁷ *Мендкович Н.* Слабости нашей «мягкой силы». URL: http://www.odnako.org/almanac/material/show_24289/

²⁸ *Морозов Ю.В., Сафронова Е.И.* Гуманитарное присутствие России и Китая в постсоветской Европе и в центрально-азиатском сегменте ШОС // Проблемы Дальнего Востока. 2014. № 5. С. 36.

²⁹ URL: http://www.chinadaily.com.cn/opinion/2012-10/26/content_15848154.htm

Часть IV

ПРОБЛЕМЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИНТЕРЕСЫ РОССИИ

Ю.В. Морозов*

ИНТЕРЕСЫ РОССИИ В ОБЛАСТИ РЕГИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В ЦЕНТРАЛЬНО-АЗИАТСКОМ РЕГИОНЕ, ИХ СООТНОШЕНИЕ С ИНТЕРЕСАМИ ДРУГИХ АКТОРОВ

В статье анализируется значение Центрально-Азиатского региона для национальных интересов России, её сильные и слабые стороны в нем. Определены региональные вызовы и риски для национальных интересов РФ и предложены возможные направления ее стратегии в XXI в. в интересах укрепления своей роли в регионе.

Ключевые слова: Центрально-Азиатский регион, Центральная Азия, Россия, Запад, Китай, США, экономика, безопасность.

Россия рассматривает Центрально-Азиатский регион (ЦАР) одним из ключевых объектов своих геополитических интересов в мире. От стабильности в этой части света во многом зависит национальная безопасность РФ. Это основывается на двух базовых документах, оп-

---

* Морозов Юрий Васильевич, кандидат военных наук, ведущий научный сотрудник ИДВ РАН.

ределяющих задачи внешней политики РФ: Концепции национальной безопасности и Концепции внешней политики России, — и на выступлениях президента РФ перед Советом Федерации. Поэтому руководство страны не может закрывать глаза на то, что из Афганистана в российские регионы продолжает поступать поток наркотиков, равно как и на то, что некоторые районы Центральной Азии (ЦА) могут превратиться в оплот поддержки экстремистских группировок после вывода иностранных сил из Афганистана.

Россия и республики Центральной Азии имеют много общих исторических связей экономического, политического и военного характера. И РФ заинтересована укреплять эти связи, чтобы сохранить за собой контроль над ключевыми объектами инфраструктуры региона, стратегическими комплексами, минеральными ресурсами и нефтегазопроводами, расположенными в ЦА. В свете событий, связанных с санкциями Запада по отношению к России, следует ожидать обострения конкурентной борьбы России, Запада и Китая за контроль нефтегазопроводов в этом регионе¹.

Здесь также проживают около 10 млн русских, что обуславливает особые интересы России в Центральной Азии. Обеспечение их прав и равного положения в республиках ЦА становится всё более важной составляющей государственной политики РФ, приобретая, в свете событий на Украине, не декларированное, а реальное направление реализации ее национальных интересов.

Для России крайне важно иметь стабильное стратегическое положение в регионе. Это облегчает не только реализацию её жизненных интересов на территориях, которые традиционно являются сферой таковых, но и взаимодействие с Китаем, Индией и странами Востока.

Поэтому смена власти в республиках региона по образцу «цветных революций» или государственного переворота на Украине для России — неприемлема. Такие сценарии, подвергая опасности стабильность в регионе, напрямую связаны с возможностью прихода к власти ультраисламистов².

В этом позиция России кардинальным образом отличается от подхода Соединенных Штатов, которые возводят «демократию по западному образцу» в ранг глобального политического строя и считают свою роль в её продвижении важным фактором, якобы укреп-

ляющим стабильность в регионе. В действительности целью предпринимаемых шагов в ЦАР США и их союзников по НАТО является прикрытое, но решительное устранение России из традиционного региона ее интересов³.

Этому способствовали события после 11 сентября, когда они под прикрытием флага борьбы с терроризмом ввели в Афганистан и ЦА свои войска, вторгшись тем самым в традиционную сферу влияния России. Помимо этого Соединенные Штаты появились в тылу Китая, максимально приблизившись к его границам. Военные базы в регионе дали возможность США мониторинга обстановки, ограничения роста влияния России и Китая в регионе, стимулирования прозападного курса ряда центральноазиатских государств, недопущения создания Россией и Китаем союзов, имеющих антиамериканскую направленность. Таким образом, опираясь на политику, проводимую в регионе, США получили возможность влиять на ситуацию в ЦАР в выгодном для себя направлении.

Ныне американская стратегия исхода из Афганистана заключается в том, чтобы «уйти, но остаться» в стране после 2016 г., сохраняя контроль над центром Евразии, где США преследуют важнейшие для себя геополитические, экономические, военные и иные цели.

В рамках продолжающегося противостояния, США, в случае обострения отношений с РФ и КНР, будут: продолжать стратегию, нацеленную на их сдерживание; не допускать интеграцию государств ЦА вокруг России; препятствовать превращению ШОС и ОДКБ в дееспособные геополитические образования, способные противостоять Соединенным Штатам. За 13 лет своего пребывания в регионе Вашингтон существенно активизировал политическое и военное сотрудничество с этими странами, что привело к некоторому «дрейфу» ряда государств ЦА в сторону Запада⁴.

Поэтому цели сохранения присутствия США в регионе обусловлены следующим факторами:

- потребностью дальнейшей реализации проектов нового Шелкового пути, направленных на вовлечение в них стран ЦА с вытеснением оттуда российских и китайских компаний, получения доступа к ресурсам региона посредством создания линий коммуникаций в обход России и Китая;

- возможностью завуалированного политического вмешательства во внутренние дела государств региона. При необходимости «рассхатывания» обстановки, Вашингтон, используя финансовые и политические рычаги, может использовать проверенный на практике алгоритм «госпереворота на Украине или цветных революций»;

- необходимостью сохранения военного контингента в Афганистане для того, чтобы продолжать держать под контролем как Центральную Азию и юг РФ, так и западные районы Китая. Свое присутствие Вашингтон также рассматривает в качестве рычага воздействия на Пекин как на соперника не только в Евразии, но и во всем мире.

Преследуя эти цели, США не уходят из Афганистана окончательно. Вашингтон и Кабул подписали соглашение о стратегическом партнерстве, которое позволяет Штатам оставить свои войска в стране. Большую их часть составят подразделения спецназа, которые будут находиться на пяти военных базах в ключевых районах Афганистана. Другую часть составят военные инструкторы и советники в госаппарате этой страны. При этом декларируемая Вашингтоном борьба с терроризмом, экстремизмом и наркотрафиком будет находиться далеко не на первом плане.

Главным для американцев будет иное: борьба за контроль над энергоресурсами Каспийского бассейна, который располагает вторыми в мире по величине запасами нефти после ближневосточных. Установление контроля над запасами центральноазиатских и каспийских месторождений — часть общей американской стратегии. Стремление США к контролю над энергоносителями объясняется не только желанием обеспечить потребности Запада. Их можно также использовать как мощное средство давления на Россию и Китай в международных делах.

Поэтому, в отличие от США, интересы России в области безопасности и стабильности в ЦАР во многом совпадают с позицией Китая, стратегические интересы которого в регионе заключаются в следующем⁵:

- 1) сдерживание сепаратистских сил «Восточного Туркестана», которые представляют угрозу государственному единству Китая и стабильности на северо-западе страны. В связи с этим одна из основных целей внешней политики Китая в отношении ЦА заключается в недопущении на территории региона деятельности этих сил,

ставящей под угрозу территориальную целостность КНР. А также в том, чтобы все центральноазиатские государства отказались от поддержки китайских сепаратистов, ограничили или запретили деятельность «Восточного Туркестана», препятствовали проникновению сил международного терроризма с их территории в Китай;

2) развитие всестороннего сотрудничества с государствами Центральной Азии (в этой сфере КНР выступает соперником РФ) и создание гарантий безопасности своему стратегическому тылу. Сохранение военных баз США в регионе в Пекине воспринимается как угроза. Уязвимыми продолжают быть стратегические объекты на севере-западе Китая, связанные с производством и испытаниями ядерного оружия и сохраняются возможности вмешательства извне в межэтнические отношения в северо-западных провинциях КНР;

3) будучи второй державой в мире и крупнейшим потребителем энергоресурсов региона, Китай обрел в лице США конкурента, заинтересованного в том, чтобы развернуть транспортировку углеводородов в сторону Запада. Зависимость от экспорта энергоресурсов из стран Персидского залива, находящихся под контролем ВМС США, является ахиллесовой пятой динамично развивающейся экономики КНР. Поэтому при обеспечении стабильных поставок нефти из России и стран ЦА Пекин мог бы считать проблему диверсификации энергоресурсов в значительной степени решенной, тем самым существенно уменьшив свою зависимость от рисков, связанных с нестабильностью международной обстановки. Это дает возможность России сбалансировать свои поставки энергоресурсов на Запад восточным вектором, однако китайские цены за них будут гораздо ниже по сравнению с европейскими.

Из вышеизложенного следует, что российские интересы в ЦАР можно определить следующим образом: обеспечение региональной стабильности на основе двусторонних и многосторонних договоров о сотрудничестве со всеми странами региона; использование их геополитических возможностей с учетом решения практических вопросов, с которыми сталкивается Россия как мировая и региональная держава; сохранение ключевой роли РФ в этом регионе.

Ввиду своего географического положения, экономических связей и иных факторов, Россия продолжает оставаться органичным партнером центральноазиатских государств. Но, несмотря на то что

Россия остается главным игроком в ЦА, ее власть в качестве гаранта нынешней ситуации в этом регионе становится относительно ограниченной из-за действий внешних сил. Вмешательство Запада в дела Азии и его сотрудничество в области безопасности с региональными государствами изменило стратегическую расстановку сил и имеет прямые последствия для России. Ограниченность российских ресурсов, связанная с необходимостью обустройства Крыма, не позволяет ей оказывать существенную помощь для обеспечения экономического развития в регионе. Не имея возможности по сравнению с Китаем увеличить торговый оборот в ЦА и сталкиваясь с новыми альтернативами по экспорту из региона нефти и газа, Россия будет вынуждена прилагать дополнительные усилия для сохранения своего влияния в регионе.

В связи с этим перед Российской Федерацией в ближайшем будущем будет стоять ряд практических задач, а именно:

1) целесообразно усилить центральноазиатский вектор внешней политики РФ и взаимодействие с КНР и республиками ЦА в интересах нейтрализации вызовов и рисков для национальных интересов, исходящих от Запада, и восстановить в свое время утраченные позиции в СВА и АТР. Хотя прагматичный Пекин и другие региональные акторы отнюдь не будут ждать там Россию с «распростертыми объятиями»;

2) для этого необходимо повысить эффективное использование существующих многосторонних механизмов реагирования на существующие вызовы и угрозы, обеспечить безопасность южных рубежей и развивать военно-техническое сотрудничество, поощряя региональные государства к более интенсивному взаимодействию в рамках ОДКБ, ШОС и ЕврАзЭС;

3) одно из главных мест в интересах России должны продолжать занимать вопросы региональной безопасности в интересах устранения существующих угроз. Первостепенной стратегической задачей продолжает оставаться борьба с экспортом экстремизма в РФ, который поддерживают негосударственные религиозные и политические круги ряда внешних и внутренних акторов. Наркопоток также представляет серьезную угрозу национальным интересам РФ; Афганистан продолжает оставаться самым продуктивным в мире источником наркотиков. Другим аспектом в сфере безопасности является

нейтрализация политики США и стран Запада в ЦАР и обеспечение стабильности в государствах региона. Эти проблемы аккумулируют в себе все приоритеты политики России в регионе и подразумевают взаимодействие со странами ЦА по всем направлениям, включая политику, экономику, военную, гуманитарную, культурную сферы в целях создания системы безопасности, способной противостоять текущим и новым угрозам;

4) в среднесрочной перспективе интересам РФ соответствовала бы дихотомная система региональной безопасности. Ее основными опорами могли бы стать: с одной стороны — ОДКБ, в которой участвуют страны ЦА, предназначенная для совместной обороны стран — участниц организации (первый радиус безопасности)⁶; с другой — стратегическое партнерство в рамках ШОС, направленное на нейтрализацию более широкого круга угроз и в более обширном районе (второй радиус безопасности), во взаимодействии с наблюдателями и партнерами по диалогу организации и странами БРИКС.

Сотрудничество между РФ, ОДКБ, ШОС, с одной стороны, и США, НАТО — с другой, в настоящее время имеет ограничения как по ширине, так и по глубине охвата проблем стабильности в ЦАР. Формирование реальных отношений сотрудничества в области безопасности между этими акторами представляется весьма проблематичным. С одной стороны, для международного сообщества это «плохо», но с другой — «хорошо», так как демагогию о «перезагрузке российско-американских отношений» можно считать завершённой, и настала пора переходить к «прагматическому» сотрудничеству в тех сферах, где их интересы реально совпадают и им друг без друга никак нельзя обойтись;

5) дееспособность предлагаемой системы региональной безопасности покажет в ближайшее в время, когда иностранные войска будут окончательно выведены из Афганистана, в этой стране вместо администрации Карзая будут сформированы новые органы власти и как к этому отнесется Талибан. Хотя и сейчас ясно: ситуация в ИРА и политика США и НАТО в регионе ещё долгое время будут источниками вызовов и угроз для стабильности региона и национальных интересов РФ и КНР.

Негативные сценарии развития обстановки в Афганистане и их влияние на безопасность в регионе будут «оселком на прочность»

как для Сил быстрого реагирования и погранвойск стран — участниц ОДКБ, так и для РАТЦ ШОС и его политических и экономических механизмов. Это объективно обуславливает необходимость усиления сотрудничества России, Китая и республик ЦА в сфере региональной безопасности и стабильности.

Литература

¹ *Анри Фроман-Мерис*. Афганистан: возвращение России. Le Figaro. Инопресса. 04.09.2012.

² *Морозов Ю.В.* Значение гуманитарного сотрудничества России и Китая с центрально-азиатскими партнерами в рамках Шанхайской организации сотрудничества. Национальные интересы: приоритеты и безопасность № 32 (269). 2014. С. 35—50.

³ *Морозов Ю.В.* Перспективы России В Северо-Восточной Азии и предлагаемая стратегия в регионе // Проблемы Дальнего Востока. 2013. № 5. С. 8—19.

⁴ *Морозов Ю.В.* Американская стратегия в Афганистане после 2014 года: стабильность или новый виток напряженности в регионе? США — Канада: экономика, политика, культура. № 7, 2013.

⁵ *Морозов Ю.В.* Некоторые вопросы поддержания стабильности в Афганистане и обеспечения безопасности в Центральной Азии общими усилиями стран Запада и ШОС. Сборник статей секции по глобальным проблемам и международной безопасности научного совета при Совете Безопасности РФ. М., 2013.

⁶ *Клименко А.Ф.* Взаимодействие ОДКБ и ШОС по обеспечению региональной безопасности». Национальные интересы: приоритеты и безопасность. № 30 (267). 2014.

А.Ф. Клименко*

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ОБСТАНОВКИ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ. ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ОДКБ И ШОС ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ РЕГИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

В статье анализируются перспективы развития военно-политической обстановки в Центральной Азии и возможные направления взаимодействия ОДКБ и ШОС по обеспечению региональной безопасности. При этом автор считает, что Шанхайская организация сотрудничества может превратиться в реальный фактор региональной и мировой политики лишь при определенных условиях.

Ключевые слова: угрозы, ШОС, ОДКБ, Центрально-Азиатский регион, Таджикистан, Казахстан, Россия, Китай, Индия, Пакистан.

1. Перспективы развития военно-политической обстановки в Центральной Азии

О возможных вариантах развития ситуации в Афганистане после вывода из страны войск западного контингента сегодня сказано немало. Как резюмирует посол РФ в Таджикистане И. Лякин-Фролов, «самый благоприятный сценарий предполагает, что нынешняя

---

* Клименко Анатолий Филиппович, кандидат военных наук, профессор, ведущий научный сотрудник ИДВ РАН, генерал-лейтенант (в отст.).

власть сохраняется лишь в Кабуле и большинстве провинциальных центров. Есть и менее благоприятные, которые предполагают, что может начаться полномасштабная гражданская война, которая будет угрожать целостности афганского государства, а также безопасности стран Центральной Азии. Соответственно, и безопасности России. Поэтому надо готовиться»¹.

С послем нельзя не согласиться: при любом сценарии, при всей их умозрительности, нужно быть готовыми к тому, что потерявшие «работу», но хорошо овладевшие военными навыками боевики начнут возвращаться в свои страны. Активизируется работа исламистских организаций в них, с последующим нарастанием нестабильности вплоть до «ближневосточных» или «украинских» сценариев. При этом не стоит упускать из виду, что мы будем иметь дело не только с талибами или отдельными исламистскими организациями типа Хизб ут-Тахрир.

Радикальный исламизм оформился в мировую сеть террористического интернационала, которая с каждым днем становится все более разветвленной. И всем заинтересованным в борьбе с терроризмом странам нужны объединение усилий и активизация всех возможных методов борьбы с ним. Сегодня всё более вырисовывается перспектива превращения этой тактической задачи в долгосрочную стратегию. И ШОС не избежать этой перспективы.

Первые «репетиции» будущих сценариев действий радикальных исламистов уже состоялись в Таджикистане, Казахстане, а ранее и в других странах Центральной Азии (ЦА). Не останутся в стороне и другие страны-участницы и наблюдатели ШОС, в том числе Россия, Китай, Индия, и тем более Пакистан.

В настоящее время ШОС обладает немалым потенциалом. Но она не является в полном смысле слова институтом региональной безопасности. Организация продолжает находиться в состоянии поиска собственной идентичности. В отличие от блоковой структуры, страны — участницы ШОС создали механизм взаимодействия, который предусматривает неприменение силы или угрозы силой, исключает ведение военной деятельности, в том числе при нарушении стабильности в регионе.

Такую позицию ШОС подтверждает и спецпредставитель президента по делам ШОС, посол по особым поручениям К. М. Барский.

По его словам, «Шанхайская организация сотрудничества не собирается подменять НАТО в Афганистане после ухода из страны войск международной коалиции. Свою главную задачу ШОС видит в том, чтобы эффективно осуществлять взаимодействие между государствами-членами, а также в противодействии терроризму и наркотрафику»². Принципиальным моментом для ШОС на сегодня является и ее невмешательство во внутренние военно-политические дела.

Возникает вопрос: как в таком случае ШОС будет бороться с терроризмом? Декларативно?

Видимо, подобная позиция Шанхайской организации утрачивает актуальность. Представляется, что в связи с выводом войск западной коалиции из Афганистана ШОС могла бы, не меняя своего статуса, значительно усилить свою военно-политическую составляющую, став вместе с ОДКБ надежной защитой от трансграничного терроризма, экстремизма и наркотрафика.

2. Перспективы взаимодействия ОДКБ и ШОС по обеспечению региональной безопасности

В данном смысле ШОС, наравне с ОДКБ, должна рассматриваться как один из механизмов обеспечения безопасного развития центральноазиатских стран.

Следовательно, есть мотивы для объединения усилий государств — участников Шанхайской организации. Нужна политическая воля для преодоления избирательного подхода некоторых стран-участниц к сотрудничеству в форматах ШОС и ОДКБ. И такая воля появляется, о чём говорит Меморандум о взаимопонимании между секретариатами ШОС и ОДКБ. В этом документе определены следующие области сотрудничества:

- обеспечение региональной и международной безопасности и стабильности;
- противодействие терроризму;
- борьба с незаконным оборотом наркотиков;
- пресечение незаконного оборота оружия;
- противодействие организованной транснациональной преступности;
- другие направления, представляющие взаимный интерес.

При этом стороны также условились, что обе организации будут разрабатывать совместные программы и мероприятия в целях развития сотрудничества в сферах, относящихся к их компетенции, включая выработку мер для обеспечения выполнения таких программ и мероприятий. Более того, их секретариаты намерены, при необходимости, вносить в данный меморандум изменения и дополнения, которые станут неотъемлемой его частью.

Анализ содержания этого меморандума дает основание полагать, что страны — участницы обеих организаций намерены снять какие либо преграды для своего сотрудничества по самому широкому кругу вопросов обороны и безопасности.

С 2008 г. ШОС и ОДКБ начали делать первые практические шаги по объединению их потенциалов. Первоначально совместные усилия были направлены на развитие взаимодействия в целях пресечения наркотрафика и нелегальной торговли оружием. Их дополнили коллективное реагирование на чрезвычайные ситуации при природных и техногенных катастрофах и обеспечение информационной безопасности. Не исключено, что впоследствии к ним может добавиться решение *миротворческих задач*.

Таким образом, процесс консолидации усилий таких разноплановых организаций, как ШОС и ОДКБ, развивается. Это создаёт возможность для совместного решения ими проблем безопасности. Но для этого потребуются преодолеть некоторые противоречия между продекларированными в меморандуме намерениями в отношении сотрудничества обеих организаций в области безопасности и отсутствием сил и средств, необходимых для их реализации, прежде всего в ШОС. В этом можно убедиться, проанализировав задачи двух организаций, а также силы и средства для их решения.

К примеру, ШОС не располагает ни силами и средствами, ни органами управления ими, чтобы осуществлять полноценное взаимодействие с ОДКБ.

Возникает вопрос: а способна ли ОДКБ самостоятельно обеспечить безопасность и стабильность в Центрально-Азиатском регионе?

Не секрет, что ни более чем стотысячная группировка Советских Вооружённых Сил, ни не меньший по численности контингент Объединённых сил западной коалиции не смогли обеспечить в полной мере стабильность в Афганистане. Сможет ли 20-тысячный кон-

тингент ОДКБ, являющийся лишь бледной их тенью, справиться с подобной задачей в случае дестабилизации обстановки на обширных пространствах Центральной Азии?

Сказанное выше приводит к выводу о том, что система безопасности в регионе должна строиться по принципу «дихотомности», т. е. иметь две своеобразные опоры. При этом ОДКБ, являясь одной из «опор» данной системы, может обеспечивать внутрорегиональную стабильность (центрально-азиатское пространство безопасности), а ШОС — вторая «опора» системы — расширять это пространство безопасности (внешнее пространство безопасности и стабильности). Тем более что уставные документы организаций не препятствуют подобной возможности.

Однако способность эффективного взаимодействия в обстановке широкой эскалации угроз региональной безопасности и стабильности в ОДКБ и в ШОС нужно закладывать уже сейчас. Требуется принятие практических мер в сфере обороны. Это, в первую очередь, — отработка совместных антитеррористических и миротворческих действий Коллективных сил оперативного реагирования ОДКБ и тех сил, которые могут быть созданы в рамках ШОС.

Но для того, чтобы ШОС стала действенным элементом дихотомной системы региональной безопасности, необходимо внести определённые уточнения в её организационные документы. ШОС, не являясь военно-политической структурой, должна стать на деле многофункциональной организацией, что и предусмотрено её Хартией.

3. Возможные направления совершенствования организации

Представляется, что первоначально было бы целесообразным инициировать вопрос об учреждении Координационного комитета по военному сотрудничеству ККВС в качестве постоянно действующего органа ШОС. Не секрет, что эффективность её Региональной антитеррористической структуры (РАТС), задачи которой сегодня сводятся лишь к мониторингу ситуации, составлении списков террористических организаций и обмену между участниками ШОС информацией, относящейся к террористическим угрозам в регионе, остаётся недостаточной.

Такой орган, как ККВС, способствовал бы росту эффективности военно-технического и военно-экономического сотрудничества, реализации программ развития вооруженных сил стран региона, повышения уровня их подготовки. Наряду с этим он обеспечивал бы координацию военного сотрудничества в рамках ШОС. Но главным предназначением ККВС должно стать своевременное реагирование на ситуации, угрожающие странам-участницам. ККВС, кроме того, придется продолжить практику обмена информацией по антитеррористической тематике, осуществляемую сегодня в рамках РАТС. Это будет способствовать налаживанию эффективного взаимодействия на данном направлении не только между спецслужбами, но и между военными разведками стран — членов организации.

Повышению возможностей ШОС по обеспечению обороны и безопасности ее учредителей, прежде всего методом сдерживания и предотвращения развития ситуации в регионе по опасным для участников ШОС сценариям, способствовало бы создание в рамках организации миротворческого контингента. На первом этапе можно было бы реализовать меры, включающие проработку вопроса о возможной штатной структуре и системе управления таких сил, их апробацию в ходе совместных учений для достижения необходимого уровня оперативного взаимодействия.

Не обязательно содержать в ШОС этот миротворческий контингент войск на постоянной основе. В обычных условиях обстановки силы и средства, предназначенные для проведения операций на пространстве организации, могут содержаться в каждом из государств, собираясь вместе только на время проведения учений, маневров и для решения конкретных задач.

Хотелось бы заметить, что к этой цели, очевидно, нужно идти постепенно, последовательно и поэтапно, по мере созревания политических условий. А создание собственно оперативно-стратегической основы уже обеспечивается созданием в ШОС института военных маневров «Мирная миссия». Эти маневры позволили участвующим в них войскам и штабам отработать необходимую для совместных действий оперативную совместимость.

Некоторые военные специалисты и политологи высказывают опасение, что при реализации всех названных выше предложений ШОС может превратиться в военно-политический альянс. Конечно,

развитие военной составляющей организации даёт определённые основания политологам, особенно западным, говорить о ее «дрейфе» в эту сторону. Особенно, если этот процесс очень хочется видеть. Не вдаваясь в полемику, подчеркнём ещё раз главный тезис, опровергающий это.

Вектор силовых усилий ШОС не направлен за пределы территории стран — участниц организации. В области безопасности она намерена действовать только в ответ на возможную угрозу. Но, если эта угроза отчетливо проявляется, бездействие было бы большим риском. Да и содержать недееспособную организацию, затрачивая на это большие средства, не рентабельно для государств-участников. К тому же сегодня ШОС установила связь с ООН и может решать миротворческие задачи по мандату этой организации.

В своё время, в силу незавершенности процесса структурирования Шанхайской организации сотрудничества, на начальном этапе её становления странам-участницам пришлось соглашаться, чтобы в их «региональном доме» мир и стабильность поддерживали приглашенные со стороны страны и организации. Но может ли это продолжаться бесконечно? Ответ более чем очевиден: нужно принимать меры к дальнейшему совершенствованию структуры, состава и методов деятельности ШОС, расширению круга решаемых ею задач, а также сферы ее ответственности.

Подводя итог сказанному, следует еще раз подчеркнуть, что Шанхайская организация сотрудничества может превратиться в реальный фактор региональной и мировой политики лишь при определенных условиях. В качестве основных из этих условий можно назвать:

- развитие нормативно-правовой базы функционирования ШОС;
- совершенствование структуры организации и придание ей способности комплексно решать задачи по обеспечению безопасности не только мирными, но и военными средствами;
- развитие взаимодействия с другими международными организациями и заинтересованными государствами.

Информация к размышлению. Параллельно решению антиросийских геополитических задач на Украине США предпринимают усилия и по другим направлениям.

Так, было сделано заявление относительно того, что США не допустят развития «крымского сценария» в Азии.

Понятно, что адресат этого заявления — Китай, который по модели, апробированной в Крыму, вполне может решить проблему своего объединения с Тайванем.

Но здесь нужно подумать и о Центральной Азии: не возобновят ли США помощь «Талибану» после вывода своих войск из Афганистана? Не канализирует ли Вашингтон экспансию международного терроризма в направлении России, Китая, а заодно — и центральноазиатских стран, их союзников и партнёров в этом регионе?

Россия, располагающая значительно меньшими экономическими ресурсами, может противопоставить этой тактике только укрепление интеграционных связей со странами, которые уже участвуют в евразийской интеграции. **Это значит**, что:

- ОДКБ должна превратиться в союз с постоянными контингентами под общим военным командованием;
- экономическая интеграция в ТС и ЕврАзЭС должна стать быстрее и глубже: уже сейчас нужно ставить вопрос о валютном союзе, создании надгосударственных структур, регулирующих экономику, и унификации внутреннего законодательства стран-участниц;
- интеграции нужно придать необратимый в политическом плане характер, вплоть до создания союзного государства, поскольку мятежи могут быть спровоцированы даже в Белоруссии или Казахстане;
- ШОС также должна стать дееспособной организацией в плане безопасности и обороны.

Литература

¹ URL: <http://www.regnum.ru/news/1743223.html> 10.12.2013

² URL: <http://www.regnum.ru/news/1754703.html> 15.01.2014

М.А. Канаровский*

ПОТЕНЦИАЛ ШОС НА АФГАНСКОМ НАПРАВЛЕНИИ В СВЕТЕ ФАКТОРА 2014

В статье анализируется способность Шанхайской организации сотрудничества в ближайшей перспективе преодолеть инертность и начать оказывать влияние на положение дел в регионе, и прежде всего вдоль своих южных границ. При этом многое будет зависеть от того, насколько эффективно ШОС сможет использовать свои возможности на афганском направлении. Наиболее рациональным, отвечающим ее стратегическим интересам, было бы возвращение Афганистана к нейтральному статусу. Вместе с тем, в свете стремительного охлаждения отношений между Россией и Западом в связи с событиями на Украине, партнеры по ШОС, занявшие выжидательную позицию в этом противостоянии, могут на определенное время ослабить сотрудничество с РФ на площадке организации.

Ключевые слова: угрозы, ШОС, ОДКБ, Центрально-Азиатский регион, Россия, Китай, Узбекистан, Казахстан.

Вопрос о способности Шанхайской организации сотрудничества в ближайшей перспективе преодолеть собственную инертность и начать оказывать серьезное влияние на положение дел в регионе, и прежде всего вдоль своих южных границ, приобретает все большую актуальность для ее внешнеполитического потенциала. В этом же

---

* Канаровский Михаил Алексеевич, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра исследований Восточной Азии и ШОС Института международных исследований МГИМО (У) МИД России.

смысле многое будет зависеть от того, насколько эффективно и скоординированно ШОС сможет использовать свои возможности на афганском направлении после завершения вывода из Афганистана основного воинского контингента США и НАТО и передачи силам безопасности этой страны полного контроля за внутренней обстановкой.

До настоящего времени реальное влияние организации на процессы в Афганистане оставалось незначительным и характеризовалось преимущественно декларативностью. Вызвано это было, прежде всего, спецификой самой ШОС, основополагающие документы которой в их нынешнем виде не предусматривают механизмов активной реализации ее политических интересов за пределами «шестерки», а также некоторым несопадением подходов ее членов по ряду конкретных вопросов на афганском политическом поле. Если в позиции Москвы очевидно просматривается упор на политические аспекты решения касательно будущей власти в Афганистане (к ее позиции близок Душанбе), то Китай и другие члены ШОС высказываются более осторожно и, по существу, готовы к сотрудничеству с любой властной структурой, включая полностью талибскую. Результатом этого, в частности, стало то, что после Московской международной конференции по Афганистану 2009 г. ШОС не смогла конкретными действиями закрепить провозглашенное намерение «сыграть важную роль» в практическом решении афганского вопроса. Дальнейшего развития не получили и принятые тогда же документы с Исламской Республикой Афганистан (ИРА). Неудачей завершились и попытки вывести на рабочий уровень Контактную группу ШОС — Афганистан.

Осознание сложности достижения консенсуса в выдвижении конкретных инициатив ШОС по Афганистану приводило к тому, что каждое государство — член «шестерки» самостоятельно выдвигало рассчитанные на внешнюю поддержку инициативы (Россия — о нейтральном статусе будущего Афганистана, Узбекистан — по формату «шесть плюс три», Киргизия — по «Бишкекской инициативе» и т. д.).

Необходимость активизации детального мониторинга развития ситуации в Афганистане после 2014 г. предопределяется как непосредственным соседством этой страны с зоной ШОС, так и фунда-

ментальными целями и задачами деятельности организации по противодействию в регионе проявлениям терроризма, экстремизма и сепаратизма (борьба против «трех зол» по китайской интерпретации).

Краеугольным камнем общих согласованных подходов ШОС к афганской проблематике является поддержка ведущей роли ООН в координации усилий международного сообщества в интересах скорейшего урегулирования ситуации и не допущения распространения с территории ИРА терроризма, сепаратизма, экстремизма, а также наркотиков. Проявляя заинтересованность в возрождении мирного и единого афганского государства, поддерживая усилия по стабилизации в нем политической и экономической обстановки, в ШОС исходят из того, что достижение мира и стабильности в этой стране должно быть обеспечено только на основе учета ее особенностей и исторических реалий. Это же является решающим фактором в обеспечении безопасности и устойчивого социально-экономического развития всего региона.

В экспертном сообществе обсуждаются различные сценарии дальнейшего развития обстановки в Афганистане после 2014 г. К наиболее благоприятному для нынешних властей в Кабуле относят ситуацию, которая кардинально не затронула бы нынешнее положение дел. Наиболее же негативный сценарий предусматривает возможность дальнейшей дестабилизации обстановки с ее распространением на соседние регионы, при тенденции на регионализацию и фрагментацию страны по географическому (север—юг) и межнациональному (пуштуны—непуштуны) признакам. Превалируют негативные прогнозы развития ситуации, основывающиеся на анализе нынешней реально складывающейся в стране обстановки. Ее характерные особенности: неустойчивость нынешних государственных структур, сохраняющийся тупик в диалоге с талибами, острота межэтнических противоречий, усугубляющаяся экономическая деградация, проблема наркотиков и т. д.

Представляется, что новое правительство Афганистана в своей внутренней и внешней политике будет более активно, чем в настоящее время, ориентироваться на политический ислам. Это будет вызвано в том числе и тем, что весьма значимым элементом в ее структуре станут нынешние талибы и другие активные национально-религиозные группы оппозиции. Фактически афганские власти уже

сейчас возобновили зондаж об условиях участия талибов в будущих структурах власти. Одновременно в этом же русле началась работа по корректировке Уголовного кодекса страны в направлении его еще большего соответствия с общепринятыми мусульманскими догматами и традициями. Соответственно, одним из ключевых элементов политической повестки дня правительства после «эпохи Карзая» станет и поддержка исламистских движений в регионе. Прежде всего это будет Центральная Азия (ЦА), а также Синьцзян-Уйгурский автономный район КНР. Возможное укрепление во власти радикалов, скорее всего, будет означать начало нового этапа давления исламизма на ЦА, а также Россию с южных рубежей ШОС. Вопрос заключается в степени активности и напористости такой линии.

Особая чувствительность к будущим процессам в Афганистане со стороны центральноазиатских членов ШОС вытекает из общей конфликтоносности обстановки в этих государствах. Ее отличительной чертой являются (в разной степени активности) «архаизация» и «афганизация» социально-политической жизни (прежде всего в Таджикистане, Киргизии, в меньшей мере в Узбекистане, а также Казахстане) на фоне неуклонного роста влияния консервативно-религиозных доктрин и призывов к «возвращению к корням». За период после объявления Вашингтоном сроков вывода из ИРА контингента НАТО заметно активизировалась деятельность антиправительственных группировок на севере страны, включая и тех, которые непосредственно ориентированы на Центральную Азию (Исламское движение Узбекистана, Хизб ут-Тахрир, Партия исламского освобождения Восточного Туркестана и т. д.). Идеологическое и морально-психологическое влияние с юга, а также деятельность антиправительственных религиозно-политических сил сдерживается в этих странах, прежде всего, за счет применяемых властями жестких административно-силовых методов.

Общая заинтересованность всех государств — членов ШОС в предотвращении или, по крайней мере, существенном ослаблении возможностей радикального политического исламизма на южном фланге совершенно очевидна. Дальнейшее укрепление его позиций в Центральной Азии может стать вызовом национальной безопасности не только для существующих в этом регионе режимов, но и для России, в том числе учитывая практически неконтролируемые пото-

ки нелегальной иммиграции с юга. (По оценкам аналитиков, наиболее проблемным для России и стран ЦА является участок афгано-таджикской границы с последующим выходом на Киргизию.) Аналогична и природа соответствующих озабоченностей со стороны другого крупного члена ШОС — Китая, особенно для стабильности в его перманентно неспокойном приграничном с ЦА Синьцзян-Уйгурском автономном районе.

Никак не отвечали бы интересам стран — членов ШОС и разного рода калькуляции о возможности отделения от Афганистана северных регионов. Такие настроения могли бы провоцировать территориальные претензии по обе стороны границ ИРА с Центральной Азией, подпитывать идеи возрождения «Великого Туркестана», спекуляции о создании на Памире и в ряде окружающих регионов некоего исмаилитского государства. Такое развитие могло бы привести к затяжным межэтническим конфликтам, силовым попыткам передела межгосударственных границ и к погружению региона в длительную полосу турбулентности с непредсказуемыми последствиями.

Подобные попытки должны будут встретить как индивидуальный, так и коллективный политический отпор со стороны Шанхайской организации, в том числе потому, что борьба против сепаратизма, наряду с экстремизмом и терроризмом, провозглашена одной из основных уставных задач ШОС. Вместе с тем нельзя исключать конъюнктурных попыток политических спекуляций на этой теме со стороны некоторых религиозно-националистических движений в ЦА.

Другой элемент особых озабоченностей государств ШОС — проблема нелегальных поставок афганских наркотиков. Исходя из общей обеспокоенности масштабами проблемы, страны «шестерки» поддержали предложение России о создании вокруг Афганистана «антинаркотических поясов безопасности», а также присоединились к инициативе Франции «Парижскому пакту», призванному консолидировать международные усилия на этом направлении. Деятельность по предотвращению распространения наркотиков из Афганистана после 2014 г. должна быть всемерно консолидирована и расширена, в том числе за счет дальнейшего укрепления координации ШОС с другими международными организациями.

Наиболее рациональным, отвечающим стратегическим интересам Кабула внешнеполитическим курсом государства — члены ШОС рассматривают возвращение Афганистана к нейтральному статусу. Достижение этого пока, однако, маловероятно в связи с предстоящим заключением афгано-американского соглашения о безопасности. Оно предусматривает создание в ИРА девяти военных баз США (в том числе трех непосредственно на севере страны) и определенную свободу военной деятельности американцев в стране. Такое развитие событий вызывает обеспокоенность в ШОС (но прежде всего наиболее определенно она высказывается со стороны России и Китая). Поэтому для Шанхайской организации важно добиваться того, чтобы военная деятельность НАТО в Афганистане носила максимально транспарентный характер, не снимая с повестки дня вопрос о нейтральном статусе страны.

Вряд ли следует рассчитывать на то, что это объединение может взять на себя некую особую ответственность за обстановку в Афганистане. Ее специфика не предусматривает такого рода направление деятельности ни в целом, ни в частности. В действующих документах ШОС не предусмотрены какие-либо посреднические, миротворческие или иные действия в случае возникновения чрезвычайных обстоятельств в одном из ее государств-членов, а также конфликтных ситуаций между своими участниками, а также в регионе в целом.

Поэтому и после 2014 г. Шанхайская организация сможет действовать на афганском направлении преимущественно политически, на основе принимаемых консенсусом оценок и формулировок. В этом контексте чрезвычайно важно добиваться того, чтобы существующие между государствами-членами разногласия не оказывали преимущественно негативного влияния на принятие таких решений.

Вместе с тем ШОС, особенно в свете председательства России в этой организации в 2015 г., могла бы взять на себя инициативу по продвижению тезиса о необходимости достижения международного консенсуса о недопущении будущими властями Кабула превращения Афганистана в источник угрозы терроризма и экстремизма. В этом же контексте, в зависимости от развития конкретной обстановки в ИРА, ШОС могла бы инициировать международную конфе-

рению по Афганистану под своей эгидой (наподобие мероприятия 2009 г.).

Проведение конференции было бы крайне своевременным, предоставив возможность дать первые оценки на международном уровне новой политической реалии в ИРА и обратить внимание мирового сообщества на необходимость «не расслабляться», а продолжать концентрировать совместные усилия в направлении обеспечения мира и стабильности в Афганистане и в регионе в целом.

Организация конференции в период председательства в ШОС РФ способствовала бы укреплению не только политического веса организации в мире, но и престижа России как ответственного, проводящего активную и конструктивную внешнюю политику государства.

Скорее всего, противником созыва конференции по инерции будет выступать Ташкент, который традиционно препятствует повышению «профиля» ШОС на мировой арене, а также, нельзя исключать, и Бишкек, который в последнее время также дистанцируется от ШОС. Однако эту инициативу можно было бы обосновать как конкретное развитие в новых политических условиях и ранее высказывавшейся инициативы Узбекистана «шесть плюс три». Пекин выдвинул расширенную идею обновленного традиционного Шелкового пути, в том числе с вовлечением в него под эгидой Китая стран Центральной Азии и Афганистана. Он, безусловно, будет стремиться всячески добиваться того, чтобы этот проект рассматривался как часть общей стратегии ШОС и на афганском направлении, и всемерно пропагандировать ее, в том числе на предлагаемой международной конференции. Препятствовать этому было бы неразумно, и следует искать модальности, по которым Россия могла бы обеспечить себе необходимую нишу в этом процессе.

Неизменно подчеркиваемая в документах Шанхайской организации готовность государств-членов к развитию экономического сотрудничества с Афганистаном и оказанию ему соответствующей поддержки создает основу для мобильности и диверсификации хозяйственных связей государств — членов ШОС с ИРА как на двусторонней, так и на многосторонней, в том числе общешосовской основе. Тем не менее пока соответствующее сотрудничество реализуется преимущественно в двустороннем формате, а некоторыми

странами (например, Узбекистан, Таджикистан, Россия) — с привлечением средств внешних доноров ИРА. Серьезным техническим препятствием на этом пути остается отсутствие общего финансового механизма обеспечения ее проектной деятельности.

Главной целью правительства Афганистана при сближении с ШОС являются расчеты на долгосрочную экономическую помощь (как, скажем, он имеет по линии Евросоюза). Статус Кабула в ШОС как страны-наблюдателя будет позитивно сказываться на его дальнейшем сближении с каждым членом организации и вынуждать афганские власти более внимательно прислушиваться к мнению государств-членов по вопросам региональной безопасности.

В отличие от других стран — членов ШОС, экономические интересы **России** в ИРА выражены не столь отчетливо. Линия Москвы на экономическом направлении сотрудничества с ИРА идет в традиционном русле: военно-техническое сотрудничество, подготовка национальных кадров, гуманитарная помощь, восстановление некоторых экономических объектов, построенных ранее СССР; в плане участия в многосторонних энергетических проектах выражена готовность подключиться к строительству газопровода (ТАПИ), а также к проекту CASA-1000; она активно вовлечена в Травостый фонд Совета Россия—НАТО, а также в многосторонний международный Фонд развития высшего образования в ИРА.

Китай уже сейчас является крупнейшим инвестором в Афганистане, особое внимание им уделено крупнейшему в мире меднорудному месторождению и перспективам нефтедобычи в северных районах ИРА; построены госпиталь, восстановлена сооруженная ранее на кредиты КНР ирригационная система, создан центр научно-технического образования и т. д.

Магистральная линия **Узбекистана** в Афганистане — закрепление преимущественного влияния в северных анклавах страны со значительным узбекским меньшинством; основные интересы — транспортные проекты, дающие возможность обеспечить выход к Персидскому заливу. К этому же проявляют значительный интерес и другие государства Центральной Азии.

Казахстан уделяет также значительное внимание внешнеполитическим аспектам афганской проблемы; наряду с Россией и Китаем, Астана неизменно активна на соответствующих международных

и региональных встречах; заключила с Кабулом соглашение о стратегическом партнерстве (такое же есть у КНР). Экономическое содействие Казахстана ИРА предусматривает инвестиции в сырьевой сектор, транспорт, сельское хозяйство, силы безопасности и т. д.

Предметом особой политической озабоченности **Киргизии**, как и **Таджикистана**, является потенциал террористической и экстремистской угрозы с юга. Этим во многом объясняется проявляемая Бишкеком (а также Ташкентом и Душанбе) заинтересованность в диверсифицированных источниках обеспечения своей безопасности вне рамок ОДКБ и военно-политического сотрудничества с Россией. Таджикистан, как и другие центрально азиатские члены ШОС, стремится максимально использовать свое важное место в транзите грузов для МССБ — НАТО, в том числе в плане укрепления связей с США по линии вооруженных сил и получения от такого сотрудничества дополнительной финансовой подпитки госбюджета. На основе совместных программ, прежде всего с США, центральноазиатские члены ШОС рассчитывают на дальнейшее экономическое содействие со стороны Запада, а его линию на закрепление присутствия в этом регионе надеются использовать как дополнительный рычаг в отношениях с Россией, а также Китаем.

Шанхайская организация вряд ли будет в состоянии взять на себя роль основного локомотива экономического развития Афганистана. Нецелесообразно это и по политическим соображениям. Если ШОС начнет позиционировать себя в данном качестве, то этим немедленно воспользуются США и другие страны Запада, чтобы переложить на нее всю полноту ответственности за будущее развитие обстановки в ИРА со всеми вытекающими из этого обстоятельствами. Из достаточно выгодного положения международной структуры, обладающей свободой рук в афганских делах и имеющей возможность критически оценивать действия в этой стране внешних сил, прежде всего США и их союзников, ШОС сразу же сама превратилась бы в объект особо пристального политического внимания и критики со стороны Запада.

Достаточно позитивную «повестку дня» на экономическом направлении долговременного решения афганского вопроса после 2014 г. могли бы обеспечить запущенный в 2011 г. по инициативе Турции и Афганистана (за спиной которых стояли США и страны

Евросоюза) «Стамбульский процесс», а также Региональная конференция экономического сотрудничества по Афганистану (RECCA). Оба форума ставят задачу объединить усилия ИРА и ее соседей в интересах наращивания хозяйственно-экономического сотрудничества при признании роли Афганистана как важнейшего связующего звена между странами региона, хотя, в силу различных интересов ее членов, пробуксовывают в своей деятельности.

В июне 2012 г. министры иностранных дел стран — участниц «Стамбульского процесса» наметили приоритетные направления многосторонних мер доверия, а летом 2013 г. конкретизировали направления совместных действий. Были также поддержаны планы сотрудничества региональных государств с ИРА, вновь отмечено его значение в свете предстоящего вывода из страны иностранных войск. Практическая реализации таких планов ждет своей дальнейшей конкретизации, однако полной уверенности в том, что они смогут быть реализованы, нет. Тем более что многие, в том числе ключевые региональные соседи Афганистана, включая все государства — члены ШОС, продолжают предпочитать развивать экономические связи с Кабулом преимущественно на двусторонней основе. Вместе с тем этот форум привлек значительное количество региональных государств и международных организаций, а также ведущие страны Запада, с чем нельзя не считаться.

В связи с этим Шанхайская организация могла бы попытаться взять этот форум под своей более плотный «политический зонтик», тем более что, по существу, все государства — члены ШОС (за исключением Узбекистана), а также страны-наблюдатели (Пакистан, Иран, Индия, Афганистан) вовлечены в выработку и участие в соответствующих семи направлениях экономических мер доверия «Стамбульского процесса». При этом данная проблематика могла бы стать важной составной частью и предлагаемой международной конференции по Афганистану.

В контексте экономического аспекта деятельности ШОС на афганском направлении было бы также целесообразно наращивать собственный потенциал, в частности активность Делового совета и Энергетического клуба. Новый практический импульс в их деятельности объективно могло бы придать предстоящее (!) решение высших органов ШОС по вопросу о модальностях финансового сопрово-

ждения проектной деятельности Шанхайской организации (Банк развития и Специальный счет).

На совокупный рост политического авторитета ШОС в Афганистане и вокруг него оказали бы существенное позитивное влияние и договоренности о совместной реализации в этой стране какого-либо социально значимого проекта. Хотя участие в нем всех государств — членов организации представляется нереалистичным (прежде всего, из-за возражений со стороны Узбекистана), однако ст. 16 Хартии ШОС предусматривает возможность участия в совместных проектах не всех, а только заинтересованных членов организации при сохранении возможности последующего присоединения к ним остальных государств. Некоторые примеры участия отдельных стран ШОС в двусторонних и иных проектах в Афганистане уже имеются.

Безусловно, расширение организации прежде всего за счет принятия Индии и Пакистана — государств, традиционно проводящих в отношении ИРА динамичную политическую линию, также значительно способствовало бы приданию большей политической весомости практической деятельности ШОС на афганском направлении. Вместе с тем рассматривать процесс расширения в отрыве от решения вопроса о совершенствовании механизмов практической деятельности организации представлялось бы нежелательным. Без совершенствования всех структур ШОС это только способствовало бы усугублению и так недостаточной мобильности организации на фоне «утяжеления» ее структур.

В силу отсутствия в деятельности ШОС оборонной составляющей, в военно-политическом плане после вывода войск из ИРА перед Россией открываются определенные возможности по линии ОДКБ, тем более что в последнее время такой влиятельный член ШОС, как Китай, не являясь членом ОДКБ, выступает за сотрудничество между этими двумя организациями.

Было бы целесообразно продолжать наращивать усилия по совершенствованию прогностических и оперативных контактов ШОС с ОДКБ, которые, несмотря на предпринимаемые в последнее время меры, все еще остаются на неудовлетворительном уровне.

Многие неопределенности в Афганистане объективно будут способствовать существенному возрастанию роли ОДКБ в обеспечении военно-политических компонентов безопасности Центральной

Азии в свете общих угроз с юга. Несмотря на то что выход Ташкента из ОДКБ летом 2012 г. объективно сузил возможности соответствующей координации в регионе на многосторонней основе, она всё же должна всемерно поддерживаться на двусторонней основе (прежде всего, по линии России и Китая).

Весьма значимым в перспективе будет и дальнейшее укрепление практических контактов антинаркотических служб государств — членов ШОС с соответствующими структурами Афганистана как на двустороннем, так и многостороннем уровне, включая и соответствующие возможности ОДКБ. В этом же контексте значительный потенциал способно иметь и недавнее выделение в единый сегмент антитеррористической и антинаркотической деятельности ШОС в рамках Регионального антитеррористического центра (РАТЦ).

Вместе с тем, в свете стремительного охлаждения отношений между Россией и Западом в связи с событиями на Украине и вокруг нее, партнеры по ШОС, занявшие выжидательную позицию в этом противостоянии, могут на определенное время ослабить сотрудничество с РФ на площадке ШОС. Особенно это может касаться центральноазиатских членов организации.

Учитывая особую чувствительность России к подпитываемым из Афганистана угрозам с ее южного подбрюшья, США также, в свете текущей политической конъюнктуры, смогут попытаться дополнительно перебросить бремя политической ответственности в этой стране на Россию, которой, со своей стороны, следует всемерно избегать односторонней углубленной вовлеченности в афганские дела.

И.Н. Комиссина*

НАРКОТРАФИК ИЗ АФГАНИСТАНА: УГРОЗА БЕЗОПАСНОСТИ СТРАНАМ ШОС

В статье автор утверждает о провале усилий стран — доноров Афганистана в антинаркотической борьбе, что подтверждается и рядом наметившихся негативных тенденций. После вывода американских войск из этой страны возможны несколько сценариев ее развития, одним из которых является превращение Афганистана в наркогосударство. Неэффективные международная и национальная антинаркотические стратегии в стране требуют от членов ШОС активизации работы на этом направлении. Совместными усилиями в рамках единой структуры они могут более эффективно противостоять наркоагрессии.

Ключевые слова: наркоугроза, прекурсоры, ШОС, Афганистан, американские войска, стратегия, усилия, Таджикистан, Федеральная служба РФ по контролю за оборотом наркотиков.

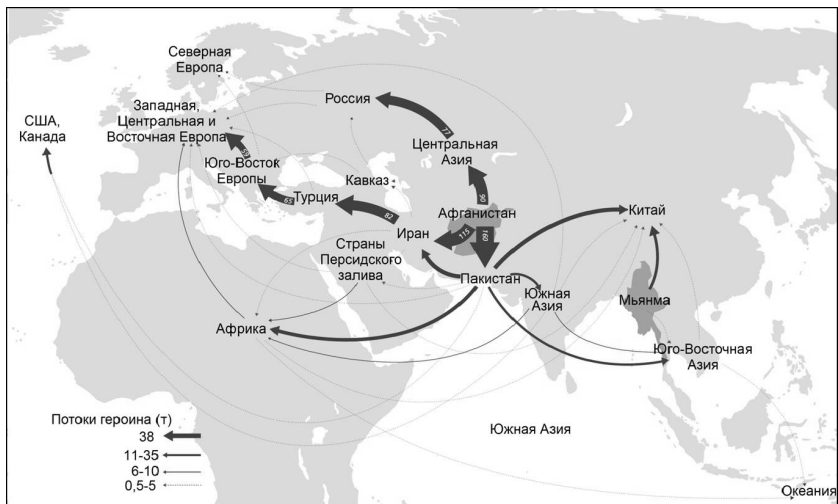
Войска международной коалиции более 10 лет находились в Афганистане в целях реализации стратегии НАТО, направленной, как заявлялось, на переустройство страны на демократический лад. Их действия все это время были сконцентрированы на борьбе с терроризмом и практически не нарушили хорошо налаженную в Афганистане систему производства, переработки и распространения

---

* Комиссина Ирина Николаевна, старший научный сотрудник Центра Азии и Ближнего Востока Российского института стратегических исследований.

наркотиков опиумной группы. Реализовывавшаяся в стране с западной помощью антинаркотическая стратегия продемонстрировала свою полную неэффективность. Наркопроизводство за период пребывания коалиционных сил выросло в десятки раз, а доля Афганистана в мировом производстве начиная с 2002 г. не опускалась ниже 70—90 %.

Следует отметить, что опиаты из Афганистана поставляются на мировые рынки по трём основным маршрутам: «западному», или «балканскому» (Афганистан—Иран—Турция—Балканы—Западная Европа), «южному» (Афганистан — Пакистан, далее в Европу, Южную Азию, Африку, АТР, США) и «северному» (Афганистан—Центральная Азия—Россия—Европа) (карта-схема). В результате в настоящее время афганскими опиатами на 100 % снабжаются соседние с ним страны, на 80—90 % — страны Европы, Аравийского полуострова, востока и юга Африки, Южной Азии (в основном Индия и Шри-Ланка). В страны Центральной Азии ежегодно транспортируется только героина 90—95 т, из которых 75—80 т транзитом поступает в Россию, где сложилась достаточно сложная наркоситуация.

Карта-схема. Маршруты трафика героина из Афганистана

Китай, который раньше служил страной транзита и рынком героина из стран «Золотого треугольника», в последнее время стал транзитёром и рынком для героина, поступающего в Синьцзян-Уйгурский автономный район (СУАР) из Афганистана. По мнению властей КНР, на долю афганского героина приходится до 20 % китайского рынка этого наркотика. По оценкам экспертов Управления ООН по наркотикам и преступности (УНП ООН), в последние годы страна ежегодно получает его до 40 т¹. Иллюстрацией того, какой вызов представляет афганское наркопроизводство для Китая, стал рост доли афганского героина в общем объеме изымаемого в стране героина с 8,8 % в 2008 г. до 30 % в 2009 г.

А через Иран и Пакистан, пока являющиеся наблюдателями в ШОС с перспективой стать полноправными её членами, проходят основные пути транзита афганского героина на мировой рынок (35 % и 40 % соответственно).

Таким образом, возрастающие объёмы нелегального транзита и сбыта афганских наркотиков являются общей проблемой для всех стран ШОС. От того, насколько эффективно она будет решаться, во многом будет зависеть наркоситуация в этих странах.

Ввиду неопределенности политического будущего Афганистана, связанного с выводом коалиционных сил, перспективы развития наркоситуации в этой стране представляются весьма пессимистичными. Вполне вероятно, что в ближайшие годы роль наркотиков в политике Афганистана станет ещё больше, чем сейчас. Все эксперты единодушно ожидают бесконтрольный рост производства опиоидного мака наряду с продолжающимся выращиванием каннабиса, а значит, страны — члены ШОС ждут новые вызовы.

После вывода американских войск из Афганистана возможны несколько сценариев развития этой страны, одним из которых является её превращение в наркогосударство. При отсутствии эффективных антинаркотических программ и политической воли, нацеленной на то, чтобы серьёзно заниматься этой проблемой, данный вариант вполне может стать реальностью. Ведь уже сейчас, по мнению некоторых специалистов, доход от торговли опиумом для экономики Афганистана играет бóльшую роль, чем для Колумбии или Боливии экспорт кокаина. Например, доходы от экспорта опиатов за рубеж в 2013 г. составили не менее 15 % ВВП.

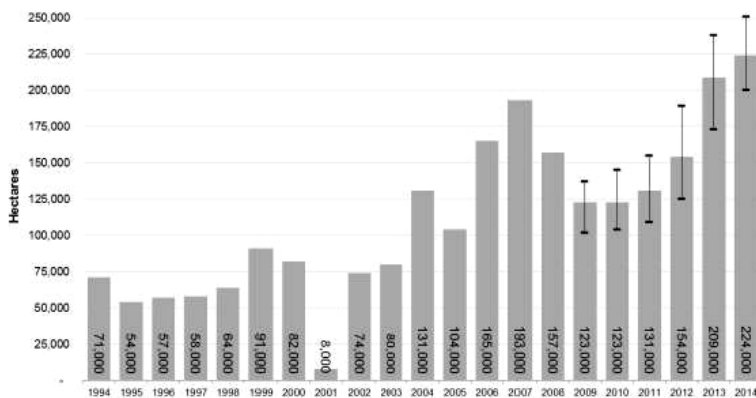
В настоящее время можно констатировать, что, несмотря на проводившиеся в Афганистане в течение 14 лет исключительно затратные военные и гуманитарные операции, международное сообщество так и не смогло добиться эффективного противодействия выращиванию опийного мака в этой стране. Более того, после объявления о выводе основного контингента иностранных вооружённых сил из Афганистана борьба с наркотиками ведётся все менее и менее активно. Можно со всей категоричностью утверждать о провале усилий стран — доноров Афганистана в антинаркотической борьбе, что подтверждается и рядом наметившихся негативных тенденций.

Ввиду неопределенности будущего развития страны после вывода коалиционных сил, крестьяне, пытаясь застраховать себя, увеличивали площади посевов опийного мака, которые и так непрерывно росли все последние годы: в 2010 г. они составляли 123 тыс. га, а в 2014 г. — уже 224 тыс. га, что превышает рекордный за всю историю наркопроизводства в стране показатель 2007 г. — 193 тыс. га² (диаграмма 1).

Одновременно росло число провинций, занятых выращиванием этой культуры: в 2010 г. — 14, а в 2014 — 19. Соответственно не могли не вырасти и урожаи опийного мака: с 3600 т в 2010 г. до 6400 т в 2014 (диаграмма 2). Причём урожаи могли быть намного выше, если бы посевы опийного мака не страдали в последние годы от непогоды и болезней.

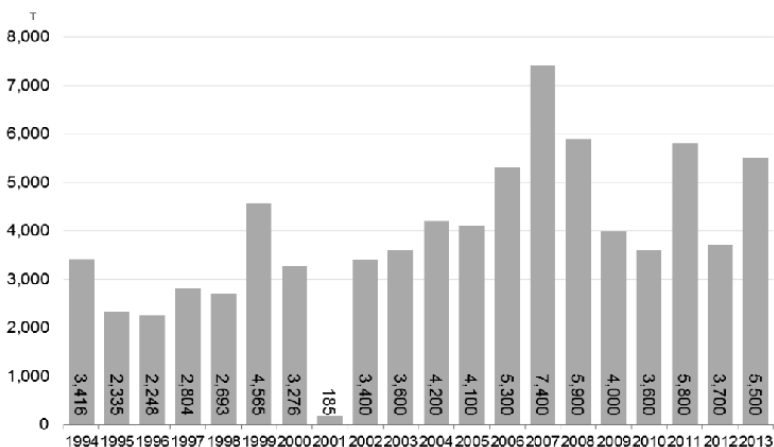
Особенно резко возросло производство этой наркокультуры в граничащей с Таджикистаном пров. Бадахшан — единственной провинции северо-востока, где выращивается опийный мак и расположены лаборатории по производству героина. Там за последние пять лет площади посевов выросли с 200 га в 2008 г. до 2374 га в 2013 г., т. е. более чем в 10 раз³. А в 2014 г. отмечен рост на 77 % до 4 тыс. га.

Выросли посевные площади и в пров. Нангархар, в которую правительство США вкладывало начиная с 2002 г. значительные финансовые средства и которая ещё недавно считалась эталоном борьбы с антиправительственными силами и распространением наркотиков, а именно: с 3 151 га в 2012 г. до 18 227 га в 2014 г. Это при том что в 2008 г. провинция была объявлена Управлением ООН по наркотикам и преступности (УНП ООН) свободной от опийного мака⁴.

Диаграмма 1. Площади выращивания опийного мака в Афганистане в 1994–2014 гг. (в га).

Источник: Afghanistan Opium Survey 2014. Cultivation and Production, United Nations Office on Drugs and Crime, Islamic Republic of Afghanistan Ministry of Counter Narcotics. November 2014. P. 12.

Диаграмма 2. Производство опия в Афганистане в 1994–2013 гг. (в т).

Источник: Обзор производства опия в Афганистане в 2013 г. Краткое изложение результатов исследования. УНП ООН. Ноябрь 2013 г. С. 17.

Даже широко разрекламированный успех в борьбе с производством наркотиков, которого якобы добилась пров. Гильменд, провозгласив свой центральный район «продовольственной зоной» с раздачей посевного материала сельскохозяйственных культур и удобрений, на деле оказался не столь уж значительным. Объем производства опия-сырца в 2012 г. в провинции все равно вырос на 19 %. В 2014 г. площади продолжали расти и достигли более 103 тыс. га, т. е. вернулись к уровню рекордного 2007 г.⁵ Провинция по-прежнему остается основным производителем опия-сырца в стране: на её долю в 2014 г. пришлось 46 % всех посевных площадей в стране. После объявления о создании «продовольственной зоны» часть крестьян переселились в пров. Фарах, где работа по уничтожению маковых посевов, по их мнению, ведется не так интенсивно. В результате посевные площади опийного мака в этой провинции в 2012 г. выросли на 58 %, в 2014 г. — на 12 % по сравнению с 2013 г. и составили более 27 тыс. га.

Ухудшается ситуация с ликвидацией посевов этой культуры, поскольку правительственные отряды встречают всё более жесткий отпор населения, в результате чего в столкновениях в 2010 г. погибли 28 сотрудников правительственных отрядов, в 2011 — 20, в 2012 — 102, в 2013 — 143 человека⁶. По заявлению властей, это происходит по причине того, что в последнее время повстанческие силы стали более организованно защищать маковые плантации. Это приводит к сокращению масштабов искоренения опийного мака в провинциях. Если в 2013 г. было уничтожено 7348 га его посевов (на 24 % меньше, чем в 2012), то в 2014 г. обработке подверглась ещё меньшая площадь — 2692 га⁷.

Афганистан по-прежнему остаётся отсталой аграрной страной, 36 % населения которой имеет доход ниже прожиточного минимума, а сельское хозяйство является единственным источником существования почти для 80 % граждан. А поскольку доходность опия-сырца в несколько раз выше любой другой легальной сельскохозяйственной культуры (по сравнению с пшеницей доходность в 2010 г. была выше в 6 раз, в 2011 — в 11 раз, в 2013 — в 4 раза), то, несмотря за запреты, производство опия останется основной статьей дохода для многих афганских семей. В настоящее время в этом процессе занято не менее 15 % населения страны.

Попытки Запада реализовать программы альтернативного развития так и не приняли широких масштабов и, по сути, не вышли за рамки пилотных проектов.

Ещё одной негативной тенденцией стало значительное сокращение уровня перехвата наркотиков в Центральной Азии. Если в 2002—2006 гг. в регионе в среднем изымалось 5 т афганского героина, то в 2007—2011 гг. — не более 3 т. В 2010 г. изъятия опия в регионе сократились на 36 %, а героина — на 25 %. Это может свидетельствовать как об ослаблении способности большинства центральноазиатских стран противодействовать наркотрафику и о росте связанной с наркотиками коррупции, так и о наличии в регионе больших запасов наркотиков, чем предполагалось⁸.

Тревожная ситуация складывается в Афганистане и с проблемой «отмывания денег». Согласно исследованию Базельского института (Швейцария) по выявлению стран с наибольшим риском «отмывания денег», Афганистан осенью 2014 г. занял 2-е после Ирана место среди 160 стран мира. Представители Центробанка Афганистана также заявляют, что в стране существенно возросли объёмы «отмывания денег»⁹. По мнению американских экспертов, афганский Центральный банк* выполняет свои основные функции не в полном объёме. В первую очередь это касается вопросов регулирования деятельности афганских коммерческих банков и других финансовых институтов, таких как хавала**, маклеры и пр., которые оперируют значительными суммами наличных денег. Отсутствие надёжного регулирования деятельности банков и системы хавала повышает риск их использования для отмывания денег торговцами наркотиков. Например, по данным УНП ООН, 80—90 % дилеров, пользующихся этой системой в Кандагаре и пров. Гильменд, участвуют в денежных переводах, связанных с наркотиками¹⁰.

Более того, центральноазиатские эксперты утверждают, что данный метод в настоящее время получает широкое распространение

---

* В настоящее время на территории Афганистана действуют пять коммерческих банков и представительства ряда иностранных банков.

** Хавала (вексель, расписка) — традиционный для ислама метод денежного обращения, который распространён на Ближнем Востоке, Азии и Африке, неформальный способ передачи средств, основанный на деловых или родственных связях.

при взаиморасчетах между таджикскими и афганскими наркодельцами¹¹.

После вывода иностранных войск контроль афганских властей в основных наркопроизводящих провинциях на юге страны ещё более ослабнет, что неизбежно приведет к значительному сокращению западных программ по внедрению наркозамещающих сельскохозяйственных культур и зарубежной помощи в социально-экономическом развитии. В результате крестьяне будут вынуждены вновь вернуться к выращиванию опийного мака, но уже на расширенных площадях, которые благодаря орошению полупустынных и пустынных участков удалось рекультивировать ранее для производства легальных сельскохозяйственных культур в ходе реализации программ западной помощи. Но уже сейчас бывший министр по борьбе с наркотиками генерал Холадад завил в декабре 2014 г., что «производство наркотиков в Афганистане вышло из-под контроля мирового сообщества», и призвал ШОС играть более активную роль в борьбе с этим злом¹².

Способствует расширению наркопроизводства и современная ситуация, складывающаяся на мировых рынках наркотиков. Для удовлетворения потребностей в болеутоляющих средствах в воюющую Сирию во всё больших объёмах поставляется морфин, что влечёт за собой в последнее время значительный рост его производства в Афганистане. По свидетельству специалистов, крупным импортёром афганского морфина в настоящее время становится нелегальный международный фармацевтический сектор, занимающийся поставками обезболивающих препаратов. Следовательно, есть все основания предполагать, что в ближайшие годы в Афганистане в ещё больших масштабах будут создаваться лаборатории по производству этого наркотика¹³.

Также наметилась тенденция роста количества опийных наркоманов в регионах Ближнего Востока и Северной Африки, в результате чего появляются новые целевые группы наркопотребителей, а у Афганистана — дополнительные источники доходов.

Неудивительно, что афганская проблема стала объектом особого внимания ШОС, которая в настоящее время в том или ином качестве объединяет государства, заинтересованные в нормализации обстановки в этой стране.

Неэффективные международная и национальная антинаркотические стратегии в Афганистане требуют от стран ШОС, которые как никто страдают от проходящего через них наркотрафика, активизации работы на этом направлении. Представляется, что страны-члены совместными усилиями в рамках единой структуры могут более эффективно противостоять наркоагрессии. В связи с этим весьма актуальным становится вопрос об использовании механизмов сотрудничества в рамках ШОС для борьбы с наркотрафиком.

Работа в этом направлении была начата еще в 2002 г., когда было признано полезным создание антинаркотической системы безопасности по периметру границ Афганистана и проведены переговоры с руководством компетентных органов стран ШОС о совместных мероприятиях по противодействию наркоугрозе. В 2004 г. был подписан первый нормативный документ организации в этой области — Соглашение о сотрудничестве в борьбе с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, предусматривающее обмен оперативной информацией, проведение совместных операций и профилактических мероприятий. В 2007 г. между ШОС и ОДКБ подписан меморандум о сотрудничестве, позволяющий расширить рамки партнерства в области борьбы с транснациональной преступностью и незаконным оборотом наркотиков. В марте 2009 г. в Москве прошла Международная конференция по Афганистану под эгидой ШОС, на которой был принят План действий по проблемам борьбы с терроризмом, незаконным оборотом наркотиков и организованной преступностью, предусматривающий конкретные направления сотрудничества между ШОС и Афганистаном. В мае того же года в Москве состоялась встреча руководителей компетентных органов государств — членов ШОС, наделенных полномочиями по борьбе с незаконным оборотом наркотиков. Главным ее итогом стало появление эффективного механизма противодействия наркоугрозе, включающего в себя, в частности, создание Совещания старших должностных лиц антинаркотических ведомств и четырех рабочих групп экспертов (по совершенствованию договорно-правовой базы сотрудничества, по правоохранительной деятельности и пресечению наркопреступности, по контролю за прекурсорами и по снижению спроса на наркотики). В 2011 г. была принята Антинаркотическая стратегия государств — членов ШОС на 2011—2016 гг.

и Программа по ее реализации. Стратегия определила общие направления по совершенствованию системы противодействия незаконному обороту наркотиков, профилактики наркомании, лечения и реабилитации наркозависимых лиц.

Однако продолжавшая ухудшаться ситуация с производством наркотиков в Афганистане требовала конкретных действий. Весной 2012 г. на очередном Совещании руководителей антинаркотических ведомств ШОС обсуждался вопрос о необходимости создания специальной структуры, ответственной за координацию антинаркотической деятельности. *Экспертное сообщество предлагало организовать такую структуру в Таджикистане.* В настоящее время предлагается расширить функциональную нагрузку Региональной антитеррористической структуры (РАТС), включив в сферу её деятельности антинаркотическую составляющую в целях расширения возможностей пресечения финансирования террористической деятельности в регионе. Это предложение может положить начало поэтапной реализации инициативы президента России В. Путина по преобразованию РАТС ШОС в универсальный центр по противодействию вызовам и угрозам безопасности, своего рода связующее звено между членами, странами-наблюдателями и партнёрами по диалогу ШОС.

В контексте подготовки к специальной сессии Генеральной ассамблеи ООН по наркотикам, запланированной на 2016 г., государства — члены ШОС на душанбинском саммите 2014 г. высказались за объединение усилий всех государств для решения мировой проблемы наркотиков.

Федеральная служба РФ по контролю за оборотом наркотиков (ФСКН), которая давно ведёт активную работу по пресечению наркотрафика из Афганистана, постоянно привлекала внимание мирового сообщества к этой проблеме путём организации конференций и проведения других практических мероприятий, считает, что противодействие афганскому наркопроизводству в рамках ШОС может осуществляться по трём основным направлениям. *Первое* — это оперативное сотрудничество, планирование и проведение совместных мероприятий, т. е. хотя бы не менее двух полномасштабных операций, которые в двустороннем формате проводятся достаточно часто.

Второе направление — это организация финансово-экономической блокады производителей наркотиков, для чего необходимо

создание при компетентных органах ШОС целевой группы экспертов, которая оценивала бы эти экономические механизмы, поддерживающие наркопроизводство.

Третье направление — дипломатическое, нацеленное на принятие соответствующих международных решений по Афганистану. Очевидно, что наркопроизводство в этой стране уже давно стало угрозой международному миру и безопасности, но так пока не получило адекватной оценки ООН, хотя Россия добивается этого в Совете Безопасности с 2011 г. Результатом работы на этом направлении стало создание ряда новых международных форматов, таких как «Центральноазиатский антинаркотический квартет» (ежегодное с 2008 г. собрание глав антинаркотических ведомств России, Афганистана, Пакистана и Таджикистана) и «Каспийская антинаркотическая пятёрка» (с 2012 г. собрание глав антинаркотических ведомств Азербайджана, Ирана, Казахстана, России и Туркменистана).

Естественно, что основной целью международных форматов является привлечение внимания мирового сообщества к проблеме наркотрафика из Афганистана в целях объединения усилий всех стран, заинтересованных в решении этой проблемы.

Представляется, что реализация такой программы действий позволит ШОС стать консолидирующим фактором мировых усилий в обуздании афганского наркопроизводства.

Литература

¹ The Global Afghan Opium Trade. A Threat Assessment, 2011, UNODC, July 2011, P.21. URL: http://www.unodc.org/documents/data-and-analysis/Studies/Glob al_Afghan_Opium_Trade_2011-web.pdf

² Afghanistan Opium Survey 2014. Cultivation and Production, United Nations Office on Drugs and Crime, Islamic Republic of Afghanistan Ministry of Counter Narcotics, November 2014, P.12. URL: <http://www.unodc.org/documents/crop-monitoring/Afghanistan/Afghan-opium-survey-2014.pdf>

³ Afghanistan Opium Survey 2014. Cultivation and Production, United Nations Office on Drugs and Crime, Islamic Republic of Afghanistan Ministry of Counter Narcotics, November 2014. URL: <http://www.unodc.org/documents/crop-monitoring/Afghanistan/Afghan-opium-survey-2014.pdf>

⁴ Future U.S. Counternarcotics Efforts in Afghanistan, Statement of John F. Sopko, Special Inspector General for Afghanistan Reconstruction, SIGAR, January 15, 2014, P. 5. URL: <http://www.drugcaucus.senate.gov/hearing-1-15-14/SIGAR%20John%20F%20%20Sopko.pdf>

⁵ Afghanistan Opium Survey 2014. Cultivation and Production, United Nations Office on Drugs and Crime, Islamic Republic of Afghanistan Ministry of Counter Narcotics, November 2014. URL: <http://www.unodc.org/documents/crop-monitoring/Afghanistan/Afghan-opium-survey-2014.pdf>

⁶ Ibid.

⁷ Ibid.

⁸ Степанова Е. Россия, США и противодействие наркотрафику из Афганистана / Pro et Contra, ноябрь—декабрь 2013. С. 112.

⁹ Центробанк ИРА: В Афганистане увеличились объёмы «отмывания денег», 30.06.2013. URL: <http://afghanistan.ru/doc/61929.html>

¹⁰ Afghanistan's Drug Industry Book: Structure, Functioning, Dynamics and Implications for Counter-Narcotics Policy. UNODC & World Bank, Edited by Doris Buddenberg and William A. Byrd, P. 15. URL: https://www.unodc.org/pdf/Afgh_drugindustry_Nov06.pdf

¹¹ Саркорова А. Афганского опия становится меньше, но все равно много / Русская служба BBC, 19 ноября 2010 г. URL: http://www.bbc.co.uk/russian/international/2010/11/101119_tajik_afghan_drug_trafficking.shtml

¹² Хоодад: ШОС надо играть более активную роль в борьбе с наркотиками, 12.12.2014. URL: <http://ria.ru/world/20141212/1037919568.html>

¹³ Ioannis Michaletos. The changing dynamics of the Afghan heroin trail. Developments, new routes, probable outcomes, an international closed conference held in a Southeastern European country in November 2013. URL: <http://www.rimse.gr/2013/11/the-changing-dynamics-of-afghan-heroin.html>

Л.Е. Васильев*

ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОГО ТЕРРОРИЗМА И БОРЬБЫ С НИМ НА ПРОСТРАНСТВЕ ШОС

Статья посвящена анализу особенностей современного терроризма, причин его возникновения, используемых методов и способов проведения террористических акций, а также современных тенденций их развития. Особое внимание в статье уделено самой опасной из разновидностей современного терроризма — государственному терроризму и формам его проявления. В статье также представлены особенности террористической деятельности на пространстве ШОС.

Ключевые слова: терроризм, сепаратизм, экстремизм, безопасность, геополитика, Шанхайская организация сотрудничества, пространство ШОС.

Международный терроризм — как форма достижения политических целей

Современный терроризм представляет собой многоплановую политическую субстанцию и является, к сожалению, одним из эффективных способов реализации политических целей. В настоящее время этот способ получил достаточно широкое распространение и представляет серьезную опасность для всего мирового сообщества. Поэтому особенности современного терроризма, причины его воз-

---

* Васильев Леонид Евгеньевич, старший научный сотрудник ИДВ РАН.

никновения, используемые методы и способы проведения террористических акций, а также современные тенденции их развития представляют значительный интерес как для специалистов и специальных структур, занимающихся борьбой с терроризмом, так и для органов государственной власти в целом. И чтобы объективно оценивать происходящие в мире процессы, связанные с проявлениями международного терроризма, необходимо учитывать следующее.

Первое. Терроризм — это способ достижения различных политических целей в мирных условиях с использованием методов вооруженной борьбы, в основном диверсионной деятельности, которая обычно широко используется современными регулярными армиями противоборствующих сторон в период военных конфликтов. Известный политолог З. Бжезинский неоднократно подчеркивал, что терроризм — это тактика, а не идеология, а объявлять войну тактике — бессмысленно. Однако терроризм может быть использован и уже активно используется некоторыми личностями, организациями и даже государствами, о чем будет указано ниже, для достижения целей, поставленных в рамках вышеназванных идеологий. Причем использование ими методов терроризма, как правило, не зависит от самой идеологии, а обусловлено сложившимися политическими обстоятельствами, наличием возможностей их применения и людей, способных их осуществить.

Второе. Известно, террористические организации в современном их представлении существовали в различных странах, начиная еще с XIX в., однако только после событий 11 сентября 2001 г. терроризм стал трактоваться как идеологическое понятие. Это позволило объединить материальные ресурсы различных государств для обеспечения решения конкретной политической задачи США: объявить неугодные Вашингтону государства террористическими с применением к ним методов международной изоляции и, хотя и косвенно, целую мировую религию (ислам) — пособником международного терроризма.

Более того, следует отметить, что манипулирование трактовками и понятиями на тему «что такое терроризм?» сразу стало широко использоваться современными политологами и государственными деятелями других стран для достижения вполне конкретных полити-

ческих целей в различных регионах мира, далеко не всегда даже связанных с терроризмом. Это объясняется следующим.

1. Появлением возможности нарушения принятых мировым сообществом международных норм и правил цивилизованного отношения между государствами, которое позволило использовать под флагом борьбы с международным терроризмом нелегитимные методы ведения борьбы. Так, прямая военная агрессия стала называться контртеррористической операцией; уничтожение мирного населения — «зачисткой» местности от террористов; создание концентрационных лагерей и использование пыток при допросах пленных — необходимыми методами борьбы с террористами и т. п.

2. Подмена понятий позволила объявлять любое государство, конкретные оппозиционные и религиозные организации террористическими, противников режима в любой стране — террористами и фактически ставить их вне закона.

3. «Повышение статуса терроризма» и возведения его в ранг «международного зла» дало возможность сосредоточить огромные финансовые средства в руках соответствующих структур, что в период окончания холодной войны и снижения военных расходов имело огромное значение для силовых структур в различных государствах.

4. Борьба с международным терроризмом существенно повысила значение и права спецслужб в обществе, значительно расширила права самого государства в отношении прав самих граждан, позволила, при определенных обстоятельствах, существенно их ограничивать, что может быть использовано и часто используется правящими элитами в своих интересах.

5. Введение понятия «терроризм» как идеологии содействовало введению в обиход таких надуманных понятий как, например, «экологический терроризм», «демографический терроризм», «культурологический терроризм» и т. п., что, в свою очередь, обеспечивает получение и освоение достаточно больших финансовых средств на противодействие несуществующим угрозам.

6. Смена понятий выгодна и самим террористам, так как государства направляют средства не на борьбу с причинами и источниками возникновения терроризма (бедность, безработица, социальная незащищенность и т. п.), а на развитие силовых ведомств и государственных структур, занимающихся борьбой с терроризмом, что

сохраняет социальную базу терроризма и обеспечивает его живучесть.

Третье. Особенность и привлекательность терроризма состоит в том, что его можно использовать для достижения любых целей: политических, социальных, экономических, религиозных и т. п. При этом для организации террористической деятельности необходимо присутствие трех основных факторов: наличие властных устремлений у отдельных личностей, групп единомышленников или организаций; присутствие у них экстремистских настроений и нигилистического отношения к легитимным методам борьбы и, как следствие, выбор террористических методов достижения своих целей. Другими словами, терроризм — это инструмент, который может использовать ту или иную идеологию.

Обобщая вышеизложенное, можно констатировать, что терроризм — это форма насильственной политической борьбы, которая нарушает основные принципы и нормы международного права и морали. Не всякое насилие — это терроризм, но всякий терроризм — это насилие. Причем, это насилие, носящее системный, наступательный и массовый характер, использующее тактику непредсказуемых атак с целью нагнетания страха.

Другими словами, можно обобщенно сказать, что *терроризм* — это любое действие или угроза действием, связанные с причинением смерти или серьезного вреда гражданским жителям, полицейским или военным органам в мирное время, а также нанесением кому-либо или чему-либо значительного материального ущерба, когда цели такого акта по его характеру или содержанию направлены на то, чтобы запугать население, заставить правительство или международную организацию выполнять или воздержаться от выполнения каких-либо действий.

Террористическая деятельность включает в себя:

- организацию, планирование, подготовку и совершение террористических акций;
- подстрекательство к проведению террористических акций, призывы к насилию при достижении политических целей;
- организацию незаконных военизированных формирований или преступных организаций с целью совершения террористических акций, а равно участие в них;

- вербовку, вооружение или использование террористов в террористических акциях, а также обучение их террористическим навыкам;
- финансирование террористической организации или террористов.

Современный терроризм как социально-политическая и правовая категории обладает особыми признаками и характерными чертами, которые существенно отличают его от терроризма более ранних веков.

Он представляет собой гораздо более высокую общественную опасность, возникающую при совершении масштабных террористических актов либо вследствие угрозы осуществления таковых. При этом целью террористов является не уничтожение конкретных лиц, как это было ранее, а убийство или захват в заложники большого количества невинных людей, которые случайно оказываются на месте взрыва или захвата.

Его отличает публичный характер исполнения терактов. Если преступления иного вида обычно совершаются тайно и лишь иногда сопровождаются информированием только тех лиц, в действиях которых заинтересованы преступники, то современный терроризм без широкой огласки, без открытого предъявления требований властям с использованием средств массовой информации свои задачи не решает.

Основной целью и отличительной особенностью современного терроризма является преднамеренное создание обстановки страха, подавленности, напряженности в обществе и государстве. При этом обстановка такого страха и напряженности создается не на индивидуальном или узкогрупповом уровне, а на уровне социальном. Поэтому она представляет собой объективный социально-психологический фактор, призванный воздействовать на все общество и вынудить его к действиям в интересах террористов и принятию их условий.

Отличительной чертой современного терроризма является то, что насилие применяется в отношении одних лиц или некоего имущества, а психологическое воздействие в целях склонения к определенному поведению оказывается на других лиц. Причем воздействие на лиц, от которых террористы намерены получить ожидаемый результат, может быть как прямым, так и косвенным.

Существует достаточно разнообразное количество форм проявления терроризма. К основным из них можно отнести следующие:

- использование взрывных устройств;
- индивидуальный террор и политические убийства;
- захват и угон морского или воздушного судна;
- захват заложников;
- использование хакерской деятельности в интересах террористов;
- организация техногенных аварий и катастроф;
- использование или угроза использованием различных компонентов оружия массового уничтожения.

Кроме того, не исключено, что в ближайшее время появятся новые, более изощренные формы терроризма, связанные в первую очередь с развитием научно-технического прогресса.

По составу участников террористической деятельности терроризм можно разделить на индивидуальный и организованный. В первом случае террористический акт совершает один-два человека, за которыми не стоит какая-либо организация, а во втором — террористическая деятельность планируется и реализуется специальной организацией.

По своим целям терроризм делится на:

1. *Националистический* — преследует сепаратистские или национально-освободительные цели.

2. *Религиозный* — связан либо с борьбой приверженцев одной религии с приверженцами другой, либо преследует цель подорвать светскую власть и утвердить власть религиозную.

3. *Социальный* (идеологический) — преследует цель коренного или частичного изменения экономической или политической системы страны. Примером идеологического терроризма служат анархистский, эсеровский, фашистский, европейский «левый» терроризм и др.¹

Государственный терроризм —

самая опасная разновидность международного терроризма

Понятие «государственный терроризм» возникло сразу после событий 11 сентября 2001 г. Причем возникло оно не на пустом месте, и его возникновение было обусловлено реализацией четко проду-

манной политики США в складывающихся после окончания холодной войны мировых политических реалиях. Еще в сентябре 2000 г., за год до указанных событий, в докладе «Восстановление обороны США», разработанном в рамках проекта «Новый американский век» (PNAC) было заявлено: «Процесс трансформации (оборонной мощи США. — Л.В.) может затянуться, если не произойдет катастрофическое или катализирующее событие, подобное Перл-Харбору». Поэтому неудивительно, что сразу же после событий 11 сентября информационно-идеологическая машина Соединенных Штатов работала в заранее заданном направлении. Основная цель, как это определено в указанном выше докладе, — обеспечить мировое господство США в XXI в.: «американское лидерство одинаково хорошо как для Америки, так и для всего мира».

Для реализации выработанной политики были приняты следующие меры.

Терроризм вопреки своей сути был объявлен идеологией, что позволило назвать целые государства, религии и нации террористическими и на этой почве сплотить значительное количество стран мирового сообщества в борьбе против таких государств-изгоев. После этого сразу же была объявлена так называемая ось зла, куда вошли государства, с которыми у США «не сложились» отношения: Ирак, Иран, Афганистан и др., что, конечно же, не является случайным.

В международную политическую практику был введен термин «государственный терроризм», а вышеназванные государства были объявлены террористическими, что позволяло отказаться в отношениях с этими странами от норм международного права со всеми вытекающими отсюда последствиями. На практике это стало оправданием прямой военной агрессии против Афганистана и Ирака.

Объявление терроризма идеологией позволило США создать коалицию государств, в определенной мере даже привлечь к ней своих противников, для практической реализации планов так называемой контртеррористической операции, сначала в Афганистане, Ираке, а затем и в Сирии.

При этом Джордж Буш-младший еще в 2001 г. четко расставил акценты: «Сейчас все страны во всех регионах должны решить для себя: либо вы с нами, либо с террористами». Таким образом, государства не только признавали лидерство США и становились по-

слушными исполнителями любых их начинаний, но и фактически обеспечивали США своими финансовыми и военными ресурсами для реализации американских целей в различных регионах мира, маскируемых под борьбу с терроризмом.

Под эгидой борьбы с «Аль-Каидой» и движением «Талибан», а также поиском мнимого ядерного оружия в Ираке, была осуществлена вооруженная агрессия против этих государств, завершившаяся установлением в них проамериканских правительств и передачей контроля над их энергетическими ресурсами американским и союзным с ними компаниям.

Однако, как показала практика, проведение длительных масштабных военных операций, причем в нескольких странах одновременно, не под силу даже такой стране, как США. Поэтому был разработан более дешевый способ удаления от власти неугодных правительств: так называемые цветные революции. Цель этих революций аналогична целям, реализуемым США при проведении борьбы с международным терроризмом: установление в различных государствах правительств, лояльных Соединенным Штатам. Причем, следует заметить, новая власть устанавливается, как правило, нелегитимными способами с нарушением законов конкретной страны и одновременной пропагандой своих действий как действий по защите демократии.

Необходимыми условиями для возникновения таких революций являются:

- слабая, коррумпированная государственная власть;
- слабые силовые структуры и отсутствие эффективной системы управления ими;
- социальная напряженность в обществе, наличие большого количества населения, недовольного политикой, проводимой властями;
- высокий уровень безработицы, особенно среди молодежи;
- наличие большого количества международных неправительственных организаций и тесная связь с ними лидеров оппозиции;
- международная поддержка оппозиции.

Методы противодействия властям в ходе таких революций для достижения поставленных перед ними целей достаточно широко разработаны американским политологом Джином Шарпом.

Характерная деталь: утверждается, что «цветные революции» являются ненасильственными и демократическими. Однако проводятся они, как правило, нелегитимными способами, и их целью является запугать население для обеспечения повсеместной поддержки «революционеров» и заставить правительство выполнить те или иные устраивающие их действия. Кроме того, как показала практика, во многих странах (например, Югославии, Грузии, Киргизии, Украине и др.) проведение таких революций нередко сопровождается открытым террором против представителей властных структур и противников революции. Все это вполне подходит под определение террористической деятельности и может быть квалифицировано как гражданский терроризм. Другими словами, гражданский терроризм — это борьба с легитимными правительствами террористическими способами, которые включают в себя полную палитру таких средств, начиная с создания хаоса в обществе до морального террора власти и физического устранения представителей власти и даже членов их семей.

Более того, так как эти революции в принципе невозможны без помощи извне, то государства, оказывающие помощь таким «революционерам», согласно американской терминологии, вполне могут быть объявлены как террористические, а само их действие — государственным терроризмом.

Однако «цветные революции», как показала практика, далеко не всегда эффективны. Известны случаи, когда в некоторых исламских государствах они не приносят результата, даже если все условия для их победы соблюдены. Классический, с этой точки зрения, пример — Киргизия 2005 г. Казалось бы, для победы есть все: слабая, коррумпированная власть; слабые силовые структуры; большой процент населения, недовольного властями; наличие большого числа действующих международных структур, неподконтрольных власти, и т. д. и т. п. Но результат оказался совсем не таким, каким его ожидали: один клан сменил у власти другой, что не дало никаких преференций Западу.

Поэтому для повышения эффективности «революций» в исламском мире стал использоваться старый испытанный способ, который еще в 1980-х годах активно успешно применялся против советского контингента в Афганистане, а именно: создание террористи-

ческих (диверсионных) вооруженных организаций (групп), вокруг которых объединяется оппозиция и которые, при поддержке Запада, консолидируют борьбу против существующей власти. Причем если для Афганистана создавалась такая организация, как «Аль-Каида», то теперь используются ее клоны: «Братья мусульмане» в Египте, ИГИЛ в Сирии, «Ливийская исламская боевая группа» в Ливии, «Армии освобождения Косово» на Балканах.

Суть в этих сценариев в следующем:

- создается или используется готовая, хорошо в течение длительного времени подготовленная в военном отношении организация, которая выступает против существующей власти по принципиальным вопросам с единственной целью: отправить легитимную власть в отставку;

- данной организации выделяются значительные финансовые средства для привлечения на ее сторону других оппозиционных сил и их объединения под эгидой свержения правительства любыми средствами;

- начинается широкая компания пропаганды в обществе о том, что оппозицию поддерживает Запад, а существующая власть — изгой мирового сообщества, а те, кто ее поддерживает, — будут жестоко наказаны;

- создается любой незначительный повод для открытых выступлений против власти, носящий сначала гражданско-агрессивный характер, а затем — вооруженное выступление против властных структур, ведется активная компания «о зверствах» власти в международных СМИ;

- следует обращение оппозиции к Западу и его вооруженное вмешательство во внутренние дела конкретной страны, которое в конечном итоге приводит к смене власти и установлению прозападного режима в данной конкретной стране.

Кроме этих мер, активно используются экономические и политические меры воздействия на власть со стороны третьих стран, в том числе:

- «накачка» экономики государства кредитами с целью установления его экономической зависимости от стран-кредиторов;

- поощрение и стимулирование коррупции в высших эшелонах власти конкретного государства;

- внедрение через СМИ и средства масс- и медиакультуры идеологии примата частных интересов над общественными;
- создание условий для развала силовых структур и создание через СМИ их отрицательного образа в сознании населения.

Целями такой политики, судя по масштабам ее географической и политической конфигурации, скорее всего, являются:

1. Захват и обеспечение «жесткого» контроля над энергоресурсами Ближнего и Среднего Востока, а также Африки, с передачей его в руки транснациональных корпораций. Такое решение позволит США и их союзникам в случае необходимости вмешиваться во внутренние дела государств под эгидой защиты своих граждан и компаний.

2. Установление проамериканских режимов в государствах, окружающих Россию и Китай, для обеспечения, при необходимости, их изоляции. Этой же цели служат и развертывание новых элементов ПРО (не только в Европе, но и в Азии), и попытки создания «исламского халифата» с прозападной ориентацией.

3. Проведение политики «управляемой нестабильности» в странах, обладающих энергоресурсами, с целью получения возможности управления мировыми ценами на энергоресурсы и, как следствие, укрепления доллара в качестве международной валюты.

4. Налаживание отношений с суннитской частью исламского мира (примерно 85 % мусульман), при жестком подавлении другой — шиитской, которая чаще всего выступает против экспансии США.

Вышеперечисленные технологии были успешно использованы американцами в ходе так называемой арабской весны 2011—2012 гг. Как удачно выразился один из аналитиков, «арабская весна — это сплошной тотальный террор». Ставка американских стратегов была сделана на создание и искусственное поддержание перманентной нестабильности на Большом Ближнем Востоке. В случае успеха этого проекта США получают возможность в дальнейшем поставить под свой единоличный контроль огромные энергетические ресурсы и маршруты их транспортировки, а также другие природные ресурсы, препятствуя появлению на пространстве от Марокко на западе до Индонезии на юго-востоке новых центров силы².

При этом следует подчеркнуть, что глобализация террористических проявлений стала важнейшей новой характеристикой терро-

ризма. С утверждением мировым сообществом принципа запрещения агрессивной войны как способа решения политических проблем, политики, проповедующие насилие в международных делах, вынуждены искать другие методы и средства реализации своих целей. Одним из таких активно используемых некоторыми государствами методов стал международный терроризм, а также борьба с ним. Еще в 80-е годы XX в. появилась тенденция подразумевать под терроризмом особый метод ведения тайных военных действий, так называемую суррогатную войну. В настоящее время под это определение попадает и ведение «антитеррористических операций».

К характерным чертам названных методов такой войны можно отнести:

- наличие «государств-спонсоров», которые действуют, как правило, тайно и отрицают свою ответственность за акты терроризма или открыто объявляют себя сторонниками борьбы с терроризмом в случаях, когда война ведется под прикрытием «антитеррористической операции»;
- вовлечение специалистов разведки, спецслужб, вербующих и финансирующих банды наемников для проведения террористических или антитеррористических операций;
- обеспечение доступа террористов к новейшему современному оружию высокой точности, с большей убойной силой и прицельной дальностью;
- предоставление убежища и защиты террористам после выполнения поставленных перед ними задач;
- предоставление информационных ресурсов в мировых СМИ с целью обеления и оправдания действий террористов;
- оказание сильнейшего психологического воздействия на общественное мнение в других странах.

Обращение государств, в той или иной форме, к подобным мерам принято квалифицировать как «государственный терроризм». При этом государственный терроризм — как и агрессия — это результат преступной государственной политики конкретного государства.

Учитывая вышеизложенное, следует остановиться на некоторых фактах, характеризующих современную политику Соединенных Штатов.

Первое. Основной стратегией США в XXI в. будет достижение и сохранение их мирового господства. Для этих целей будут использоваться любые методы их достижения, при полном игнорировании сложившихся норм международного права, в случаях, если эти нормы мешают достижению поставленных целей. При этом действия США и их безнаказанность за нарушения Устава ООН способствуют росту числа очагов напряженности, увеличению числа вооруженных конфликтов, усилению террора и интернационализации террористических организаций в различных регионах мира. Как заявил недавно министр обороны России С. Шойгу, «в настоящее время во всех горячих точках планеты присутствуют американцы»³.

Второе. Общеизвестно, что главное отличие терроризма от других методов борьбы заключается в намеренном игнорировании норм права и морали. Как показала практика, в настоящее время США практически полностью игнорируют эти нормы, что подтверждается их действиями в Югославии, Ираке и Сирии, активным участием в событиях «арабской весны». В свое время государственный секретарь США М. Олбрайт заявила: «Если нам приходится применять силу, то только потому, что мы — американцы, мы — избранная нация». Ей вторит и нынешний президент США Б. Обама. Так, выступая перед выпускниками военной академии в Вест-Пойнте, он сказал: «Я верю в исключительность Америки всеми фибрами души. США должны играть ведущую роль в мире, и вооруженные силы всегда будут основой этого лидерства. Вопрос не в том, будем ли мы возглавлять мировое сообщество, а в том, как мы будем это делать»⁴. Те методы и способы, которые Соединенные Штаты широко используют в своей политической практике, в этих регионах уверенно можно отнести к такому понятию, как «государственный терроризм».

Третье. К основным признакам государственного терроризма американские политологи и аналитики относят финансовую, военную и информационную поддержку террористических организаций, которую, по их мнению, осуществляют государства-изгои. Однако исторический опыт показывает, что сами американцы не только поддерживают деятельность нужных им международных террористических организаций, но и принимают активное участие в образовании и становлении таких организаций, что наглядно демонстрирует история создания «Аль-Каиды», ИГИЛа, «Ливийской исламской

боевой группы» и многих других. Правда, иногда эти организации затем выходят из-под контроля США, но это уже не так важно для американских стратегов: *во-первых*, потому что они уже выполнили свою задачу, а *во-вторых*, дальнейшая их деятельность эффективно используются западными СМИ для нагнетания истерии в мировом общественном мнении по поводу борьбы с терроризмом, что также способствует реализации американских интересов.

Четвертое. Разрабатывая и поддерживая проведение «цветных революций» в различных государствах мира, Соединенные Штаты практически организуют государственные перевороты, совершаемые террористическими методами. В любой стране мира, в том числе и в самих США, такая деятельность характеризуется как экстремистская и террористическая. Поэтому, финансируя и поддерживая такие революции, Вашингтон осуществляет террористическую деятельность по отношению к легитимно избранным органам местной власти, что является одной из ими же декларированных характеристик государственного терроризма.

Пятое. Соединенные Штаты активно используют такой характерный прием террористов всех мастей, как шантаж. Чаще всего это экономический или финансовый шантаж неудобных им государств, причем такие методы используются все чаще, а их география расширяется. Следует отметить также, что экономический шантаж применяется не только к противникам США, но и к их союзникам в случаях их непослушания. Использование таких способов достижения своих целей лишний раз доказывает, что Соединенные Штаты являются страной государственного терроризма.

Анализируя изложенные выше факты, можно достаточно уверенно сказать, что главным государством на планете, возведшим государственный терроризм в ранг приоритетов своей внешней политики, являются Соединенные Штаты Америки. Исповедуя свою исключительность в мировом сообществе; поставив во главу угла своих моральных принципов достижение мирового господства; выказывая полное пренебрежение к нормам международного права и морали; реализуя свои интересы в основном через применение насилия; создавая, поддерживая и финансируя террористические организации любой направленности, включая фашистские, и обладая самым большим военным потенциалом в мире, США стали, навер-

ное, самой серьезной угрозой безопасности и стабильности мирового сообщества. Так, первоначально обвинив некоторые государства в государственном терроризме, Соединенные Штаты, как оказалось, сами являются крупнейшим в мире государством-террористом.

Таким образом, терроризм, как и его антипод — антитерроризм, такой, каким его понимают в Вашингтоне, стоят на службе у политических и финансовых организаций, а также транснациональных корпораций США и их союзников. Терроризм и сопровождающие его американские антитеррористические операции используются как эффективные способы захвата и контроля за территориями суверенных государств. Они применяются там, где нужно существенно повлиять на проводимую государственную политику, общественное мнение, финансовые и экономические процессы в данной конкретной стране.

Правило «золотого миллиарда» гласит, что ресурсов на всех не хватит. Это значит, что развитым индустриальным державам надо ограничивать развитие и контролировать потребление других стран — во избежание появления серьезных конкурентов. Ограничение и контроль осуществляется невоенными и военными способами. Невоенные способы это: неограниченные кредиты, поощрение коррупции в высших эшелонах власти, экономические санкции. К военным способам можно отнести дестабилизацию ситуации в стране путем оккупации, государственного переворота или активной поддержки терроризма и массовых беспорядков. При этом страна, лежащая в руинах, граждане которой убивают друг друга по религиозным или политическим мотивам, будет потреблять мало ресурсов в силу бедности, но, тем не менее, сможет в больших количествах поставлять дешевую рабочую силу на мировые рынки труда.

К сожалению, следует констатировать, что политика государственного терроризма будет широко использоваться Вашингтоном как в ближайшей, так и в среднесрочной перспективе. Это вызвано следующими причинами:

- отстраняя от власти неугодные им правительства суверенных государств, США практически во всех случаях приводят к власти в этих государствах зависимые от них правительства, которые беспрекословно выполняют волю своего сюзерена;

- как правило, в государствах, которые подверглись такому воздействию Соединенных Штатов, происходит раскол (религиозный, этнический, социальный и т. п.), который искусственно привносится в общество посредством деятельности различных экстремистских организаций. Эти организации создаются под патронажем американцев и их союзников. Их основной целью является создание и поддержание достаточной степени напряженности в гражданском обществе, чтобы длительное время государство представляло тлеющий очаг напряженности и легко управлялось из-за рубежа. Довольно часто этот очаг разгорается до гражданской войны и распада государства. Но и такое дробление государств (например, Югославия, Ливия, Ирак, Украина и др.) выгодно США, так как новые государственные образования значительный период времени должны потратить на становление своей государственности, а значит, почти наверняка все это время будут зависеть от США;

- распад крупных государств на более мелкие позволяет Соединенным Штатам в случае необходимости использовать свою военную силу более «эффективно» за счет применения более совершенного оружия, не задействуя больших контингентов войск, что значительно уменьшает людские потери;

- такая политика США направлена в первую очередь на государства, обладающие серьезными сырьевыми ресурсами или выгодным с военной точки зрения географическим положением. Овладевая под видом проведения антитеррористической операции новыми рубежами для размещения своего военного потенциала вблизи вероятных противников (России и Китая), захватывая сырьевые ресурсы и вытесняя конкурентов американских и других западных компаний с территорий ранее самостоятельных государств, Соединенные Штаты практически ведут захватническую войну по переделу мира, только другими способами, и надо заметить, что эта война дает им неплохие дивиденды, так что прекращать ее в ближайшем будущем они вряд ли соберутся.

Если исходить из логики современной внешней политики США, характеризующейся как политика государственного терроризма и ее географической направленности, то с достаточной степенью вероятности можно заявить, что следующий свой удар Соединенные Штаты нанесут в Центральной Азии (ЦА). Это объясняется близостью к

границам основных противников — России (с южного направления) и Китая (с северо-западного направления); наличием подконтрольных Вашингтону союзников — Афганистана и Пакистана; присутствием серьезных террористических и экстремистских организаций в регионе, а также слабостью государственной власти в центральноазиатских государствах.

При этом надо учитывать, что, скорее всего, США откажутся от своей стратегии «демократизации Центральной Азии», которая не приносит им ощутимых результатов, и перейдут на более прагматичный путь: умеренной исламизации региона, с последующим объединением государств ЦА, Афганистана, Пакистана, а также Турции в лояльный для Соединенных Штатов союз.

Особенности проявлений терроризма в ЦА

Центральная Азия с точки зрения безопасности не самый благополучный регион. Гражданская война в Таджикистане (1990-е годы), «цветные» революции в Киргизии (в 2005 и 2010 гг.), борьба с боевиками Исламского движения Узбекистана в Киргизии и Узбекистане (в 1999—2000 гг.), а также андижанские события в Узбекистане (2005 г.) — все это свидетельствует, что существуют серьезные вызовы региональной безопасности в лице исламских экстремистов и этно-национальных сепаратистов, которые активно используют терроризм для достижения своих целей.

Особенно опасна возможность перерастания террористического насилия во внутренние вооруженные конфликты и гражданские войны, которые всегда сопровождаются массовой гибелью мирного населения, распадом общественных связей, разрушением государственной инфраструктуры. Кроме того, происходит дестабилизация обстановки в соседних государствах, сталкивающихся, как минимум, с массовой миграцией и нарушением межгосударственных связей в целых регионах. Поэтому терроризм остается для стран Центральной Азии серьезным дестабилизирующим фактором, провоцирующим социально-политическую напряженность и представляющим реальную угрозу их безопасности.

Если говорить о наиболее общих причинах разрастания терроризма в современных условиях, то их порождает ряд факторов

внутреннего и внешнего свойства. К *внутренним* факторам следует отнести:

- заметное снижение жизненного уровня населения в ряде стран, усугубляющееся беспрецедентным ростом социальной дифференциации;
- кризисное положение большинства социальных и профессиональных групп, вызванное высоким уровнем безработицы, что обуславливает миграцию населения, а также психологическую деградацию и дезориентацию личности;
- навязывание правящей элитой нетрадиционных для данного общества социально-политических нововведений, в сочетании с репрессиями по отношению к оппозиционным движениям и инакомыслию;
- ошибки в национальной политике, допускаемые правительствами определенных государств, что порождает среди некоторых групп населения, прежде всего этнических и религиозных меньшинств, сепаратистские настроения и идеи национального самоутверждения;
- расширение доступа к информации, содержащей идеи и взгляды, пропагандирующие культ насилия и нетерпимости, а также героизирующие террористов;
- сравнительная доступность для населения оружия, включающая относительную простоту его приобретения или кустарного производства.

К главным из *внешних* факторов распространения терроризма можно отнести:

- несправедливость распределения доходов при современном международном разделении труда, обеспечивающую максимальную и все увеличивающуюся прибыль развитых государств и консервирующую прозябание развивающихся;
- эгоизм ведущих мировых корпораций при эксплуатации ресурсов стран третьего мира;
- политический, экономический и даже военный нажим на отдельные страны с целью продвижения собственных национальных интересов на их территории;
- осуществление скрытой поддержки и поощрения терроризма на уровне государственной политики некоторых стран, направленное на достижение конкретных внешнеполитических целей.

В современных условиях террористические организации быстро приспосабливаются к новым решениям, меняют тактику и методы своей деятельности, умело используют экономические и социальные проблемы, религиозный фанатизм и сепаратистские настроения. При этом в последние годы они переключают внимание с прежних «труднодоступных» целей, таких как военные объекты, дипломатические и международные учреждения, на более уязвимые объекты гражданского назначения, места массового скопления мирных граждан. В результате террористические акты становятся все более изощренными, масштабными и антигуманными.

К основным террористическим организациям, действующим в Центрально-Азиатском регионе (ЦАР) можно отнести:

«Исламское движение Узбекистана» и его ответвление «Союз исламского джихада», «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами» («Партия исламского освобождения»), «Джунд аль-Халифат» («Солдаты халифата»), Исламский джихад (Джамаат моджахедов). Эти крупные террористические организации действуют практически на всем пространстве Центральной Азии.

Автономные ячейки международной террористической организации «Братья-мусульмане», такие как «Общество социальных реформ», «Комитет исламского призыва», «Даава Исламийя» и др., действуют в Казахстане, Киргизии и Таджикистане.

Террористические организации «Акромиды», «Адолат уюшмачиси», «Ислом лашкарлари» («Воины ислама») — действует в Узбекистане, организация «Товба» («Покаяние») — имеет сторонников и активистов в Киргизии и Узбекистане.

Кроме того, в Центрально-Азиатском регионе активно работают фонды и организации исламской направленности, такие как «Мутакалим», «Ихсан-Хария», «Аль Вакъ Аль Ислами», «Всемирная ассамблея исламской молодежи», «Международный гуманитарный призыв», «Комитет мусульман Азии», «Союз исламского джихада» и др., некоторые из них проповедуют направления радикального ислама, такие как сулафизм и ваххабизм.

Оценивая деятельность террористических организаций в Центральной Азии в настоящее время, следует отметить следующее.

1. Сегодня наиболее крупные террористические организации в ЦАР имеют схожие стратегические цели, а также разработанную

многовариантную тактику их достижения. При этом автономность их вооруженной составляющей, прочность сетей и устойчивость ячеек, а также техническая оснащенность постоянно возрастают, с одновременным расширением географии действий и круга лиц, принимающих решения на их осуществление.

2. В текущих условиях среди населения ЦА все большую привлекательность находит если не поддержка, то по крайней мере оправдание терроризма как метода борьбы за достойную жизнь. Это вызвано разочарованием существующим положением дел и отсутствием ощутимых перемен к лучшему, а также безуспешным поиском справедливости.

3. Особенностью современного терроризма в ЦАР, как и во всем мире, является тесное переплетение как террористических сетей, так и криминальных структур. Если раньше они лишь соприкасались, взаимовыгодно решая отдельные локальные вопросы, а затем разошлись, то сегодня наблюдается растущий симбиоз этих двух опасных течений. Между тем их совместная деятельность многократно увеличивает возможности каждого из них, так как позволяет террористам маскировать свою деятельность под обычный криминал, а взаимные услуги повышают результативность действий тех и других.

4. Терроризм в Центральной Азии, как и весь современный международный терроризм, — это во многом образ жизни немалого слоя населения целого ряда стран. Ему уже не важен конечный результат, так как за достижением ближайшей цели последуют новые. Поэтому преодоление условий, порождающих и подпитывающих терроризм, задача длительная и по плечу она только объединенным усилиям всех государств ЦА.

Если говорить о тенденциях, которые просматриваются в динамике террористической деятельности в регионе ЦА, то следует ожидать:

- увеличения активности сепаратистских и экстремистских групп и распространения их деятельности на новых территориях;
- дальнейшей политизации ислама и усиления влияния его радикальных ветвей на население, вследствие чего их идеология еще больше потеснит традиционное учение;
- стремления к консолидации экстремистских движений при сохранении автономности управления в них;

- появления новых форм экстремистских и террористических вылазок;
- продолжения интеграции экстремизма и терроризма с криминальными структурами, укрепление их взаимосвязей и взаимодополняемости на фоне роста оборота наркотиков;
- увеличения объема контрабанды оружия;
- активизации использования Интернета для вербовки кадров террористических организаций;
- расширения вовлечения женщин в экстремистскую и террористическую деятельность.

Литература

¹ Яковенко И. «Терроризм» Статья в Универсальной научно-популярной онлайн энциклопедии «Кругосвет» на сайте: URL: <http://www.krugosvet.ru/>

² Игнатенко И. Борьба ближневосточных центров силы // Независимое военное обозрение. 16.03.2012.

³ Материалы сайта МО РФ от 16.10.2014 г.

⁴ Речь Б. Обамы перед выпускниками военной академии в Вест-Пойнте 07.05.2014 г. // Российская газета. 18.06.2014.

Д.В. Гордиенко*

СТРУКТУРЫ И МОДЕЛИ РАЗВИТИЯ ШОС КАК ПЛОЩАДКИ ДЛЯ ДИАЛОГА ПО ВОПРОСАМ ОБЕСПЕЧЕНИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

В статье предложен подход к оценке существующих структур и моделей развития Шанхайской организации сотрудничества как площадки для диалога по вопросам обеспечения региональной безопасности, тенденциям развития политической, военной и экономической ситуации в Центральной Азии в современных условиях. Сделан вывод о том, что в условиях реализации Россией своей «евразийской миссии» остается приоритетной задача обеспечения региональной безопасности в Центрально-Азиатском регионе. Возможным основным инструментом обеспечения региональной безопасности в Центральной Азии в современных условиях может стать Шанхайская организация сотрудничества и ее структуры.

Ключевые слова: региональная безопасность, обеспечение региональной безопасности, военная безопасность, экономическая безопасность, Шанхайская организация сотрудничества, Центральная Азия.

Генеральный секретарь Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) Дмитрий Мезенцев в интервью РИА Новости заявил, что приоритеты организации не сводятся к вопросам военно-политического сотрудничества, а носят многоплановый характер, охва-

---

* Гордиенко Дмитрий Владимирович, доктор военных наук, профессор, ведущий научный сотрудник ИДВ РАН.

тывают взаимодействие в торгово-экономической, культурно-гуманитарной сферах. Он напомнил, что в 2008 г. была учреждена Программа многостороннего экономического взаимодействия и план по ее реализации, а Совет глав правительств стран ШОС в 2014 г. поручил проанализировать результативность этой программы, провести мониторинг проделанной работы и представить Совету предложения по совершенствованию торгово-экономического сотрудничества, внести на утверждение проект обновленного документа.

«Внимание к сфере торгово-экономического взаимодействия, последовательность, которую проявляют здесь стороны, — это знак того, что такое сотрудничество — приоритет для ШОС», — подчеркнул Мезенцев. Генсек отметил, что с момента создания объединения обеспечение стабильности и региональной безопасности также находится в центре внимания государств-основателей, однако «ШОС, развиваясь, расширяет и число своих приоритетов». В качестве примера расширения экономической составляющей организации Д. Мезенцев назвал создание Делового совета и Межбанковского объединения организации, а также регулярное проведение бизнес-форумов ШОС и конференций с участием высокопоставленных чиновников стран и представителей крупного бизнеса. «Организация показывает и доказывает, что является многосторонним, многоплановым, эффективным объединением, приоритеты которого — и в политико-дипломатической, и в торгово-экономической и культурно-гуманитарной сферах», — заключил Д. Мезенцев¹.

Модель сотрудничества стран ШОС в области обеспечения региональной безопасности

Деятельность Шанхайской организации сотрудничества в области безопасности прежде всего сосредоточена на проблемах безопасности ее стран-членов в Центральной Азии, что часто описывается как основная угроза для организации, которая противостоит таким явлениям, как терроризм, сепаратизм и экстремизм. 16—17 июня 2004 г. на саммите ШОС, который состоялся в Ташкенте, была создана Региональная антитеррористическая структура (РАТС) (рис. 1).

21 апреля 2006 г. ШОС объявила о планах по борьбе с трансграничной наркопреступностью посредством контртеррористических

операций. При этом заявлялось, что организация не имеет планов стать военным блоком, тем не менее повышение угрозы «терроризма, экстремизма и сепаратизма» делает необходимым полномасштабное вовлечение вооруженных сил.

В октябре 2007 г. в Душанбе ШОС подписала соглашение с Организацией Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), для того чтобы расширить сотрудничество по таким вопросам, как безопасность, борьба с преступностью и незаконным оборотом наркотиков. Совместные планы действий между двумя организациями были утверждены в начале 2008 г. в Пекине.

Организация также выступила против кибервойн, заявив, что распространение информации, вредной для духовных, нравственных и культурных сфер других государств, следует рассматривать как «угрозу безопасности». Согласно принятому в 2009 г. определению «информационная война», в частности, расценивается как попытка одного государства подорвать политическую, экономическую и социальную системы другого государства.

Модель сотрудничества стран ШОС в области обеспечения военной безопасности

В последние несколько лет деятельность организации была направлена на тесное военное сотрудничество, обмен разведывательной информацией и борьбу с терроризмом.

Кроме того, странами ШОС проводился ряд совместных военных учений. Первое из них состоялось в 2003 г.: первая фаза прошла в Казахстане, а вторая — в Китае. С тех пор Китай и Россия объединили усилия для проведения крупномасштабных военных учений («Мирная миссия» 2005, 2007 и 2009 гг.) под эгидой Шанхайской организации сотрудничества.

Более 4 тыс. китайских солдат приняли участие в совместных военных учениях в 2007 г. («Мирная миссия-2007»), которые проводились в Челябинской обл. РФ около Уральских гор и были согласованы в апреле 2006 г. на встрече министров обороны ШОС. На этих учениях также использовались Военно-воздушные силы и высокоточное оружие. Тогдашний министр обороны России С. Иванов зая-

вил, что учения являются прозрачными и открытыми для СМИ и общественности.

После успешного завершения учений российские чиновники пригласили Индию также участвовать в подобных учениях в будущем под эгидой ШОС. В учениях «Мирная миссия-2010», проведенных 9—25 сентября 2010 г. в Казахстане на полигоне Матыбулак, приняли участие более 5 тыс. военнослужащих из Китая, России, Казахстана, Киргизии и Таджикистана. Они провели совместное планирование военных операций и оперативные маневры.

ШОС также выступает в качестве платформы для крупных военных заявлений лидеров стран — членов этой организации. Так, во время учений 2007 г. в России, на встрече с руководителями государств — членов ШОС, в том числе при участии тогдашнего председателя КНР Ху Цзиньтао, президент России В. Путин воспользовался случаем, чтобы объявить о возобновлении регулярных полетов российских стратегических бомбардировщиков с целью патрулирования территорий впервые после холодной войны. «Начиная с сегодняшнего дня, такие полеты должны будут проводиться регулярно и в стратегическом масштабе, — сказал Путин. — Наши летчики были на земле слишком долго. Они рады начать новую жизнь».

Модель сотрудничества стран ШОС в области обеспечения экономической безопасности

Несмотря на то что ШОС изначально создавалась с целью совместной защиты границ соседних государств, практически сразу её деятельность получила и экономическую направленность. Через несколько месяцев после начала работы организации (2001 г.) на своей первой встрече в Алма-Ате премьер-министры государств — членов Шанхайской организации сотрудничества обсудили вопросы ее регионального торгово-экономического сотрудничества, развития и другие проблемы, подписали Меморандум между правительствами государств — участников ШОС об основных целях и направлениях регионального экономического сотрудничества и запуске процесса по созданию благоприятных условий в области торговли и инвестиций.

В мае следующего 2002 г. в Шанхае прошло первое заседание министров экономики и торговли государств — членов ШОС. Сто-

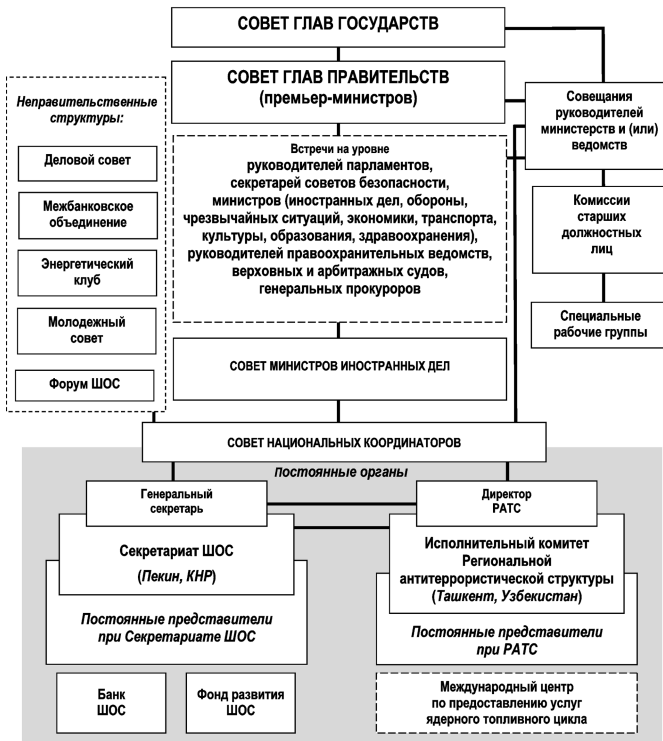

Рис. 1. Структура Шанхайской организации сотрудничества

роны официально запустили механизм проведения встреч в таком формате с целью создания благоприятных условий в области торговли и инвестиций. По итогам совещания был подписан протокол к вышеуказанному Меморандуму и совместное заявление по итогам первой встречи министров, отвечающих за внешнеэкономическую и внешнеторговую деятельность.

В сентябре 2003 г. главы правительств стран — членов ШОС подписали Программу многостороннего торгово-экономического сотрудничества на 20 лет. В качестве долгосрочной цели предусматривается создание *Зоны свободной торговли* в ШОС, а в краткосрочной перспективе — увеличение потока товаров в регионе. При этом

сотрудничество государств — членов Шанхайской организации должно охватывать области энергетики, транспорта, сельского хозяйства, телекоммуникаций, защиты окружающей среды и др. План действий по развитию такого сотрудничества был подписан год спустя, в сентябре 2004 г.²

Тем не менее, по мнению ряда аналитиков, организационное строительство ШОС слишком затянулось, а многочисленные меморандумы и декларации долгое время не получали должного воплощения на практике. Кроме того, при выполнении программ действий по различным направлениям экономического сотрудничества выяснилось, что их реализации мешает ряд трудностей, обусловленных различиями в структурах и функционировании хозяйственных систем. В итоге за два года существования организации так и не удалось запустить практически ни одной из уже одобренных программ экономического сотрудничества.

Завершением процесса формирования системы многостороннего экономического сотрудничества в рамках организации, по мнению президента Российского союза промышленников и предпринимателей А. Шохина, послужило создание в июне 2006 г. Делового совета, который, являясь неправительственной структурой, объединяет правительственные и финансовые круги стран — участниц ШОС. При этом его задачами являются:

- укрепление деловых связей между странами — участницами ШОС, странами СНГ и регионами РФ по реализации взаимовыгодных торгово-экономических программ и проектов;
- расширение рынка высококачественных товаров, услуг, инновационных технологий, необходимых для развития предприятий членов Делового совета ШОС и производителей товаров стран ШОС, стран СНГ и регионов РФ;
- разработка эффективной стратегии формирования взаимовыгодных торговых взаимодействий между Деловым советом, предприятиями-производителями и инвестиционными институтами; формирования систем трансграничных, межрегиональных корпораций регионального развития на основе частно-государственного партнерства; подготовка, разработка и реализация инвестиционных проектов, обеспечивающих участникам Делового совета в ближайшей перспективе рост доходов от реализации товаров; создание совместных предпри-

ятий, увеличение числа рабочих мест и поднятие уровня жизни в регионах реализации комплексных трансграничных проектов;

- разработка перспективной инвестиционной стратегии, ориентированной на участие частного и государственного капитала стран ШОС в создании современных конкурентноспособных на мировом рынке предприятий; организация на начальном периоде становления консолидированных инвестиционных структур и организационное обеспечение их эффективного функционирования в дальнейшем;

- содействие, путем формирования экспертных групп и информационного обеспечения, созданию вышеуказанными консолидированными инвестиционными структурами для инвестирования конкретных проектов и программ развития регионов с использованием передовых мировых технологий и достижений, а также самых современных финансовых инструментов;

- формирование условий для юридического и консалтингового обслуживания межотраслевых и комплексных проектов и программ путем привлечения ведущих российских и зарубежных экспертов;

- координация деятельности инициаторов конкретных проектов;

- поддержка экологических проектов, программ и мероприятий по защите окружающей среды и развитию методов экспертизы факторов экологического риска; повышение эффективности международных связей, а также улучшение уровня и качества взаимодействий.

При этом реальный толчок развитию двух крупных проектов (транспортной инфраструктуры и энергоресурсов) был дан на Совете глав правительств в Душанбе 15 сентября 2006 г.

Кроме Делового совета в ШОС функционирует и Межбанковское объединение³. Каждая из этих структур ведет нужную работу по сближению деловых кругов стран — членов ШОС, выявляет зоны сопряжения их интересов, инициирует инвестиционные проекты и содействует их реализации. При этом в Межбанковское объединение входят ведущие финансовые институты, рекомендованные правительствами каждой из стран — участниц Шанхайской организации сотрудничества: Банк развития Казахстана, Государственный банк развития Китая, Внешэкономбанк России, Государственный сберегательный банк Таджикистана, Национальный банк внешнеэкономической деятельности Узбекистана и Расчетно-сберегательная компания Киргизии.

Особое место в экономических отношениях стран ШОС занимает Китай. Он с каждым годом всё серьёзнее влияет на экономическую ситуацию в регионе, стимулирует сотрудничество стран ШОС в этой сфере, настаивая на создании свободной торговой зоны, а вместе с тем и создании инфраструктуры для торговли и инвестиций. Втягивая экономики стран Центрально-Азиатского региона (ЦАР) в орбиту своих экономических интересов, КНР рассматривает их в первую очередь как надёжные рынки сбыта своих товаров. Именно с точки зрения расширения торгового сотрудничества Китай активно поддерживает вступление стран ШОС во Всемирную торговую организацию (ВТО). И хотя одни эксперты указывают, что во внешнеторговом обороте Китая доля ШОС на протяжении 2001—2006 гг. не превышала 2 %, другие специалисты отмечают, что уровень товарооборота между Китаем и странами Центральной Азии, в частности Казахстаном, неуклонно растёт.

26 октября 2005 г. на московском саммите ШОС исполнительный секретарь организации Чжан Дэгуан заявил, что Шанхайская организация сосредоточит внимание на совместных энергетических проектах, включая развитие нефтегазового сектора, разведку запасов углеводородов и совместное использование водных ресурсов. Идея, выдвинутая президентом России В. Путиным на шанхайском саммите в июне 2006 г. о создании Энергетического клуба ШОС как механизма, объединяющего производителей, потребителей и транзитёров энергоресурсов, была поддержана остальными главами государств⁴. Страны — участницы Шанхайской организации сотрудничества подписали Меморандум о создании Энергетического клуба. Это соглашение подписали заместители министров энергетики России, Белоруссии, Казахстана, Таджикистана, Китая, Монголии, Индии, Афганистана, Турции и Шри-Ланки. В энергоклуб смогут войти представители власти, ученые и бизнесмены. В рамках созданной площадки будут обсуждаться вопросы производства, спроса и потребления энергоресурсов.

Также бывший в то время главой правительства России М. Фрадков предложил создать в рамках ШОС Международный центр по предоставлению услуг ядерного топливного цикла. Кроме России активные шаги по развитию энергетики в регионе предпринимают также Китай и Казахстан. Не исключена возможность уча-

ствия Ирана в энерготранзите, в случае чего удельный вес газового рынка ШОС уверенно перевалит за половину мирового объёма.

По завершении саммита в Екатеринбурге, а также проходившей на следующей день встречи глав государств группы БРИК, 17 июня 2009 г. Россия и Китай заключили беспрецедентное соглашение в области энергетики на 100 млрд долл. О самой крупной в истории двусторонних отношений сделке объявил бывший в то время президентом России Д. Медведев после переговоров с лидером КНР Ху Цзиньтао. Первые лица договорились разработать механизм взаиморасчетов в валютах своих государств. Пока все сделки между Россией и Китаем оцениваются в долларах. Но если будет реализована данная инициатива, она может повлиять не только на российско-китайские отношения, но и на всю мировую торговлю. Москва и Пекин намерены заменить доллар рублем и юанем.

Участники ШОС намерены развивать сотрудничество и в финансовой отрасли. В частности, в декабре 2012 г. страны организации подписали соглашение о создании Банка развития ШОС и Фонда развития ШОС. Ожидается, что Банк ШОС будет работать как институт развития⁵. Для этого главы правительств государств — членов Шанхайской организации должны найти оптимальное решение для эффективного финансирования совместных проектов, заявил президент РФ В. Путин в ходе заседания Совета глав государств ШОС в узком составе. Он напомнил, что в настоящее время значимые для участников организации проекты финансируются Межбанковским объединением. «В целях дальнейшего повышения эффективности финансового сопровождения совместных проектов мы предлагаем создать Фонд развития ШОС», — напомнил глава государства. По его словам, прорабатываются и другие инициативы, в том числе предложение китайской стороны о создании Банка развития ШОС. «Главам правительств надо продолжить их обсуждение в целях выхода на оптимальный вариант решения проблемы», — сказал В. Путин. На саммите ШОС в Бишкеке снова не был решен вопрос о создании ее финансовой структуры. В данный момент вопрос о Фонде развития или Банке развития ШОС является ключевым для организации. Именно здесь наиболее резко видны разногласия России (выступает за создание Фонда развития ШОС) и Китая (выступает за создание Банка развития ШОС). Россия всячески тормозит

китайский проект, не без основания считая, что в случае его реализации организация попадет под полный контроль Пекина. Данный вопрос был ключевым и на предыдущем саммите в июне 2012 г. Но никакого продвижения в направлении его решения за 15 месяцев не произошло, решение вновь отложено.

Тем не менее появился новый инструмент работы на экономическом направлении — Перечень мероприятий по развитию проектной деятельности. Он был принят на заседании Совета глав правительств государств — членов ШОС, которое состоялось в Бишкеке 4—5 декабря 2012 г. Перечень насчитывает около 30 различных проектов — от строительства транспортных магистралей до сотрудничества по линии отдельных научно-исследовательских центров. Среди них: «пилотный» проект по торговле национальными валютами государств — членов ШОС на Московской бирже без посредничества доллара (в 2011 г. общий объем торгов по паре «юань/рубль» составил 4,5 млрд руб., а в 2012 — 7,7 млрд, рост на 72 %); создание Высокоскоростной информационной магистрали ШОС; разработка технологии геодинамического мониторинга с целью прогнозирования опасных геологических процессов на базе Международного геодинамического полигона в Бишкеке; проект создания совместных производств по хранению, переработке и транспортировке сельхозпродукции на базе транспортно-логистического комплекса в Саратове и др.

Новым многообещающим направлением экономического сотрудничества в рамках ШОС выступает также молодежное предпринимательство. В ноябре 2012 г. в Алтайском крае с успехом прошел Международный форум по предпринимательству и приграничному сотрудничеству. Его инициатором выступил Молодежный совет ШОС — динамичная и полная идей структура, учрежденная в 2009 г. по инициативе президента России В. Путина⁶. Форум собрал более 500 участников из многих стран Евразийского региона. Круг вопросов, которые обсуждались на нем, охватывал самые разные темы — от инноваций и «зеленой экономики» до пропаганды идей добрососедства через Интернет и облегчения визового режима для молодых предпринимателей и студентов. Успешные бизнесмены 30—40-летнего возраста рассказывали о своем опыте ведения бизнеса, а начинающие презентовали собственные идеи и проекты.

Литература

¹ URL: <http://ria.ru/world/20150313/1052478237.html>

² Центральная Азия: проблемы и перспективы (взгляд из России и Китая). Научный сборник. — М.: РИСИ, КАСМО, 2015.; *Лузянин С.Г.* Центральная Азия: измерения безопасности и сотрудничества URL: http://www.perspektivy.info/table/centralnaja_azija_izmerenija_bezопасности_i_sotrudnichestva_2012-02-06.htm; *Парамонов В.А.* Угрозы безопасности стран Центральной Азии и основные сценарии развития региона. URL: <http://ceasia.ru/forum/ugrozi-bezопасности-tsentrалn ой-az ii-i-osnovnie-stsenarii-razvitiya-regiona.html>; *Парамонов В.А.* Россия и Центральная Азия: к задаче эффективного использования совокупного энергетического потенциала. URL: <http://ceasia.ru/energetika/ukreplenie-pozitsiy-rossii-v-energetike-stran-tsentrалnoy-azii-vozmozhno-v-strategicheskom-soiuze-s-ike-st/pechat.html>

³ *Парамонов В.А.* Россия и Центральная Азия: к задаче эффективного использования совокупного энергетического потенциала. URL: <http://ceasia.ru/energetika/ukreplenie-pozitsiy-rossii-v-energetike-stran-tsentrалnoy-azii-vozmozhno-v-strategicheskom-soiuze-s-kitaem/pechat.html>; *Понов Д.С.* Место Узбекистана в центральноазиатской политике США // Проблемы национальной стратегии. № 1 (28), 2015 — С. 74—90; *Бакас Уулу Бахтияр, Смагулов Кадыржан* Водноэнергетические проблемы Центральной Азии: политика государств региона и перспективы развития ситуации // Центральная Азия и Кавказ. Том 14, вып. 1, 2011. — С. 93—100. *Ревский А.* Фактор воды: эгоизм Китая грозит Казахстану экологической катастрофой. URL: <http://www.apn.kz/publications/article5569.htm>; <http://www.invur.ru/index.php?page=news&id=34648>; *Саунов З.* Региональное сотрудничество в Центральной Азии с участием Афганистана после 2014 года: перспективы для Кыргызской Республики. URL: [http://www.academia.edu/6049368/%D0%A0%D0%B5%D0%](http://www.academia.edu/6049368/%D0%A0%D0%B5%D0%;); Тенденции развития ситуации в странах Центральной Азии. URL: <http://bintel.com.ua/ru/article/centrasia/>; Ситуация в Центральной Азии после вывода коалиционных войск из Афганистана. URL: http://russiancouncil.ru/projects/project/?PROJECT_ID_4=4#top

⁴ URL: <http://lenta.ru/news/2013/12/06/energy/>; <http://itar-tass.com/ekonomika/816036>; Центральная Азия: тенденции регионального развития. URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=2091#top; Сценарный прогноз развития ситуации в Центральной Азии после вывода коалиционных войск из Афганистана 2014—2024 гг. URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=1870#top; ОДКБ и перспективы развития ситуации в Центральной Азии. URL: <http://rus.ozodi.org/content/article/26898955.html>; <http://www.sadoitojikon.tj/tajnews/602-odkb-i-perspektivy-razvitiya-situacii-v-centralnoy-azii.html>; Центральная Азия. геополитика и экономика региона. URL: http://www.isoa.ru/docs/central_asia-book.pdf; *Китспоттер Винсен де (de Kytspotter, Vincen)* Большая игра в Центральной Азии. URL: <http://www.pers>

pektivy.info/table/bolshaja_igra_v_centralnoj_azii_2007-01-01.htm; History of Civilizations of Central Asia. In 6 Vol. UNESCO Project. Head of the Project L.I. Miroshnikov. Part Two. The Achievements. Ed. By C.E. Bosworth and M.S. Asimov. — Paris: UNESCO Publishing, 2000. — p. 327.

⁵ *Храмчихин А.А.* Поиск смысла для ШОС // Независимое военное обозрение, 27.9—4.10.2013 г. № 35. http://www.ng.ru/nvo/2013-09-27/1_shos.html. См. также *Лузянин С.Г.* Центральная Азия: измерения безопасности и сотрудничества URL: http://www.perspektivy.info/table/centralnaja_azija_izmerenija_bezопасnosti_i_sotrudnichestva_2012-02-06.htm; *Парамонов В.А.* Угрозы безопасности стран Центральной Азии и основные сценарии развития региона. URL: <http://ceasia.ru/forum/ugrozi-bezопасnosti-tsentralnoj-azii-i-osnovnie-stsenarii-razvitiya-regiona.html>; *Парамонов В.А.* Россия и Центральная Азия: к задаче эффективного использования совокупного энергетического потенциала. URL: <http://ceasia.ru/energetika/ukreplenie-pozitsiy-rossii-v-energetike-stran-tsentralnoj-azii-vozmozhno-v-strategic-heskom-soiuze-s-kitaem/pechat.html>; *Звягельская И.Д.* Борьба за власть в контексте политической культуры центральноазиатских обществ // Центральная Азия: проблемы развития и безопасности в условиях мирового финансового кризиса (материалы МГИМО РАМИ, 6 Конгресса, 2010). — М. МГИМО (У) МИД РФ. 2010. С.53—54.

⁶ *Лузянин С.Г.* Центральная Азия: измерения безопасности и сотрудничества URL: http://www.perspektivy.info/table/centralnaja_azija_izmerenija_bezопасnosti_i_sotrudnichestva_2012-02-06.htm; *Парамонов В.А.* Угрозы безопасности стран Центральной Азии и основные сценарии развития региона. URL: <http://ceasia.ru/forum/ugrozi-bezопасnosti-tsentralnoj-azii-i-osnovnie-stsenarii-razvitiya-regiona.html>; *Парамонов В.А.* Россия и Центральная Азия: к задаче эффективного использования совокупного энергетического потенциала. URL: <http://ceasia.ru/energetika/ukreplenie-pozitsiy-rossii-v-energetike-stran-tsentralnoj-azii-vozmozhno-v-strategic-heskom-soiuze-s-kitaem/pechat.html>; Тенденции развития ситуации в странах Центральной Азии. URL: <http://bintel.com.ua/ru/article/centrasia/>; Ситуация в Центральной Азии после вывода коалиционных войск из Афганистана. URL: http://russiancouncil.ru/projects/project/?PROJECT_ID_4=4#top

А.Ф. Клименко*

РОССИЯ И ВОПРОСЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

В статье описывается эволюция ситуации в Афганистане и взаимосвязь наркоторговли и международного терроризма. Показано их влияние на безопасность и стабильность Центральной Азии. Автор предлагает возможные направления действий России в интересах обеспечения национальной и региональной безопасности. Эти предложения находят понимание у китайских экспертов.

Ключевые слова: наркоторговля, терроризм, угрозы, ШОС, ОДКБ, Центрально-Азиатский регион, Россия, Китай, Афганистан.

1. Эволюция ситуации в Афганистане

Накануне сентябрьского 2014 г. саммита ШОС проходило заседание совета министров иностранных дел стран — участниц этой организации. Одной из ключевых тем, которые обсуждались на этом заседании, стала ситуация в Центральной Азии с учетом изменения обстановки в Афганистане. По мнению спецпредставителя президента РФ по Афганистану З. Кабулова, «талибы могут предпринять новое масштабное наступление на правительственные войска уже весной 2015 г. и даже осадить столицу страны»¹.

Можно порадоваться тому, что этого так и не произошло. Но, тем не менее, ситуация такова, что талибы постепенно расширяют

---

* Клименко Анатолий Филиппович, кандидат военных наук, профессор, ведущий научный сотрудник ИДВ РАН, генерал-лейтенант (в отст.).

зону влияния на ряд районов непосредственно вокруг Кабула. Теперь они контролируют не только пуштунский юго-восток страны, где у них всегда были сильные позиции, но и обстановку в провинциях вокруг столицы. Становится очевидным, что Вашингтону и его союзникам не удалось нанести сколько-нибудь серьезного военного поражения афганским талибам. Более того, они смогли наладить весьма тесные связи и взаимодействие с пакистанскими талибами.

В связи с этим российский министр иностранных дел С. Лавров особо подчеркнул, что ситуация в Афганистане критическая. По плану афганские силы безопасности — 350 тыс. военнослужащих и полицейских — должны обеспечивать безопасность на всей территории страны. Но эта группировка вряд ли будет способна успешно выполнить поставленную перед ней задачу. И не исключено, что после вывода иностранных войск из этой страны может последовать дестабилизация всего Центрально-Азиатского региона.

Здесь следует оговориться, что Североатлантический альянс приступил к проведению качественно новой небоевой миссии в Афганистане «Решительная поддержка». Обеспечивать ее будут 28 стран НАТО и 14 государств-партнеров, порядка 12,5 тыс. инструкторов и советников, включая 9,8 тыс. американцев². Им поставлена задача оказывать афганским силовикам помощь в борьбе с терроризмом, в том числе при проведении боевых операций, но лишь в случае наступления боевиков «Талибана». Официально самим инструкторам и советникам запрещено лично участвовать в боевых действиях.

Понятно, что остающаяся в Афганистане натовско-американская группировка вряд ли будет способна «нейтрализовать» стычки между афганскими кланами. Однако ее потенциал может оказаться достаточным для контроля за наркотрафиком и извлечения из этого «прибыли», что на практике приведёт к дальнейшей дестабилизации страны.

Подтверждение этой мысли можно найти в книге американского эксперта Дж. Коулмана³. «Истинная причина процветания наркоторговли, — пишет он, — заключается в том, что она контролируется самыми высокопоставленными семьями в мире, которые являются частями гигантской машины, извлекающей прибыль». Одной из наиболее мощных сил, контролирующей мировую торговлю наркотиками, Коулман считает Комитет трёхсот — тайное объединение

влиятельных западных политиков и финансистов и ряда членов Бильдербергского клуба. В своё время именно их заинтересованность в Косово как удобном перевалочном пункте для доставки наркотиков из Афганистана в Европу могла сыграть свою роль в истории развала Югославии. Известно, что план отделения Косово от Сербии был принят на заседании Бильдербергского клуба, состоявшемся в канадском городе Кинг-Сити в 1966 г.⁴

Специально занимавшийся этим вопросом американский журналист М. Руперт в своей книге «Переходя Рубикон» пишет: «Чтобы осознать степень участия НАТО и, как следствие, роль Бильдербергского клуба в Косово, нужно понять принципы, которым подчиняется торговля наркотиками. Количество денег, которые ежегодно приносит наркоторговля, ... около 500 миллиардов евро, освобождённых от уплаты налогов... Средства, вырученные от продажи наркотиков, являются очень важной частью мировой банковской и финансовой систем, поскольку обеспечивают экономику ликвидными наличными деньгами, необходимыми для ежемесячных выплат по производным ценным бумагам и вливаний в инвестиционные “мыльные пузыри” в США и Великобритании».

Деятельность Бильдербергского клуба и подобных ему тайных организаций западных финансистов и политиков достигла такого размаха, что стала оказывать разрушительное влияние не только на судьбы отдельных государств, но и на международный правопорядок в целом⁵.

Неслучайно для укрепления безопасности стран ШОС Москва предлагает преобразовать Региональную антитеррористическую структуру (РАТС) в Центр по борьбе с новыми вызовами и угрозами, для начала распространив его деятельность на сферу борьбы с наркобизнесом.

2. Взаимосвязь наркоторговли и международного терроризма. Их влияние на безопасность и стабильность Центральной Азии

Как известно, наркоторговля тесно связана с международным терроризмом. Поэтому на душанбинском саммите Шанхайской организации сотрудничества было заявлено и о создании структуры

для борьбы с терроризмом вслед за формированием структуры ШОС по борьбе с наркотрафиком⁶. По сути, речь может идти о возможности формирования общих военных контингентов под единым командованием и совместного использования ресурсов всех государств — участников ШОС против общего противника.

Официальным поводом для принятия такого решения стала, как упоминалось выше, перспектива вывода войск НАТО из Афганистана на фоне усиливающейся в стране борьбы между правительственными силами и радикалами.

Но проблема не ограничивается наличием такого противника, как афганские или пакистанские талибы. Не стоит сбрасывать со счетов и так называемое Исламское государство (ИГ), представители которого уже действуют во всех странах — членах ШОС: России, Китае, Таджикистане, Киргизии, Узбекистане и Казахстане, — а также во всех странах со статусом наблюдателей в ШОС, а это Монголия, Индия, Пакистан, Афганистан, Иран. Заинтересована в борьбе с ИГ и Турция, которой предоставлен официальный статус «партнера ШОС по диалогу».

Провозглашённое «Исламское государство» уже сейчас стремится распространить объявленный им халифат на всё пространство «Большого Ближнего Востока». Экстремисты, имеющие на вооружении танки и артиллерию, действуют при этом на основе разработанной стратегии с чётко поставленными целями.

По мнению политолога А. Степаняна, за ними стоят американцы, которые хотят, чтобы от Туниса шла «прозрачная исламская дуга» до Китая, куда можно будет направить вектор ИГ в целях «освобождения Уйгурской автономии» и развязывания гражданской войны в Китае. «А тюркская ветвь, по их замыслу, от Турции поворачивается на Северный Кавказ, далее в Центральную Азию и идёт тоже туда — к уйгурам. Цель американской внешней политики — это Россия, а вторая их главная цель — Китай. И все эти процессы, которые происходят на Ближнем Востоке, запущены США и направлены против России и Китая»⁷.

Возможно, эти оценки покажутся не совсем точными, поскольку именно США возглавили коалицию, которая наносит воздушные удары по позициям боевиков ИГ. Но авиационные налёты не способны разрушить ни отсутствующие объекты экономики и во-

енной инфраструктуры, ни органы управления исламистов. Скорее всего, они направлены не на ликвидацию группировки ИГ, а на то, чтобы обозначить те направления, на которых она должна действовать.

Метод «управления» руководителями ИГ отрабатывался, в частности, на совещании представителей военных и разведывательных ведомств США, Великобритании, Иордании, Саудовской Аравии и Катара, которое состоялось в американском посольстве в Аммане в декабрь 2014 г. и где решался вопрос о необходимости корректировки уже самого «Исламского государства», которое вышло за рамки поставленных перед ним задач. Именно на этом совещании впервые и встал вопрос о «наземной операции» в ее истинном значении — физической ликвидации тех в руководстве «халифата», кто вышел из-под контроля и не желает больше общаться со своими бывшими кураторами и спонсорами.

С остальными организаторы «антитеррористической коалиции» будут договариваться, ставя перед ними новые задачи и предлагая новые условия оплаты их услуг «лицензиями» на освоение новых территорий для «джихада» и извлечение прибылей, с этим занятием связанных⁸.

Не исключено, что в качестве одной из таких территорий будет Центрально-Азиатский регион. И тому есть объяснение: афганские и пакистанские талибы уже наладили связи с руководством созданного на территориях Сирии и Ирака «Исламского государства» и готовы оказать ему поддержку, что было продемонстрировано видеообращениями их лидеров, размещенными в Интернете, в которых они открыто призывают население стран Центрально-Азиатского региона с оружием в руках сражаться на их стороне и стороне ИГ.

Установлено, что в рядах афганских и пакистанских талибов и боевиков в Сирии и Ираке воюют около 4 тыс. выходцев из центральноазиатских стран, а на территории Северного Вазиристана (Пакистан) созданы «Исламское движение Восточного Туркестана» и «Исламское движение Узбекистана». Они прошли военную подготовку и обросли международными связями. Поэтому среди экспертов всё активнее обсуждается тема возможного повторения событий «арабской весны» уже в странах Центральной Азии.

3. Возможные шаги России в интересах обеспечения национальной и региональной безопасности

Таким образом, налицо потенциальная опасность дестабилизации обстановки в регионе. России необходимо чётко осознать, что в этой реальности может представлять угрозу, а что сработает на её национальные интересы. По мнению ряда экспертов, для России главную проблему на современном этапе представляет рост числа общин, контролируемых исламистами, как это происходит в Дагестане и Поволжье. В случае необходимости они по команде организаторов могут быть в короткие сроки переведены в конфликтный формат⁹. Волнения такого рода, когда они начинаются, подавляются только ценой больших жертв и колоссальных репутационных и экономических издержек. В случае же, если массовые волнения власть не способна взять под контроль, они приводят к смене режима, как это было в Тунисе, Египте или на Украине.

С учётом сказанного выше, при всех непростых отношениях между в том или ином виде имеющими отношение к ШОС государствами, на передний план выходит их готовность действовать единым фронтом против общей угрозы. Это означает и их готовность договариваться друг с другом ради общего процветания: приоритетными проектами для ШОС являются не только стратегические программы экономического развития, но и развитие взаимодействия в сфере безопасности.

Таким образом, речь идет об объединении в рамках не только экономического, но и более тесного военно-политического сотрудничества. Как известно, лучше всего угрозу государству встречать и нейтрализовать на дальних подступах к границам, а не на своей территории. Представляется что для России, председательствовавшей в 2014—2015 гг. в ШОС, задача по укреплению такого сотрудничества является одной из приоритетных. Положить начало её реализации можно было бы уже при формировании Стратегии развития ШОС до 2025 г., которую планировалось подготовить к прошедшему летом 2015 г. заседанию Совета глав государств Шанхайской организации в Уфе.

Приоритетные задачи председательства РФ в ШОС, отраженные в проекте Стратегии ШОС (вкладка 1) дают наглядное представление о содержании работы по подготовке этого документа.

Вкладка 1

Приоритеты председательства РФ в ШОС в 2014—2015 гг.

- *Расширение взаимодействия ШОС с ООН, СНГ, ОДКБ, АСЕАН, СВМДА, повышение эффективности постоянно действующих органов ШОС.*

- *Активизация взаимодействия с государствами-наблюдателями, в том числе в контексте содействия Афганистану и его вовлечение в деятельность организации, развитие связей с партнёрами ШОС по диалогу, создание условий для расширения Шанхайской организации.*

- *Запуск многосторонних экономических проектов в области транспорта, энергетики, науки и техники, мирного использования космоса; создание оптимального механизма их финансирования.*

- *Наращивание культурных и гуманитарных связей; активизация молодёжных обменов, туризма; развитие сетевого Университета ШОС, создание в России его ректората.*

- *Укрепление роли ШОС по вопросам безопасности*

- *Укрепление роли Шанхайской организации как эффективной площадки для диалога и сотрудничества по вопросам региональной безопасности, борьбы с терроризмом, сепаратизмом, экстремизмом и оборотом наркотиков, реализация соглашений между правительствами государств — членов ШОС о сотрудничестве в обеспечении международной информационной безопасности.*

- *Создание в ШОС Центра по противодействию угрозам безопасности.*

- *Реализация инициативы президента РФ о создании на базе РАТС Центра по противодействию угрозам и вызовам безопасности участникам ШОС. Первый шаг — наделение РАТС антинаркотическими функциями.*

Анализ проритетных задач даёт основание сделать вывод о том, что разрабатываемый документ призван придать импульс как взаимодействию в рамках ШОС, так и расширению ее сотрудничества с ведущими многосторонними структурами, прежде всего ООН и ее специализированными учреждениями. Предусматривается также установление связей с Евразийским экономическим союзом. При этом неизменным приоритетом ШОС останется обеспечение региональной безопасности, в частности — наращивание возможностей совместной борьбы с терроризмом, экстремизмом и незаконным оборотом наркотиков.

Но все сказанное — пока только декларации. Продолжаются заверения как с российской, так и с китайской стороны в том, что ШОС — это не военный союз. Не отрицая этого, следует заметить, что этот статус не мешает Шанхайской организации решать практические задачи, изложенные в ст. 1 Хартии организации (вкладка 2) по обеспечению безопасности своих участников в самом широком смысле этого понятия.

Вкладка 2

Предназначение ШОС

1. Противодействие терроризму, сепаратизму и экстремизму..., борьба с незаконным оборотом наркотиков и оружия, другими видами транснациональной преступной деятельности, а также незаконной миграцией;

2. Поощрение сотрудничества между государствами-участниками в политической, торгово-экономической, оборонной, правоохранительной ... и других областях, представляющих общий интерес;

3. Развитие многопрофильного сотрудничества в целях поддержания и укрепления мира, безопасности и стабильности в регионе.

4. Взаимодействие в предотвращении международных конфликтов и их мирном урегулировании.

5. Совместный поиск решений проблем, которые возникнут в XXI веке.

Структура ШОС:

- *Совет глав государств;*
- *Совет глав правительств;*
- *Совет министров иностранных дел;*
- *Совещания руководителей министерств и ведомств (в том числе Совещание министров обороны — проводится на регулярной основе для рассмотрения конкретных вопросов);*
- *Совет национальных координаторов;*
- *Региональная антитеррористическая структура (РАТС);*
- *Секретариат — постоянно действующий административный орган, возглавляемый Генеральным секретарём.*

Как мы видим из анализа содержания вкладки 2, основное противоречие между предназначением и структурой ШОС заключается

в отсутствии сил и средств коллективной обороны и органов управления ими при наличии задач по обеспечению мира, безопасности и стабильности в регионе. До тех пор пока это противоречие не будет устранено, организация не сможет эффективно решать продекларированные в её Хартии задачи.

Хотя ШОС не собирается быть аналогом ЕС или НАТО, причина усиления этой организации очевидна: при всех своих противоречиях, страны — участницы этой организации должны быть готовы защищаться от посягательств на их безопасность и региональную стабильность. И Россия как председательствовавшая в ШОС страна в этот сложный период может и должна оказаться инициатором повышения дееспособности организации в сфере обеспечения безопасности своих участников. Рекомендации, как это можно сделать, неоднократно звучали на конференциях в Институте Дальнего Востока РАН¹⁰. Полагаем, не стоит их повторять ещё раз. Для начала можно было бы заключить соглашение о сотрудничестве между министерствами обороны стран — членов ШОС в вопросах противодействия общим угрозам и вызовам, основные направления которого приводятся ниже.

Возможные направления сотрудничества между министерствами обороны стран-членов ШОС в рамках создаваемого Центра по противодействию угрозам безопасности:

- обеспечение своевременного реагирования на опасные ситуации, стоящие под угрозой мир и стабильность в регионе;
- поддержка правоохранительных органов в борьбе с экстремизмом, терроризмом и сепаратизмом;
- содействие мерам по усилению охраны госграницы, пресечению попыток ее прорыва незаконными вооруженными формированиями, а также блокирование районов действий этих формирований и их нейтрализация;
- проведение семинаров по проблемам обеспечения региональной безопасности, обмену опытом противодействия новым угрозам и по другим актуальным вопросам;
- совместные исследования и поиск новых методов борьбы с традиционными и нетрадиционными угрозами и вызовами;
- совершенствование нормативной базы по сотрудничеству оборонных ведомств;

- наращивание усилий по практической отработке вопросов оперативной совместимости штабов и войск в ходе совместных учений.

Любопытно, что наши предложения находили понимание у китайских экспертов на семинарах в Китайской академии современных международных отношений. Представляется, что при условии нарастания угрозы странам ШОС, в том числе возможности распространения нестабильности на китайский Синьцзян-Уйгурский автономный район, осознание необходимости более тесного сотрудничества по противодействию общим угрозам придёт и к нашим партнёрам из КНР, которые пока к этому относятся довольно прохладно.

Литература

¹ Независимое военное обозрение. 23.01.2015.

² Министр обороны США уточнил: около 15 тыс.

³ Дж. Коулман. Иерархии заговорщиков: Комитет трёхсот. М., 2011. С. 320.

⁴ Томсинов В.А. Украинский кризис и тайны современной геополитики. М.: Вече, 2015. С. 229.

⁵ Там же. С. 230.

⁶ URL: gusvesna.su (13 сентября 2014 г.).

⁷ Красная звезда. 17.10.2014.

⁸ Столетие. 17.02.2015.

⁹ Военно-промышленный курьер. № 46 (564). 10—16 декабря 2014 г.

¹⁰ Климено А.Ф. Стратегия развития Шанхайской организации сотрудничества: проблема обороны и безопасности. М.: ИДВ РАН, 2009. С. 293—328.

Заключение

Ю.В. Морозов, А.Ф. Клименко*

В результате коллективного исследования перспектив развития ШОС с точки зрения национальных интересов России ученые Института Дальнего Востока и эксперты из других институтов РАН пришли к следующим общим выводам.

1. О международной деятельности ШОС и перспективах развития организации

- Организация своим существованием свидетельствует о формировании многополярной структуры международных отношений и некоего форума международных сил, оппонирующего проявлениям какого-либо гегемонизма и диктата. С самого момента своего основания — 2001 г. — ШОС позиционировалась как комплексная политико-экономическая международная организация, основными целями и задачами которой является развитие сотрудничества во имя поддержания и укрепления мира, безопасности и стабильности в Центральном-Азиатском регионе (ЦАР); совместное противодействие терроризму, сепаратизму и экстремизму во всех их

---

* Морозов Юрий Васильевич, кандидат военных наук, ведущий научный сотрудник ИДВ РАН.

Клименко Анатолий Филиппович, кандидат военных наук, профессор, ведущий научный сотрудник ИДВ РАН, генерал-лейтенант (в отст.).

проявлениях; борьба с незаконным оборотом наркотиков и оружия, другими видами транснациональной преступной деятельности; поощрение эффективного регионального сотрудничества в политической, торгово-экономической, оборонной, природоохранной, культурной, образовательной, энергетической, транспортной, кредитно-финансовой и других областях, представляющих общий интерес; содействие всестороннему и сбалансированному экономическому росту, социальному и культурному развитию в регионе и т. д. И ныне задачи, изначально объявленные ШОС, ввиду их долгосрочного характера остаются прежними. Все они, несомненно, должны быть представлены в качестве базовых и в новом документе — Стратегии развития ШОС до 2025 г.

- Достигнутая степень влиятельности ШОС на международной арене свидетельствует о плодотворности 13-летних усилий государств — членов организации по строительству этой структуры и её механизмов. Опыт, полученный ШОС, подтверждает то, что проблемы, связанные с обеспечением безопасности в регионе (с положением в Афганистане и вокруг него, «цветных революций», состоявшихся в ЦАР, противодействием «трем злам» и другим угрозам), — это проблемы, не решаемые в одиночку. И если бы не хозяйственная, моральная и информационная поддержка со стороны Шанхайской организации, политико-экономическая ситуация в пострадавших странах была бы ещё более тяжелой.

- ШОС в плане стратегии и тактики становится более гибкой структурой, способной адекватно реагировать на требования времени, перестраиваться по ходу развития событий, при этом не утрачивая статуса многопрофильной международной организации.

- Россия и Китай — ключевые участники ШОС — продолжают оставаться наиболее влиятельными силами и в Организации, и в целом на пространстве ЦАР. Нынешнее российско-китайское стратегическое сотрудничество в регионе — это прочный фундамент для строительства общего евразийского мира, развития и безопасности. Другие страны-основатели — Казахстан, Узбекистан, Таджикистан и Киргизия — являются полноправными и активными субъектами деятельности ШОС. Важным для организации представляется поиск путей дальнейшего сбалансирования интересов шести государств — постоянных членов ШОС.

- Развитие организации по трем ключевым направлениям (экономическая сфера, безопасность и гуманитарное сотрудничество) объективно соответствует интересам российско-китайского стратегического партнерства и взаимодействия, а также национально-государственным устремлениям всех участников ШОС. Консенсус шести государств при принятии решений должен сохраняться как один из фундаментальных принципов, не требующих изменений.

- Решение ШОС о включении Афганистана в её ряды в качестве страны-наблюдателя было взвешенным и продуманным. Оно позволяет уже сейчас, без привлечения военной компоненты, активно взаимодействовать с кризисной Исламской Республикой Афганистан (ИРА) в инвестиционной и торгово-экономической сферах.

2. Вопросы безопасности на геополитическом пространстве ШОС

- ШОС уделяет пристальное внимание проблемам, сопряженным с выводом войск западной коалиции из Афганистана и фактам дестабилизации обстановки в Ливии, Сирии и Ираке. Это связано с тем, что так называемое Исламское государство (ИГ) стремится распространить объявленный им халифат на всё пространство «Большого Ближнего Востока». Активизировав свою террористическую деятельность, боевики ИГ действуют не хаотично, а на основе разработанной ими стратегии с чётко поставленными целями. Не исключено, что в качестве одной из таких целей будет ЦАР. Афганские и пакистанские талибы уже наладили связи с руководством созданного на территориях Сирии и Ирака ИГ и готовы оказать ему поддержку, что было продемонстрировано видеообращениями их лидеров, размещенными в Интернете, в которых они открыто призывают население стран Центрально-Азиатского региона с оружием в руках сражаться на их стороне и стороне ИГ.

- Угроза распространения влияния ИГ в Центральной Азии (ЦА) с сопутствующим укреплением позиций радикального исламизма в регионе объясняется наличием восприимчивой к этой идее социальной базы, способной возрасти в численности, в случае активизации сторонников ИГ по их возвращению на родину. На территории ИРА и Пакистана действуют «Исламское движение Восточного

Туркестана» и «Исламское движение Узбекистана». Они имеют боевой опыт и обросли международными связями.

- В случае возвращения подготовленных боевиков на родину, в странах Центральной Азии возможно повторение событий «арабской весны». При организации экспансии радикалов из Афганистана в первую очередь их целью могут стать Киргизия, Таджикистан и Узбекистан. Это логично вследствие геополитического положения этих стран, позволяющего концентрировать на их территории боевиков для действий по всем ключевым направлениям, включая Синьцзян-Уйгурский автономный район Китая.

- Эта опасность будет оставаться на таком уровне до тех пор, пока будет продолжаться миграция радикалов из названных стран к боевикам ИГ в Ирак и Сирию. Если «Исламское государство» будет разгромлено или, наоборот, стабилизируется, можно ожидать что этот поток радикалов развернётся в обратном направлении. Тогда потенциальная опасность региональной стабильности на пространстве ШОС трансформируется в непосредственную угрозу.

- Недостаточное противодействие наркоторговле в Афганистане со стороны Международных сил содействия безопасности в ИРА привело к формированию разветвлённой сети наркотрафика, опустившего всю Евразию. Доля этой страны в мировом производстве опиума выросла почти до 90 %. Это вносит свой негативный вклад в развитие террористической угрозы за счёт использования части вырванных средств на нужды террористических организаций. Поэтому ШОС во взаимодействии с ОДКБ должна быть в готовности к борьбе с этим «наследством» после ухода из Афганистана контингента международных сил.

- В условиях неопределённости относительно направления развития ситуации в ЦАР в сфере безопасности и реальной возможности эскалации террористических угроз, усиление силового компонента ШОС становится выгодно всем государствам — участникам организации.

Это диктует целесообразность корректировки курса ШОС в сторону укрепления ее оборонной составляющей. Однако организация не планирует создавать собственную военную структуру: действующая Хартия ШОС не предусматривает возможность формирования вооруженных сил под эгидой организации. Сотрудничество по ли-

нии министерств обороны, одним из аспектов которого являются учения «Мирная миссия», имеет задачей отработку взаимодействия подразделений стран ШОС только в антитеррористическом ключе. И это представляется единственно правильным на настоящий момент решением, ибо именно от международного терроризма сейчас исходит наибольшая опасность стабильности в ЦАР. Вряд ли для ШОС в текущих условиях было бы уместным внеэкономическое (силовое) противостояние этническому и религиозному сепаратизму, поскольку оно обострило бы проблему соблюдения той грани, за которой началось бы «вмешательство во внутренние дела», полностью отвергаемое Хартией ШОС.

3. 0 проблемах и перспективах экономической и гуманитарной деятельности ШОС

- В экономической сфере деятельности ШОС существует проблема несбалансированности внешней торговли между странами, которая объясняется складывающейся в последние годы преимущественно экспортно-сырьевой моделью развития России и практически всех стран Центральной Азии. Это привело к неустойчивости их экономик, что подтвердил ход развития мирового кризиса. В текущих достаточно жестких финансово-экономических условиях целесообразно не фокусировать внимание и не концентрировать силы на преодолении сложившегося дисбаланса, поскольку идеального баланса, как правило, не существует. Требуется выработать механизм создания благоприятных условий и обособованных предпочтений для привлечения крупного частного капитала в совместную деятельность на пространстве ШОС, а именно — разработать механизмы государственной поддержки национальных корпораций в их работе на рынках других стран Шанхайской организации.

- Для РФ и КНР сфера транспортных перевозок остается одной из наиболее конкурентных. Большую активность проявляет Китай, который создает альтернативную Транссибу сеть по Евразийскому трансконтинентальному пути. При этом интересы России все больше фокусируются на формировании инфраструктуры в рамках проекта ЕАЭС. Развитие транспортных китайских «коридоров» в Евразии для РФ является одновременно и конкурентным фактором, и

возможностью региональной транспортной кооперации. Успешность формирования транспортных коридоров для России и Китая будет определяться не столько объемами перевозок, сколько степенью интеграции этих стран в единое экономическое пространство евроазиатского рынка.

- На экономическом пространстве ШОС существует проблема её взаимодействия с ЕАЭС: между этими интеграционными группировками будет происходить конкуренция. Однако по мере углубления двусторонних экономических отношений следует ожидать, что Китай и Россия вместе наладят процесс развития региональной экономической кооперации. Использование трансазиатской магистрали в рамках реализации китайского проекта нового Шелкового пути способно смягчить трения между ЕАЭС и Китаем, поскольку позволит последнему увеличить экспортируемую товарную массу и, таким образом, скомпенсировать потери от пересечения пространства Таможенного союза.

- В инвестиционном взаимодействии стран ШОС пока доминируют двусторонние проекты стран-лидеров (КНР) с другими странами организации. По объемам капиталовложений в экономику стран Центральной Азии Китай является крупнейшим инвестором. При этом, используя ресурсный потенциал региона, КНР не только решает задачу по модернизации национальной экономики, прежде всего сопредельного Синьцзян-Уйгурского автономного района, но также укрепляет свое политическое влияние в этих странах. Россия преимущественно взаимодействует с Казахстаном, Таджикистаном и Киргизией. В целом системное многостороннее сотрудничество в экономической сфере организации продолжает отставать от двустороннего сотрудничества.

- Тем не менее постепенно на экономическом пространстве ШОС складываются условия для создания совместных российско- и китайско-центральноазиатских предприятий. Низкая энергоемкость промышленного производства в ЦА, наличие в регионе квалифицированной и недорогой (даже по китайским меркам) рабочей силы могли бы стать факторами конкурентоспособности продукции совместных предприятий в сферах электротехнической, энергетической, химической, отдельных отраслях машиностроения, легкой промышленности и сельского хозяйства на мировом рынке.

• При этом до сих пор практически не раскрыты возможности энергетического сотрудничества в ШОС. Поэтому идея «Энергетического клуба» пока не получила должного развития. Необходимо продолжить разработку создания координирующего органа стран — экспортеров нефти и газа организации (включая постоянных членов, наблюдателей и партнеров по диалогу), разработать план развития и координации экспорта и импорта углеводородных ресурсов. Формирование единого энергетического рынка ШОС может стимулировать совместные разработки новых, возобновляемых источников энергии — солнечной и ветровой. Принципиально важным для реализации энергетической программы является то, что, несмотря на наличие в сфере распределения энергоресурсов в треугольнике Россия—Центральная Азия—Китай точек напряженности, реальной конкуренции между российскими и китайскими корпорациями за ресурсы туркменского, казахского или узбекского газа пока нет. Это означает, что политические возможности российско-китайского партнерства достаточны для купирования отдельных коммерческих потерь и энергетических «нестыковок».

• Действующее законодательство РФ ограничивает возможности реализовывать долгосрочные инвестиционные контракты с привлечением средств инвесторов и повышает их экономические риски. Между тем широкая реализация проектов государственно-частного партнерства может быть ключевым компонентом в национальных стратегиях развития как России, так и других стран ШОС по пути перехода от ресурсно-сырьевой к инновационной экономике.

• В свете того что экономическое сотрудничество внутри ШОС ныне осложняется в связи с особенностями современной мировой и региональной обстановки, видится целесообразным «воспользоваться моментом» и обратить внимание на усиление гуманитарной составляющей организации, которая менее подвластна воздействию внешних факторов. В определенной мере гуманитарное сотрудничество могло бы исполнить роль компенсаторного механизма в случае торможения коллективного взаимодействия ШОС по другим направлениям.

• Информационное обеспечение Шанхайской организации на официальном уровне выглядит довольно солидно. У нее есть свои информационные интернет-ресурсы (URL: <http://www.sectesco.org/>

RU123/ и URL: <http://infoshos.ru/>). Основные события в жизни ШОС, саммиты, совещания, визиты руководителей, учения «Мирная миссия» получают своевременное освещение в СМИ стран-участниц. Однако широкие слои населения имеют недостаточно информации об организации, плохо представляют ее практическую полезность для обычных граждан.

• Поэтому представляется оправданным продумать особые меры по освещению жизни Шанхайской организации, адресованные простым гражданам. Среди них можно было бы назвать создание серии радиопередач о ШОС для центральных радиостанций стран-участниц. По линии социальной рекламы следовало бы запускать короткие видеоролики по ТВ или в кино перед сеансами. В тематику этих аудио- и видеоматериалов следует включать вопросы культуры и быта народов-партнеров и их обычаи (обычаи других этносов часто представляются особенно интересным аспектом взаимознания). Также необходимо рассказывать, как именно организация может повлиять на экономику, культурную жизнь государств-членов и защиту людей от «трех зол».

На основании выводов о проблемах и перспективах развития ШОС в современном мире представляется возможным сформировать следующие рекомендации, **касающиеся Стратегии развития организации на период до 2025 г.:**

1. При окончательной доработке Стратегии развития ШОС целесообразно согласовать общую трактовку региональной безопасности с учётом национальных интересов каждого государства — члена ШОС в свете ее генеральных задач. Это может быть осуществлено путем анализа таких вопросов, как место и возможности каждого участника в коллективной политической и экономической кооперации, в сфере поддержания безопасности и стабильности, включая афганскую проблему, а также роль института наблюдателей, его функций, перспектив расширения и др. Необходима точная характеристика различий и «нестыковок» в интересах каждого из участников с целью разработки методики достижения компромиссов, обеспечивающих соблюдение консенсус-принципа.

2. При этом «Шанхайский секстет» должен оставаться многопрофильным неконфронтационным объединением, способным по мере своего развития самостоятельно решать проблемы региональной

безопасности без вмешательства извне путем ликвидации социально-экономических условий для существования «трех зол». Придание ШОС блокового «военизированного» характера ныне представляется недостижимым по причине вариативности кооперационных предпочтений центральноазиатских членов ШОС. Вряд ли они согласятся отойти от принципа «многовекторности» их внешней политики и выступить единым с КНР и РФ силовым или даже экономическим фронтом, например, против Запада.

3. Вместе с тем необходима выработка поэтапной дорожной карты сотрудничества шести государств ШОС в деле укрепления региональной безопасности. Члены организации не должны поддаваться на попытки Запада дестабилизировать обстановку в Евразии, а также в государствах постсоветского пространства. Здесь для ШОС нужны другие методы: не следует поддаваться на провокации и первыми пытаться выбить клин клином. Важно не просто адекватно реагировать на увеличение недружественных военных формирований в сопредельных государствах, но и создавать благоприятные условия для собственного экономического наступления. Небесполезно и создание в ЦАР доступной инфраструктуры двойного назначения.

4. Совместная работа стран ШОС по нейтрализации «трех зол» и негативного влияния радикальных исламистских течений в регионе необходима, но не столько путем усиления оборонной составляющей организации (хотя и это целесообразно), сколько социально-экономическими и гуманитарными средствами. Это позволило бы сохранить статус ШОС как неблоковой, но вместе с тем комплексной, отвечающей задачам противодействия экстремистским, террористическим вызовам и угрозам, структуры. В этом плане целесообразно подумать о расширении функционала и повышении практической дееспособности Региональной антитеррористической структуры путём создания на её базе (или в её составе) координационного комитета по организации и реальному проведению акций (операций) по противодействию наркотическим и террористическим угрозам.

5. При уточнении экономической части Стратегии развития ШОС следует первостепенное внимание уделить координации банковско-инвестиционной активности финансовых организаций РФ и КНР. В частности, в случае сохранения тактических российско-китайских «нестыкровок» по вопросу создания «Банка ШОС» — меха-

низма финансирования проектов организации, — сосредоточить внимание на вопросе возведения «здания» Банка развития ШОС на базе успешно действующего в регионе Евразийского банка развития. Данный вариант позволит совместить кредитно-инвестиционную деятельность ШОС и многих членов Евразийского экономического союза.

6. В качестве одного из ключевых тезисов Стратегии целесообразно провести идею сопряжения/соразвития двух глобальных проектов — Шанхайской организации: Экономического пояса Великого шелкового пути и Евразийского экономического союза. Наложение данных проектов способно создать эффект синергии и вскрыть дополнительные возможности для социально-экономического развития ЦА. Также необходимо проработать политическую, финансово-экономическую, инфраструктурную и информационную логику сочетания этих проектов. Целесообразно учесть и то, что практическому наполнению идеи соразвития ШОС и Экономического пояса Шелкового пути может послужить реализация ряда проектов китайско-российского сотрудничества, в частности строительство нефте- и газопроводов, железной дороги Китай—Казахстан—Россия, автомобильной дороги Западный Китай—Западная Европа и др.

7. Целесообразно в Стратегии предложить пошаговый алгоритм поддержки восстановления Афганистана со стороны ШОС. Он должен способствовать не только экономическому возрождению ИРА, но и формированию новой долговременной экономической мотивации всех сторон. В этом случае коллективное сотрудничество государств ШОС на афганской почве приобретает устойчивый характер. При разработке данного алгоритма не следует уповать только на внутренний потенциал организации, но и продумать механизмы сотрудничества в афганской реконструкции с возможным большим числом государств — мировыми обладателями реального капитала. В случае успеха такой кооперации ИРА может получить значительно больший объем инвестиций и технического содействия, а РФ и КНР — новых партнеров по реализации значимых региональных проектов с российским и китайским участием. Здесь небесполезными могут оказаться и связи с государствами Южной Азии как непосредственным окружением Афганистана.

8. В Стратегии следует особо подчеркнуть важность упорядочивания ситуации в области гидроресурсов Центральной Азии, особенно в системе водопользования Аму-Дарьи. В долгосрочном плане небесполезно предусмотреть возможность инвестирования со стороны стран ШОС в развитие водной инфраструктуры Афганистана, что в перспективе повысит его потенциал как внешнеэкономического партнера.

9. Видится целесообразным включение в Стратегию положения о развитии региональной логистики путем сочленения общей дорожно-транспортной сети Афганистана и постсоветской Центральной Азии, встраивание ее как в уже существующие транспортные коридоры, так и планируемые в рамках проекта Экономического пояса Шелкового пути. Все это даст дополнительные возможности для увеличения товарооборота в Евразии в системе отношений Восток—Запад.

10. Также требуется определить механизм создания благоприятных условий и обоснованных преференций для привлечения крупного частного капитала в совместную деятельность на пространстве ШОС, а именно разработать механизмы государственной поддержки национальных корпораций в их работе на рынках других стран организации.

11. Целесообразно развивать механизм мониторинга экономической ситуации в Центрально-Азиатском регионе. Это достаточно перспективный инструмент выявления застойных зон бедности, депрессивных регионов, являющихся в потенциале источниками социальных волнений и нестабильности. Объединение усилий России и Китая в формировании новых индустриальных черт ЦАР отвечает фундаментальным интересам странам региона. Эти направления можно было бы учесть при конкретизации концепции Экономического пояса Шелкового пути в рамках проекта Стратегии развития ШОС до 2025 г.

12. Попутно целесообразно ускорить совершенствование законодательных норм, направленных на государственное регулирование основ государственно-частного предпринимательства на пространстве ШОС. Особенно это касается России и долгосрочного предоставления государственных гарантий стран — членов Шанхайской организации на срок более 10 лет, а также государственных

обязательств по финансированию проектов за пределами трехлетнего периода. Кроме того, целесообразно определить устойчивые каналы финансирования.

13. Для налаживания устойчивых отношений России со странами Центральной Азии (не являющимися членами ЕАЭС, но входящими в ШОС) целесообразно сформировать специальную федеральную программу по интеграционному сближению. Необходимо определиться с государственным стимулированием российских частных инвесторов в экономику региона (путем предоставления им, например, льгот по налогу на прибыль). Эта мера могла бы частично сократить отставание РФ от КНР в деле инвестирования в ЦА.

14. Для практического взаимодействия в формате ШОС необходимо определить зоны многосторонней потенциальной кооперации в финансово-экономических, инвестиционных, банковских и транспортных опциях. При этом целесообразно политическими и экономическими средствами нивелировать противоречия внутри ЦА, сблизить векторы развития двух евразийских интеграционных группировок — ЕАЭС и ШОС, включая взаимодействие России и Китая на центральноазиатском направлении. Исходя из проекта Стратегии развития ШОС до 2025 г., важно разработать дорожную карту формирования многостороннего экономического сотрудничества внутри Шанхайской организации и создания механизмов взаимодействия между Секретариатом ШОС и исполнительным органом ЕАЭС (Евразийской экономической комиссией).

15. Консолидирующая основа ШОС (в противостоянии «трем зам», экономическом соразвитии, культурном взаимоузнавании) не нуждается в кардинальном изменении. Но её надо дополнить ещё одним мощным фактором — борьбой с бедностью, которую надо возвести в ранг приоритета Стратегии ШОС. Этот фактор будет хорошо понятен простому человеку. Если простой человек осознает, что Шанхайская организация — это сила, которая сделает его жизнь и жизнь его семьи лучше, то идея ШОС отпечатается в его мыслях и вообще получит широкую массовую поддержку. Для этого надо шире информировать людей о том, что организация имеет большие и благородные цели, и она может принести пользу не только государствам, но и простому населению.

16. В случае создания рейтингового агентства ШОС, возникнет возможность сгладить тот негативный эффект, который создают рейтинговые агентства Запада, предоставляющие собственные, зачастую предвзятые данные о странах — членах организации, об их экономике, внутренней жизни и о восприятии ШОС в мире. Если шосовское агентство станет публиковать свои данные в основных СМИ стран организации (ТВ, Интернет, радио плюс газеты и журналы), то это внесет ценнейший вклад в дело нейтрализации информации от рейтинговых агентств Запада. Это будет средством повышения имиджа всей ШОС в мировом общественном мнении. Попутно видится небесполезным продумать вопрос о бесплатной интернет-рассылке некоторых материалов аналитических служб РАТС (наподобие тому, как распространяют свои работы фонд Карнеги и аналитическая служба Stratfor). Это может оказаться целесообразным для «уравновешивания» мнений и оценок, продуцируемых аналитическими службами стран-конкурентов.

Сведения об авторах

Балакин Вячеслав Иванович, кандидат юридических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Центра исследования проблем Северо-Восточной Азии и ШОС Института Дальнего Востока РАН. E-mail: viacheslavbalakin@rambler.ru

Батюк Владимир Игоревич, доктор исторических наук, руководитель Центра военно-политических исследований Института США и Канады РАН. E-mail: ctas@inbox.ru

Бергер Яков Михайлович, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Центра изучения стратегических проблем Северо-Восточной Азии и ШОС Института Дальнего Востока РАН, заместитель главного редактора журнала «Проблемы Дальнего Востока» ИДВ РАН. E-mail: yakovberger@mail.ru

Васильев Леонид Евгеньевич, старший научный сотрудник Центра изучения стратегических проблем Северо-Восточной Азии и ШОС Института Дальнего Востока РАН. E-mail: levdvina@mail.ru

Гордиенко Дмитрий Владимирович, доктор военных наук, профессор, ведущий научный сотрудник Центра изучения стратегических проблем Северо-Восточной Азии и ШОС Института Дальнего Востока РАН, действительный член (академик) Академии военных наук. E-mail: gordienko@ifes-ras.ru

Давыдов Андрей Сергеевич, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра изучения стратегических проблем Северо-Восточной Азии и ШОС Института Дальнего Востока РАН, заместитель главного редактора журнала «Проблемы Дальнего Востока» ИДВ РАН. E-mail: pdv@ifes-ras.ru

Канаровский Михаил Алексеевич, кандидат исторических наук, Чрезвычайный и Полномочный Посол, ведущий научный сотрудник Центра исследований Восточной Азии и ШОС Института меж-

дународных исследований МГИМО (У) МИД России. E-mail: asia@mgimo.ru

Клименко Анатолий Филиппович, кандидат военных наук, профессор, заместитель руководителя Центра изучения стратегических проблем Северо-Восточной Азии и ШОС Института Дальнего Востока РАН. E-mail: klimenko46@mail.ru

Комиссина Ирина Николаевна, старший научный сотрудник Центра Азии и Ближнего Востока Российского института стратегических исследований. E-mail: irina.komissina@yandex.ru

Лузянин Сергей Геннадьевич, доктор исторических наук, профессор, и. о. директора Института Дальнего Востока РАН, руководитель Центра изучения стратегических проблем Северо-Восточной Азии и ШОС Института Дальнего Востока РАН. E-mail: lousianin@ifes-ras.ru

Матвеев Владимир Александрович, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Центра изучения стратегических проблем Северо-Восточной Азии и ШОС Института Дальнего Востока РАН. E-mail: matveevva@mail.ru

Морозов Юрий Васильевич, кандидат военных наук, профессор, ведущий научный сотрудник Центра изучения стратегических проблем Северо-Восточной Азии и ШОС Института Дальнего Востока РАН. E-mail: morozovyury51@yandex.ru

Сафронова Елена Ильинична, кандидат экономических наук, ведущий научных сотрудник Центра изучения и прогнозирования российско-китайских отношений Института Дальнего Востока РАН. E-mail: safronova@ifes-ras.ru

Сотников Владимир Иванович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН. E-mail: sotnikov.vladimir@gmail.com

Summary

Shanghai Cooperation Organization Prospects from the Point of View of Russian National Interests. /Ed. by Yury V. Morozov. Moscow: Institute of Far Eastern Studies, Russian Academy of Sciences, 2016.

The present collection grows out of researches of existing problems of the Shanghai Cooperation Organization (SCO) activity in the modern geopolitical and economic situation in the Central-Asian region and prospects of Organization development from the point of view of Russian national interests. It included reports and the performances devoted to these questions within the conferences, spent in Institute of the Far East Studies RAS in 2014—2015.

The purposes of this collection are — to analyze SCO activity and its States in political, economic and humanitarian areas; to estimate the military-political situation developing in the Central-Asian region and to reveal degree of its influence on Russian national interests; to provide recommendations for the SCO strategy development for intermediate term prospect. Regarding that this collection it is considered four blocks of questions: tendencies of situation progress in the Central-Asian region and strategic aspects of the SCO development; an economic component of the Organization activity; cultural and humanitarian communications of the SCO States; problems of regional security and Russian national interests there.

In the conclusion of the collection there are same recommendations, devoted to the SCO strategy concerning prospects for the period till 2025 and offers regarding to the Russian Federation strengthening positions of in the Central-Asian region, deepening of its interaction with other member SCO States are resulted. Recommendations and offers of the experts from the Institute of the Far East Studies and from other institutes of the Russian Academy of Sciences, concerning SCO prospects, can represent practical interest for the government structures of the Russian Federations responsible for the Russian activity in this Organization.

Keywords: Shanghai Organization of Cooperation Development (SCO), China, Russia, international relations, new world order, State foreign policy, cooperation, security, regional zones of tension, Silk Road Economic Belt, Eurasian

---

Economic Union (EAEU), Central Asia, humanitarian and economic ties, integration projects, public-private partnerships.

Sergey G. LOUSIANIN. VALUE OF THE CENTRAL ASIA AND SCO: AN EXPERT DISCOURSE.

The article analyzes the East Asia security situation and the impact of Russia, China and the United States on it. Particular attention is given to the importance of the mega-project on creating a new economic space through conjugation of the Silk Road Economic Belt strategy (SREB) and the Eurasian Economic Union (EAEU) for the benefit of co-development and stability in Eurasia. The role of the SCO as a potential «technological» base for the implementation of both the EAEU project and the geopolitical core of the correlated projects SREB + EAEU is also considered. In article publications of some foreign experts devoted to the SCO prospects and the international relations in the Central-Asian region also are analyzed.

Keywords: Eurasia, Russia, China, USA, security, Silk Road Economic Belt (SREB), Eurasian Economic Union (EAEU), co-development, SCO.

Dmitry V. GORDIENKO. TRENDS OF THE DEVELOPMENT THE SITUATION IN CENTRAL ASIA.

Political events in 2014 on the western borders of the Russian Federation updated the problem of adjustment of long-term socio-political and socio-economic development. For Russia, this means, in particular, the implementation of its «Eurasian mission» for the SCO in the area of regional political, economic and military security in the Central Asian region. The article analysis the main actors interests of the political process in the Central Asian region. Using the methods of political and economic analysis the author provide same recommendations, devoted to the SCO prospects as a leading organization in promoting regional political, economic and military security in the Central Asian.

Keywords: regional security, the Shanghai Cooperation Organization, China, Kazakhstan, Kyrgyzstan, Tajikistan, Uzbekistan, Russian Federation, Mongolia, Pakistan, India, Iran, Turkey, United States.

Vladimir I. BATIUK. UNITED STATES POLICY AND STRATEGY IN THE CENTRAL-ASIAN REGION AFTER 2014.

The growth of tensions in the Bigger Middle East in 2014 has forced Washington to initiate the review of its politics in Central Asia. The US has to make a stake not on the so-called «democratic forces», but on the authoritarian dictators, like Uzbekistan's President Islam Karimov, capable to resist the Islamists' threat.

Keywords: region of Central Asia, US military policy, military bases, Islamic State.

Andrew S. DAVYDOV. INTENSIFICATION OF COOPERATION BETWEEN THE SCO, OBSERVER STATES AND OTHER ENTITIES FOR STABILIZING THE SITUATION IN AFGHANISTAN.

The article discusses the role that might be played by the Shanghai Cooperation Organization in collaboration with other agencies and a number of concerned States in the process of stabilizing the situation around Afghanistan and the establishment of peaceful life in this country.

Keywords: SCO, Afghanistan, cooperation, dialogue and consultation, security, geopolitical integrity, peace-making experience, countering challenges and threats.

Vladimir I. SOTNIKOV. PROSPECTS OF THE SCO'S COOPERATION DEVELOPMENT WITH IRAN AND PAKISTAN UNDER THE INFLUENCE OF VARIOUS SCENARIOS IN AFGHANISTAN AFTER 2014.

The article discusses the various options of promoting the interests of Iran and Pakistan in Afghanistan, depending on which scenario of development of the internal situation in Afghanistan will take place in the near future.

Keywords: Iran, Pakistan, Afghanistan, Russia, USA, China, SCO, the script, terrorism, Islamism.

Sergey G. LOUSIANIN, Elena I. SAFRONOVA. PROSPECTS OF THE SCO STRATEGY DEVELOPMENT.

The paper characterizes outcomes of the Shanghai Cooperation Organization's activities as for the SCO Summit in Ufa in 2015, analyzes current situation in the area of the Organization and puts forward a number of recommendations for relevant Russian agencies aimed at the intensification of the Shanghai Group's efforts in the medium term.

Keywords: SCO, China, Russia, strategy development, Russian-Chinese cooperation, Central Asia, regional security, «three evils» (terrorism, extremism and separatism), humanitarian ties.

Vladimir A. MATVEEV. VIEWS OF THE PAST AND PROSPECTS OF DEVELOPMENT OF ECONOMIC PROJECTS OF THE SCO.

The article is devoted to the modern problems of the implementation of multi-lateral economic projects in the SCO. It substantiates the important role of public-private partnerships to attract investment in large-scale infrastructure construction in China and Russia. A landmark among the problems implementing public-private partnership working to improve legislation in terms of long-term loans and guarantees for private investment.

Keywords: public-private partnership, the SCO transports corridors, East-West infrastructure projects, legislation, development model, international financial institutions, concession.

Vyacheslav I. BALAKIN. GEOPOLITICAL DEMENSION OF RUSSIAN-CHINESE INVESTMENT COOPERATION IN THE SCO FRAMEWORK.

During last year's SOC has performed in Central Asia like effective enough mechanism of cooperation between Russia and China. When SOC has been established Russia and China were able to overcome momentary disagreements following their own national strategic interests of regional security in Central Asia region. It's notable, that Chinese leadership has permanently underlined importance of investment to Central Asia region to fill economic essence for SOC's activity. In this way China persuades Russia in full legality of its action, since that direction of the region cooperation has been adjusted and registered in SOC's official documents. Russia-China investment cooperation in frame of SOC is one of the most important direction of two great powers' regional integration.

Key words: Russia, China, investment cooperation, SOC, Central Asia, Russian-Chinese cooperation.

Alexander G. LARIN. THE PROJECTS OF THE «SILK ROAD OF THE XXI CENTURY» AND RUSSIAN NATIONAL INTERESTS.

The article analyzes the proposal of the Chinese President Si Jinping to form the Economic belt of the Silk Road from China to Europe. This can be a culminating point in a series of Chinese initiatives that can radically change the entire course of economic life in the two continents. The author analyzes what it means for Russia the formation of the Belt and whether it needs to participate in its construction and in what form?

Keywords: threats, «the economic belt of the Great Silk Road», multilateral cooperation, Europe, Russia, China, SCO.

Vyacheslav I. BALAKIN. PROSPECTS OF DEVELOPMENT OF THE SCO, ENSURING THE IMPLEMENTATION OF MULTILATERAL ECONOMIC PROJECTS.

According to the expertise of overseas specialists, during forthcoming summit in Ufa will take place confident Russia — China dialogue which finally form SOC as a multifunctional geopolitical mechanism. The new role of SOC not only defines in farseeing perspective the fate of Eurasia but underline in economic aspect having not become real strategic cooperation on post-soviet area between Russian Federation and European Union. Today in SOC there have consistently grown problems asking

to stimulate processes of regional economic integration and creation of common trade, investment, logistic clusters; besides too sensitive there has occurred the question of forming stable financial infrastructure. However China not so quick has orientated in formed situation and only in the last moment intercept its western competitors' initiative concerning the idea to create a zone of exclusive economic influence in Central Asia.

Key words: Russia, China, SOC, regional integration, Central Asia.

Vladimir A. MATVEEV. THE CONCEPT OF THE ECONOMIC ZONES OF THE SILK ROAD AND THE POSSIBLE CONSEQUENCES OF ITS IMPLEMENTATION FOR THE FUTURE OF THE SCO.

The article analyzes the external economic threat to the further development of China and the need for special emphasis on contacts with neighboring states. China proposed a new model of cooperation with the countries of Eurasia in the form of the concept of a «economic belt along the Silk Road.» It is emphasized that Russia and China have intermeshed in the Central Asian region strategy: Eurasian economic Union (EAEC) and the «Economic belt along the Silk Road» that focus on almost the same country. The offers for the practical-agency cooperation within the SCO framework.

Keywords: threats, the concept of «economic times of the Silk Road», economic Development Corridor, multilateral cooperation in continental Eurasia Transkonway SCO, EAEC.

Yury V. MOROZOV. STRENGTHS AND WEAKNESSES OF THE RUSSIAN HUMANITARIAN ACTIVITY IN THE SCO AREAS: POSSIBLE SOLUTION OF THE EXISTING PROBLEMS.

The article analyzes the strengths and weaknesses of humanitarian cooperation of Russia with the Central Asian States and possible directions of its development in the framework of the SCO.

Keywords: humanitarian cooperation, soft power, Central Asia, Russia, China, SCO.

Yaakov M. BERGER. SOME STRATEGIC ASPECTS OF THE CHINA RAISE FROM THE POINT OF VIEW OF GENERAL LIEW YAZHOU.

Colonel-General Liew Yazhou occupies an outstanding position within the Chinese military elite being the political commissar of the National University of Defence which is the highest educational institute for commandment personal of the Chinese Army. His wife is the daughter of one of the Chinese revolutionary leaders. So they belong to «the second red generation» of Chinese rulers as well as Hsi Jinping. Liew Yazhou is well-known in China and abroad as a geo-political thinker

and a non-fiction writer. He believes that the main threat to China's security is coming from within itself because its soft power is weak. As to the outward direction of the Chinese expansion is concerned it should be westward. Liew Yazhou is a resolute defender of a continental strategy for China. His mind is that the westward movement should be considered as an important part of Chinese rebirth. It is to hinder the US expansion to the Central Asia.

Liew Yazhou insists that national security includes not only secure territorial frontiers but also secure frontiers of national interests. The latter ones are widening in the process of the national development. Liew Yazhou does not support the idea of an inevitable collision of Chinese and US national interests. He suggests preserving low profile waiting for an appropriate moment to begin a struggle.

Key words: China, USA, strategy, national interests, security, Central Asia, soft power

Elena I. SAFRONOVA. TO THE QUESTION OF THE INTERPRITATION OT THE SOFT POWER AND THE APPROPRIATENESS OT IT'S USE IN THE SCO.

Having described the most widespread interpretations of the «soft power» concept (SP) and offered her own understanding of the notion, the author explores features of the Chinese SP in the SCO, and puts forward for relevant Russian agencies a number of recommendations to improve the efficiency of Russia's soft power efforts in the SCO area, and not only there.

Keywords: SCO, Russia, China, «soft power», humanitarian relations, foreign policy interests, «people's diplomacy», cultural exchange, J.S. Nye.

Yury V. MOROZOV. THE REGIONAL SECURITY PROBLEMS AND RUSSIAN NATIONAL INTERESTS.

The article analyzes the importance of the Central Asian region for the national interests of Russia, its strengths and weaknesses in it. Identified regional challenges and risks for the Russian Federation national interests of and prepositional possible directions of its strategy in the XXI century in the interests of strengthening its role in the region are mentioned in this article.

Keywords: region, Central Asia, Russia, the West, China, USA, economy, security.

Anatoly F. KLIMENKO. PROSPECTS OF THE CENTRAL ASIA MILITARY-POLITICAL SITYATION DEVELOPMENT. THE INTERACTION BETWEEN THE CSTO AND THE SCO ON REGIONAL SECURITY.

The article analyzes the prospects of the military-political situation development in Central Asia and possible areas of interaction of the CSTO and SCO to en-

sure regional security. The author believes that the Shanghai cooperation organization could become a real factor of regional and world politics only under certain conditions.

Keywords: threats, the SCO, the CSTO Central Asian region, Tajikistan, Kazakhstan, Russia, China, India, Pakistan.

Mikhail A. KANAROVSKAY. SCO POTENTIAL FOR AFGHANISTAN IN THE LIGHT OF THE 2014 FACTORS.

The article examines the ability of the Shanghai cooperation organization in the nearest future to overcome the inertia and to start the influence on the regional situation, primarily along the southern borders of the Organization. While much will depend on how effectively the SCO will be able to use their capabilities in Afghanistan. The most rational meeting the strategic interests of the SCO, would be a return of Afghanistan to a neutral status. However, in light of the rapid cooling of relations between Russia and the West in connection with the events in Ukraine, Russian partners of the SCO, which has taken a wait and see attitude in this confrontation, can at certain times to ease cooperation with Russia on the SCO site.

Keywords: threats, SCO, CSTO, Central Asia, Russia, China, Uzbekistan, Kazakhstan.

Dmitry V. GORDIENKO. STRUCTURES AND PATTERNS OF DEVELOPMENT OF THE SCO AS A PLATFORM FOR DIALOGUE ON REGIONAL SECURITY.

An approach to the assessment of existing structures and patterns of development of the Shanghai Cooperation Organization as a forum for dialogue on issues of regional security, development trends of political, military and economic situation in Central Asia today. It is concluded that under the conditions of the implementation of its Russian «Eurasian mission» remains a priority of regional security in the Central Asian region. Possible main instrument of regional security in Central Asia in modern conditions can become the Shanghai Cooperation Organization and its structures.

Keywords: regional security, regional security, military security, economic security, the Shanghai Cooperation Organization, Central Asia.

Irina N. KOMISSINA. DRUG TRAFFICKING FROM AFGHANISTAN: THREAT TO THE SECURITY OF THE SCO MEMBER STATES.

In her article the author argues about the failure of the donor countries efforts in Afghanistan in its anti-drug fight, which is confirmed by a number of negative trends emerging. After the withdrawal of US troops from Afghanistan there are some of the possible scenarios of the country development, in one of which Afghanistan

can become a narco-state. Ineffective international and national anti-drug strategy in Afghanistan requires the SCO countries intensify work in this direction. The members of the SCO joint efforts in the framework of a single structure can more effectively confront the drug threat

Keywords: narcotics, precursors, the SCO, Afghanistan, American, troops, strategy, the efforts of Tajikistan, the Federal service for control over drug trafficking.

Leonid E. VASILYEV. FEATURES OF MODERN TERRORISM AND COUNTER- TERRORISM IN THE SCO AREA.

The article is dedicated to the analysis of modern terrorism, its specific features, main reasons, methods and techniques used in terrorist acts, modern trends in terrorism development. Special attention is given to the most dangerous type of modern terrorism — state terrorism and its forms. The article also considers the key features of terrorist activities within the territory of SCO.

Keywords: terrorism, separatism, extremism, safety, geopolitics, the Shanghai Cooperation Organization (SCO), the territory of SCO.

Anatoly F. KLIMENKO. RUSSIA AND SECURITY ISSUES IN THE CENTRAL ASIA.

The article describes the evolution of the situation in Afghanistan and the relationship of drug trafficking and international terrorism. It shows their impact on the security and stability of Central Asia. The author suggests possible directions of Russia's actions in interests of ensuring national and regional security. These proposals have an understanding of Chinese experts.

Keywords: drug trafficking, terrorism, threats, SCO, CSTO, Central Asia, Russia, China, Afghanistan.

Yury V. MOROZOV, Anatoly F. KLIMENKO. CONCLUSION.

In conclusion of the collection the recommendations of the SCO strategy concerning prospects for the period till 2025 and to strengthening of the Russian Federation positions in the Central-Asian region, and deepening of its interaction with member SCO States are resulted.

Offers of experts of Institute of the Far East Studies and from other institutes of the Russian Academy of Sciences, concerning SCO prospects, can represent practical interest for the government structures of the Russian Federations responsible for the Russian activity in this Organization.

Keywords: Shanghai Organization of Cooperation Development (SCO), Russia, international relations, new world order, foreign policy, cooperation, security, regional zones of tension, Silk Road Economic Belt, Eurasian Economic Union (EAEU), Central Asia.

Научное издание

**Перспективы развития ШОС
с точки зрения национальных интересов России**

Редактор *Н.И. Иванова*
Корректор *Н.И. Иванова*
Компьютерная верстка *С.Ю. Тарасова*
Обложка *Т.В. Иваншиной*

Подписано в печать 24.03.2016.
Формат 60×84/16. Печать офсетная. Гарнитура «Таймс».
Печ. л. 19,0. Бумага офсетная.
Тираж 500 экз. (1-й завод — 150 экз.).
Заказ № 2

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт Дальнего Востока
Российской академии наук
г. Москва, Нахимовский пр., 32

Уважаемые читатели!

Электронные версии книг, выпускаемых ИДВ РАН,
размещаются в электронной библиотеке института
со свободным доступом, находящейся
на интернет-сайте ИДВ РАН
www.ifes-ras.ru.

Контакты:

по вопросам работы электронной библиотеки —
Отдел наукометрии и информационных
технологий ИДВ РАН,
тел.: +7-499-124-0802 или e-mail: it@ifes-ras.ru.

Почтовый адрес ИДВ РАН:

Москва 117997, Нахимовский пр-т, 32.